

**ТРАДИЦИОННАЯ
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ**

ГРОЗНЫЙ — 1989

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ,
СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР

ТРАДИЦИОННАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

239058

Отдел
комплетования
и обработки

НАЗРАНОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Инв. №

ГРОЗНЫЙ — 1989

Печатается по постановлению Ученого совета Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР. (Темплан 1989 г.).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Х. М. Мамаев (ответственный редактор),
З. И. Хасбулатова, Д. Ю. Чахкиев

Рецензент: межвузовская кафедра истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского государственного университета имени Л. Н. Толстого (зав. кафедрой профессор **В. Б. Виноградов**).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В секторе археологии и этнографии Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии практически с момента его создания в 1964 году сложилась традиция ознакомления научной и широкой общественности с результатами исследования различных проблем древней и средневековой истории, археологии и этнографии Чечено-Ингушетии путем регулярного издания сборников научных статей. Начатая в 1966 году публикацией первого «Археолого-этнографического сборника» (последующие два тома вышли в 1968 и 1969 годах, а четвертый — после длительного перерыва в 1976 году) эта практика в дальнейшем получила свое воплощение в ежегодном издании тематических научных сборников. За последние 10 лет сотрудники сектора вместе с учеными вузов и других научных учреждений страны и республики опубликовали их 14: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979; Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981; Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981; Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982; Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982; Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984; Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985; Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985; Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986; Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986; Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987; Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

Предлагаемый читателям очередной сборник, подготовленный сектором (и. о. заведующего Д. Ю. Чаккиев), посвящен публикации и научному осмыслению новейших археологических и этно-

графических данных о традиционной материальной культуре населения Чечено-Ингушетии с XIII в. вплоть до начала XX в. и отражает в основном результаты полевых исследований его сотрудников ряда последних лет.

М. Б. Мужухоев публикует разнообразные предметы средневековой материальной культуры, обнаруженные в ходе охранных раскопок разрушенной части могильника из каменных ящиков у селения Кели (Кий) в зоне строительства Кавказской перевальной железной дороги. Это образцы вооружения, украшения, предметы быта, которые, по мнению автора, позволяют датировать могильник XIII—XIV вв.

В объемной статье Р. А. Даутовой, Х. М. Мамаева, Е. И. Нарожного, Д. Ю. Чаккиева излагаются результаты раскопок одного из крупнейших на Северном Кавказе склеповых некрополей у селения Шуап в горной Ингушетии. Богатые материалы четырех коллективных усыпальниц существенно расширяют и углубляют сложившиеся представления о материальной культуре XIII—XV вв. горных районов края, связях его населения с внешним миром, хронологии местных средневековых древностей.

В статье Д. Ю. Чаккиева впервые обобщаются и анализируются известные на сегодняшний день образцы ручного огнестрельного оружия, найденные на территории Чечено-Ингушетии. На основе широкого применения данных письменных источников, фольклора и иных сведений устанавливается время и основные пути проникновения огнестрельного оружия к вайнахам, приемы использования его в бою, центры местного производства.

Р. А. Даутова вводит в научный оборот материалы археологического изучения интересного памятника — склепа с так называемой поминальной камерой у горноингушского селения Эрзи. Они не только характеризуют материальную культуру и быт ингушей конца эпохи позднего средневековья, но и закладывают твердую фактическую основу в исследование этого редкого и во многом пока неясного типа погребальных сооружений.

Две статьи этнографов посвящены по существу одной теме — традиционной одежде вайнахов. В основу статьи Б. Б.-А. Абдулвахабовой, З. А. Мадаевой положены интересные образцы женской одежды из археологических памятников XVII—XVIII вв. горной Чечено-Ингушетии. Привлекая этнографический материал, авторы описывают основные компоненты комплекса одежды горянок, приемы ее изготовления. Статья З. И. Хасбулатовой, написанная с использованием более поздних данных, затрагивает малоисследованный вопрос о роли традиционной одежды в обычаях и обрядах семейного цикла чеченцев и ингушей в XIX — начале XX в.

Завершается сборник статей С.-М. А. Хаснева, рассматривающего разнообразные полеводческие орудия и агротехнические све-

дения, характеризующие злаковое производство в хозяйстве преимущественно горных районов края не позднее начала текущего столетия.

Хотелось бы надеяться, что сборник будет встречен с интересом не только специалистами-кавказоведами, но и более широкими кругами читателей, активно стремящихся удовлетворить усилившийся, особенно в последние годы, интерес к истории родного края.

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают признательность межвузовской кафедре истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского госуниверситета, любезно взявшей на себя труд рецензента, сделавшей ряд ценных замечаний и рекомендовавшей сборник в печать. Слова особой благодарности адресуются тем жителям сельских районов республики, которые оказали помощь авторам в полевых археолого-этнографических изысканиях.

Редакционная коллегия

ПРЕДМЕТЫ ТРАДИЦИОННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО КИЙСКОГО (КЕЛИЙСКОГО) МОГИЛЬНИКА В ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Средневековый могильник близ башенного поселения Кий (Кели), расположенный на южном склоне горы Цей-Лам (Назрановский район ЧИАССР), начал изучаться в ходе охранных раскопок, развернувшихся в зоне строительства Кавказской перевальной железной дороги с 1987 года¹. Отряд Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии под руководством автора, работая параллельно с археологами Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л. Н. Толстого, исследовал на обширном могильном поле 52 каменных ящика, содержащих более 100 погребений. В ряде случаев была отмечена последовательность захоронений (до 5-ти), при этом кости предшествующих погребений сдвигались или довольно часто выносились на плиты перекрытия каменных ящиков. Умершие укладывались вытянуто на спине, как правило, головой на запад и сопровождались разнообразным инвентарем. Могильник, судя по погребальному обряду и инвентарю, «языческий» с некоторыми отголосками христианства и оставлен местным ингушским населением. Публикация этих материалов предстоит в будущем, в данном же случае в научный оборот вводятся предметы материальной культуры, собранные из разрушенных к началу раскопок погребений.

Предметы вооружения.

Два фрагмента железных сабель, сохранившаяся часть одного клинка слегка изогнута. Длина обломков — 11,5 и 16,5 см. (рис. 1, 1—2).

Найдено 23 железных черешковых наконечника стрел. Один с обломанной ударной частью, черешки некоторых сохранились не полностью. Три из найденных наконечников граненые, остальные — плоские. Длина четырехгранных — 4,6; 5,3; 6 см (рис. 1, 3, 9, 18). Среди плоских наконечников стрел выделяются несколько типов. Крупные ромбические с широкой боевой частью представлены 5 экземплярами. Их длина от 6,4 см (черешок обломан) до

¹ Состав отряда: М. Б. Мужухов, Х. М. Мамаев, Д. Ю. Чаккиев, Э. Д. Мужухов, О. Н. Гужова, Р. С. Хадашев, Т. А. Танкиев.

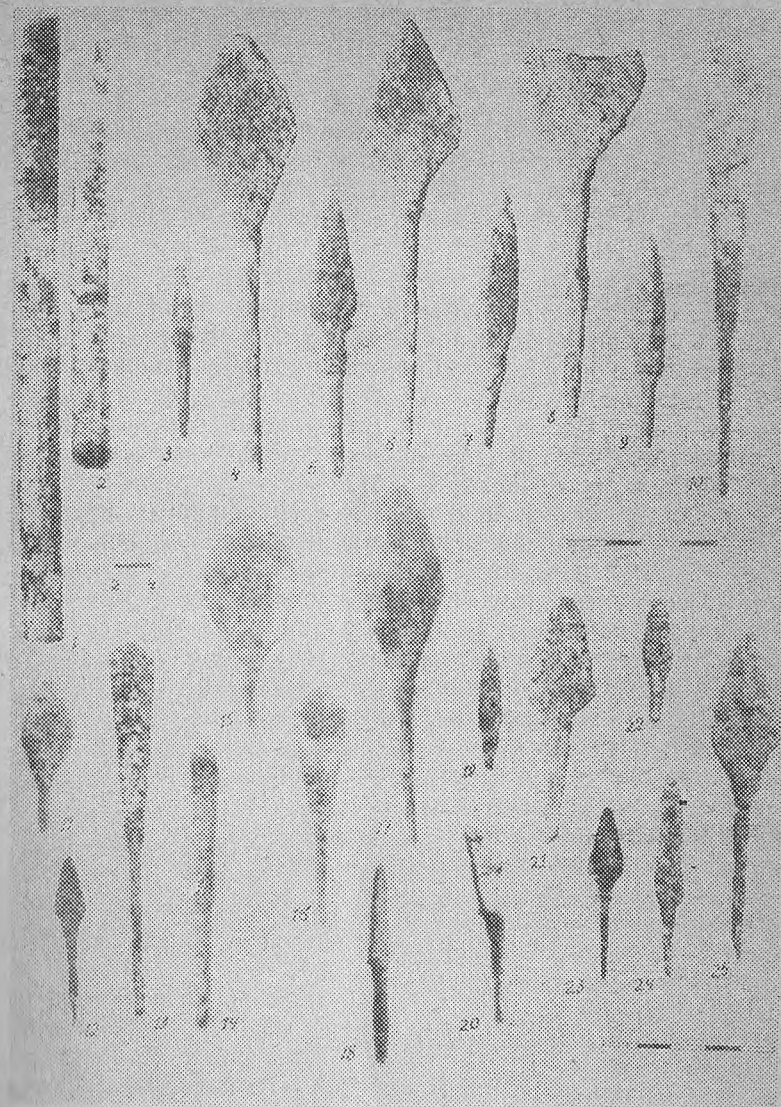

Рис. 1.

Предметы вооружения из разрушенных погребений Кийского (Келийского) могильника (1—2 — фрагменты сабель, 3—25 — разнотипные черешковые наконечники стрел)

11,7 см (рис. 1, 4, 6, 8, 15, 17). Удлиненно-ромбовидных наконечников стрел — 3 экземпляра. Их длина — 6,9; 7,6 и 9,5 см (рис. 1, 5, 7, 25). Три наконечника имели лопаточковидную и один — веслообразную форму. Длина — 6,5; 6,9; 10,9 и 12,3 см (рис. 1, 10, 13, 16, 20). Есть также ланцетовидный наконечник стрелы длиной 8,2 см (рис. 1, 14); четыре экземпляра ромбовидных наконечников стрел длиной 4,4; 4,9; 5 и 7,1 см (рис. 1, 11—12, 21, 23); три экземпляра простых плоских без четких очертаний, длина — 3,5; 3,8 и 6,1 см (рис. 1, 19, 22, 24).

Украшения.

Четыре металлических бубенчика с петлями для крепления — два из них — с продольным поясом (рис. 2, 1—4).

Три бронзовые спиральные пронизи, их сохранившаяся длина — 1,8; 2,7; 3 см (рис. 2, 5—7).

Бусы из камня, пасты и стекла, в том числе округлые, граненые, цилиндрические, украшенные разноцветными глазками, полосами — 17 экземпляров (рис. 2, 8—24).

Бусинная серьга овальной формы с проволочным креплением, сверху и снизу украшена шариками зерни, ее высота — 4,1 см (рис. 2, 25).

Замкнутокольцевые серьги из круглой в сечении проволоки — 3 экземпляра. Диаметр — 1,8; 1,9 и 2 см (рис. 2, 26—27, 32).

Серебряные серьги в виде кольца, сомкнутые концы которого перехвачены проволочной спиралью, — 4 экземпляра (один сохранился частично). Примерный диаметр — 2,1—2,7 см (рис. 2, 28, 31, 33, 36).

Металлическая округло-выпуклая бляшка с пробитыми отверстиями для крепления, диаметр — 2,4 см (рис. 2, 30).

Серьги-кольца из серебра, несомкнутые концы имеют отверстия — 4 экземпляра. Диаметр — 1,7—3,8 см (рис. 2, 29, 34—35, 37).

Две металлические бляшки округлых очертаний. Одна — с отверстиями для крепления, украшена четырьмя двойными кругами. Их диаметр — 2,3 и 3 см (рис. 2, 38—39).

Две металлические круглые полые висюльки в полтора оборота. Диаметр обеих — 3,5 см (рис. 2, 40—41).

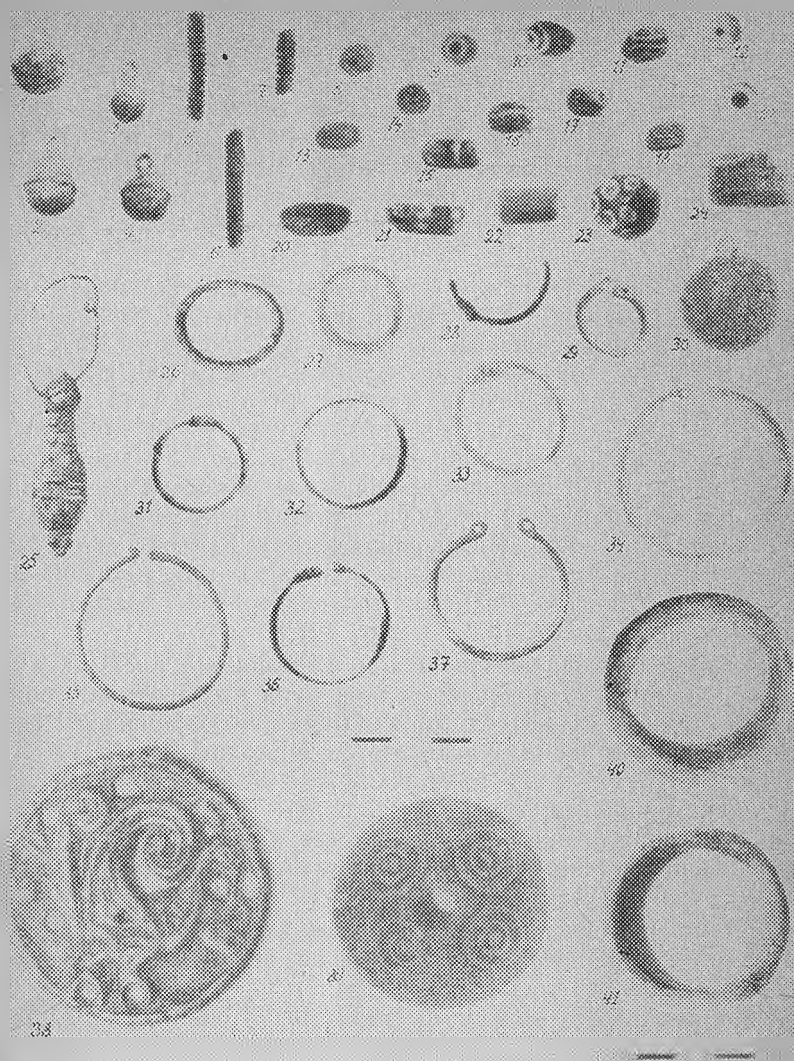
Предметы быта.

Литая трехкольчатая подвеска. Диаметр колец — 1,2 см (рис. 3, 1).

Три железных кольца, деформированы, одно сохранилось частично. Их примерный диаметр — 1,1; 1,2 и 1,3 см (рис. 3, 2—4).

Астрагалы мелкого рогатого скота — 2 экземпляра (рис. 3, 5—6).

Небольшого размера каменный оселок с круглым отверстием для подвешивания. Длина — 4,6 см (рис. 3, 7).

Р и с. 2.

Украшения из разрушенных погребений Кийского (Келийского) могильника (1—4 — бубенчики; 5—7 — спиральные пронизи; 8—24 — бусы; 25 — бусинная серьга; 26—27, 32 — замкнутокольцевые серьги; 28, 31, 33, 36 — серьги-кольца со спиралью; 30 — бляшка; 34—35, 37 — серьги-кольца с несомкнутыми концами; 38 — металлическая бляшка с изображением птицы; 39 — бляшка с орнаментом; 40—41 — височные подвески в полтора оборота)

Железные ножи для хозяйственных нужд, некоторые из них только с частично сохранившимися черенками — 14 экземпляров. Длина — 5,1—11,6 см (рис. 3, 8—16, 19—23).

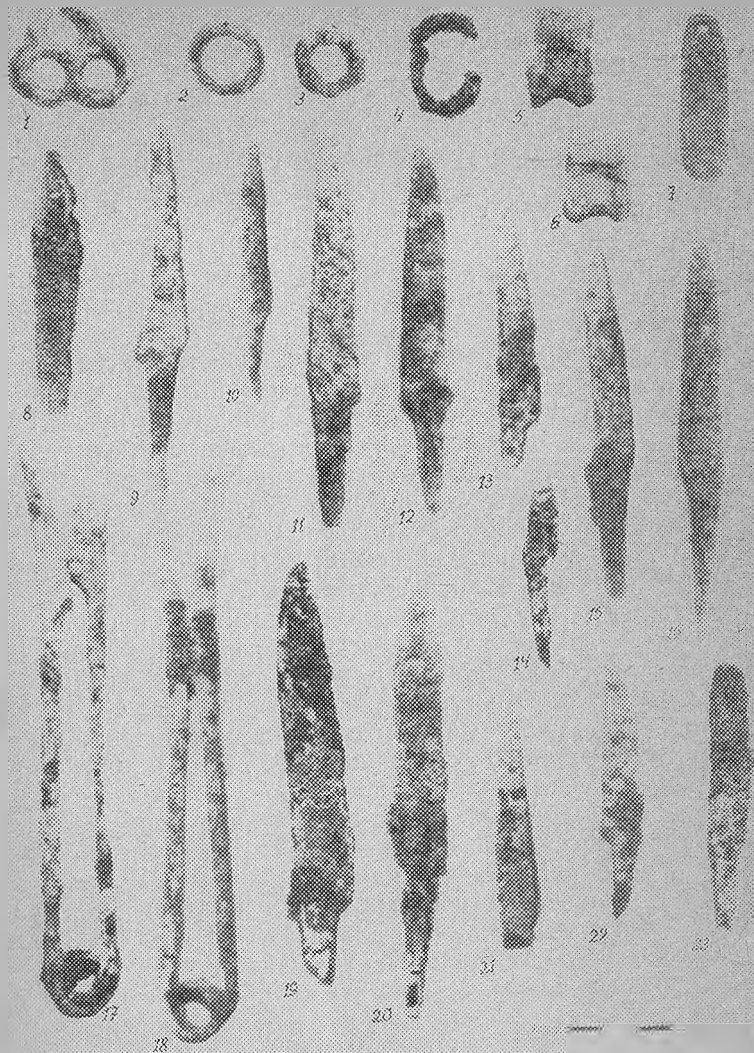
Железные пружинные ножницы — два экземпляра, верхняя часть лезвий (по одному) обломана. Сохранившаяся длина — 5,5 и 5,6 см (рис. 3, 17—18).

Погребения могильника нередко содержали керамические сосуды, часть из них была разбита при разрушении могильника. Из собранных в отвалах ста небольших фрагментов можно заключить, что сосуды из разрушенных гробниц были в основном красноглиняные (редко из серой глины) с ручками лентовидной формы, по корпусу они украшались волнистыми и прямыми линиями (рис. 4, 1—18, 21). В сборах представлен частично сохранившийся красноглиняный сосуд горшковидной формы, его тулово плавно переходит в горловину с несколько расширяющимся устьем. По корпусу и верхней части украшен прямыми врезными линиями. Размеры: высота — 19,3 см, диаметр устья и дна соответственно 8 и 9,4 см (рис. 4, 19). Еще один красноглиняный сосуд горшковидной формы находит аналогии на многих памятниках Древней Руси, где ручка крепится к корпусу и расширяющемуся устью. Украшен волнистыми и прямыми линиями, небольшими круглыми налепами по тулову и горловине. Размеры: высота — 17 см, диаметр устья и дна соответственно 8,6 и 8,8 см (рис. 4, 20).

Для предварительной датировки могильника рассмотрим собранный инвентарь. Найдённый наконечник стрелы ланцетовидной формы находит аналогии на многих памятниках Древней Руси, где они (плоские и гранёные) датируются периодом IX—XI вв. [1, 164, рис. 13, 9, 36; 2, с. 73; 3, с. 52; 4, с. 35; 5, с. 67, 68; 6, с. 12, рис. 33].

Гранёные наконечники стрел в целом могут быть уложены в хронологические рамки IX—XIV вв., в это время хорошо известны на Руси. Они найдены, наряду с другими типами, на бытовых памятниках горного Дагестана [7, с. 26—28; с. 256, 257].

Крупные ромбические наконечники стрел с широкой боевой частью приходится на период X—XV вв. На Руси имели большой хронологический диапазон применения (X—XIV вв.) [5, с. 68; 7, с. 27, 28, рис. 3, VIII—BV; 9, с. 179; 10, с. 74, рис. 2, 11]. Аналогичные наконечники из средневековых курганных групп у селения Бамут (Чечня) отнесены к XIII—XV вв. [11, с. 237, 238]. Однако при этом вполне справедливо отмечается, что крупноромбические наконечники, наряду с ланцетовидными и двурогими срезями «...господствовали еще в предшествующий период (X—XII вв.)» [11, с. 237]. Они встречены и при раскопках кабардинских курганных групп близ плоскостного селения Чегем II в Кабардино-Балкарии, датируемых XV—XVII вв. [12, с. 158, рис. 1, 4; 13, с. 128, 137, рис. 5, 3]. Этот тип наконечников в целом представлен в позднесредне-

Р и с. 3.

Предметы быта из разрушенных погребений Кийского (Келийского) могильника (1 — трехкольцевая подвеска; 2—4 — железные кольца; 5—6 — амулеты; 7 — оселок; 8—16, 19—23 — железные ножи; 17—18 — ножницы для стрижки овец)

вековых курганах Центрального Предкавказья и Прикубанья [14, с. 179; 15, с. 346; 16, с. 61; 17, с. 352].

Черешковые наконечники стрел в виде удлиненной лопаточки и веслообразные датируются XIII—XIV вв. В этот период они известны на Руси и, по всей вероятности, связаны с монголо-татарским нашествием [2, с. 67, 70; 18, с. 67; 19, с. 249].

Наконечники стрел с удлиненно-ромбовидной боевой частью и просто ромбовидные достаточно хорошо представлены в северокавказских памятниках, где они в целом определяются хронологическими рамками XIII—XVI вв. [15, с. 347, рис. 2; 20, с. 246, рис. 246, рис. 1, 17, 21, с. 105, рис. 2, 21—24]. Простые плоские без четких очертаний наконечники стрел по всей вероятности, являются самыми поздними.

Бусинные серьги из бронзы и серебра известны в составе погребального инвентаря склеповых могильников горной Чечено-Ингушетии и датируются XIII—XV вв. [22, с. 106]. К этому же времени относятся серьги в виде незамкнутого кольца с отверстиями для крепления [20, с. 252, рис. 3, 8—9; с. 116, рис. 35, 1].

Бубенчики из серебра были довольно широко распространены по Северному Кавказу, они открыты в погребальных памятниках XII—XIV и XIII—XVI вв. [20, с. 246, 247; 24, с. 95, 96, табл. 18, рис. 4; 25, табл. 16, рис. 4; 26, с. 98, рис. 5, 2].

Предметы быта, керамика в целом относятся к периоду позднего средневековья. Вместе с тем, встречаются отдельные находки, которые были распространены в конце раннего средневековья. К ним относятся спиральные пронизы, датируемые IX—X вв. [27, с. 9, рис. 2, 54, 55], пастовые бусы с глазками и полосами из катакомб этого же периода [28, с. 37, рис. 9, 27]. Есть и другие предметы, в частности, небольшого диаметра бронзовое зеркало с ушком, открытое при исследовании одного из каменных ящиков.

Таким образом, судя по описанным находкам, а также материалам изученных погребений, каменнаящичный могильник близ средневекового башенного поселения Кий (Кели) горной Ингушетии может быть предварительно датирован XIII—XIV вв. Однако здесь требуют своего объяснения и отдельные находки, относящиеся к раннему средневековью. Можно ставить вопрос о вторичном использовании указанных вещей, но вовсе не исключено, что дальнейшие исследования огромного некрополя позволят выявить и группу погребений, которые будут датированы концом раннего средневековья.

Рассмотренные выше предметы материальной культуры в большинстве своем относятся к артефактам, характеризующим традиционную культуру и быт горцев края. Вместе с тем, ряд находок (бусы, бляха с изображением птицы, отдельные наконечники стрел) являются привозными и, не определяя облик местной мате-

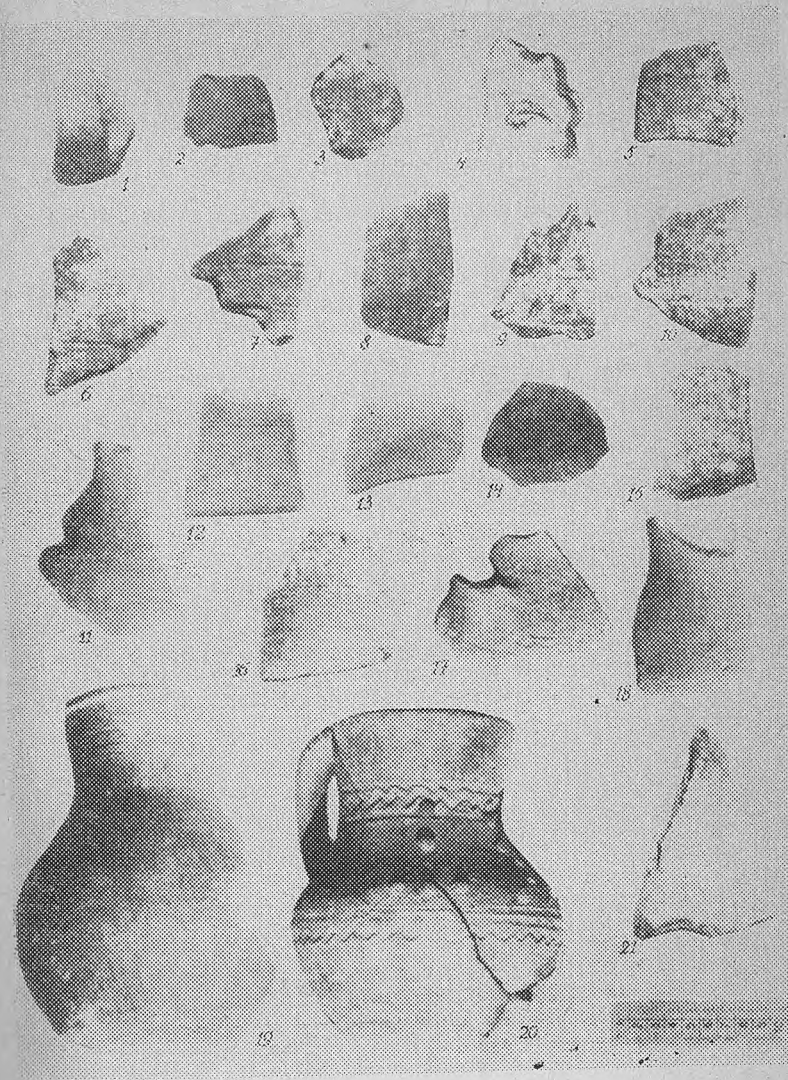

Рис. 4.

Керамика из разрушенных погребений Кийского (Келийского) могильника

риальной культуры, свидетельствуют о широких внешних связях средневекового населения горной Ингушетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого//МИА. 65. 1959.
2. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.//САИ. Вып. Е1-36. М., 1966.
3. Тараканова С. А. Новые материалы по археологии Пскова//КСИИМК. Вып. XXXIII. 1950.
4. Никольская Т. Н. Военное дело в городах вятичей//КСИА. 139. 1974.
5. Артемьев А. Р. Наконечники стрел из раскопок Изборска//КСИА. 155. 1978.
6. Белецкая С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города)//КСИА. 160. 1980.
7. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
8. Абакаров А. И. Некоторые предметы вооружения монгольского времени из Горного Дагестана//Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
9. Петленева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях//МИА. 62. 1958.
10. Седов В. В. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.//КСИА. 144. 1975.
11. Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв.//ДЧИ. М., 1963.
12. Нагоев А. Х. Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем II//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
13. Нагоев А. Х., Бетров Р. Ж. Кабардинский курганный могильник № 2 у сел. Чегем II//Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. I. Нальчик, 1980.
14. Левашева В. П. Белореченские курганы//Труды ГИМ. Вып. 23. М., 1953.
15. Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV—XVI вв.//СА, 1954. 20.
16. Акритас П. Г. Археологические работы в Кабарде в 1954 г.//УЗ КБНИИ Т. 10. Нальчик, 1955.
17. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
18. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов//Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
19. Мужухоев М. Б. О датировке средневековых наконечников стрел (по материалам раскопок культовых и погребальных памятников горной зоны Чечено-Ингушетии в 1970—1981 гг.)/Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
20. Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна//ДЧИ. М., 1963.
21. Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии (по материалам раскопок 1966 года)//Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
22. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа//МИА. 1962. 106.
23. Семенов Л. П. Археологические разведки в Ассиновском ущелье//КСИИМК. Вып. 46. М., 1952.
24. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа//МАК. Вып. VIII. М., 1900.
25. Алексеева Е. П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960.
26. Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат//МИА. 1963. 114.

27. Мамаев Х. М., Савенко С. Н. Дуба-Юртовские катакомбные могильники//Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

28. Мужухоев М. Б. Раскопки средневековых могильников горной Ингушетии в 1983 г.//Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.

Р. А. ДАУТОВА, Х. М. МАМАЕВ, Е. И. НАРОЖНЫЙ, Д. Ю. ЧАХКИЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ (по результатам раскопок Шуанского могильника)

Шуанский могильник, известный в литературе также под названием «Мохде», впервые подвергся обследованию в 1886 г., когда на нем практически одновременно побывали В. Ф. Миллер [1] и В. П. Долбежев [2]. После этого к исследованию крупнейшего в горной зоне Северного Кавказа склепового могильника и анализу его материалов обращались Л. П. Семенов, Е. И. Крупнов, В. А. Кузнецов, М. Х. Багаев и другие исследователи [3; 4; 5; 6; 7]. Вместе с тем, полевые работы носили эпизодический характер, их результаты полностью не публиковались (например, материалы раскопок Л. П. Семенова в 1937 г.).

В целом к началу 80-х гг. в изучении позднесредневековой материальной культуры горной Ингушетии наметилась явная диспропорция, отражавшая слабую осведомленность о некрополях XIII—XV вв. по сравнению с памятниками последующих столетий. В связи с этим в 1982 г. археологический отряд ЧИИИСФ под руководством Р. А. Даутовой приступил к стационарному изучению Шуанского могильника [8]. Выбор объекта диктовался также серьезными опасениями за сохранность этого незаурядного памятника, содержащего склепов, которого активно расхищалось туристами и местными жителями. Кроме того, могильник попадал в зону строительства КНЖД. Поэтому одной из задач отряда был учет склеповых сооружений, для чего была проведена инструментальная съемка могильника, в ходе которой удалось визуальнo зафиксировать, нанести на план и пронумеровать 188 подземных и полуподземных склепов¹ (рис. 1). Четыре сооружения (№№ 48, 55, 121, 128) из числа наиболее поврежденных были подвергнуты раскопкам. Целью настоящей статьи является публикация материалов этих работ.²

Ботаника нанесли на план те сооружения, которые были заметны на поверхности. В целом же количество склепов, часть из которых, разрушенных давно и

¹ Состав отряда: Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев, Д. Ю. Чахкиев, В. Н. Калинин, Б. Бурков, Е. И. Нарожный, Б. Б.-А. Абдулвахабова, Р. Д. Арсемикова, А. А. Аминов.

Склеп № 48.

Он расположен в 5 метрах к юго-западу от нулевого репера (рис. 1). На поверхности фиксировался пролом прилегающей к фасадной стене части кровли. В процессе расчистки был вскрыт лаз, прикрытый массивными плитами и примыкающий к нему своеобразный коридорчик, стены которого в нижней (сохранившейся) части были сложены насухо из крупных камней.

Ширина коридорчика перед лазом составляла 0,6 м, а в конце — 0,95 м, высота стенок от 0,4 до 0,7 м. Входное отверстие имело прямоугольную форму, к нему с внешней стороны примыкал порожек из каменной плиты. В ходе расчистки под первой из двух плит, закрывавших вход в склеп, были найдены два железных предмета: небольшой однолезвийный нож длиной 11 см и наконечник стрелы подтреугольной формы длиной 6,4 см (рис. 5, 1, 2). Не исключено, что это детали погребального ритуала, поскольку обереговый характер острых металлических предметов хорошо известен.

Погребальная камера склепа имела подпрямоугольную форму, вытянутую по линии СВ—ЮЗ. Поскольку передние, примыкающие к фасадной стене, части боковых стен закруглялись, ширина камеры была различной — у юго-западной стены — 0,75 м, у северо-восточной — 1,6 м. Длина камеры достигала 3,2 м, высота в центре 1,6 м. Стенки склепа были сложены из разномерного, небрежно в большей части обработанного камня на глинисто-известковом растворе, причем в нижней части стен покоились более крупные обломки. Швы затерты раствором. Свод камеры был выполнен в технике так называемого незавершенного ложного свода — боковые стены за счет постепенного напуска рядов сводились к осевой линии и на высоте 1,4—1,5 м образовавшийся пролет перекрывался сланцевыми плитами. Перекрытие оказалось двухслойным, при этом плиты верхнего ряда укладывались так, что закрывали промежутки между плитами нижнего ряда (рис. 2).

К началу расчистки практически все пространство камеры было завалено обломками плит перекрытия, камнями верхней части фасадной стены, многочисленными костями, обломками дерева, обрывками кожи. Расчистка проводилась слоями в 20 см с фиксацией послойного размещения находок. В целом следует признать, что этот методический прием при исследовании многократно перекопанных склепов с обилием костных останков и мелких находок пока себя не оправдывает.

Слой 1. В передней части камеры навал камней и обломков плит, две длинные плиты у северо-западной и задней стены. Под ними возле лаза обнаружены семь человеческих черепов (два детских). По всей площади пола фиксировались кости, отдельные древесные угольки, фрагменты истлевшей кожи и следующие предметы погребального инвентаря (рис. 3, 1).

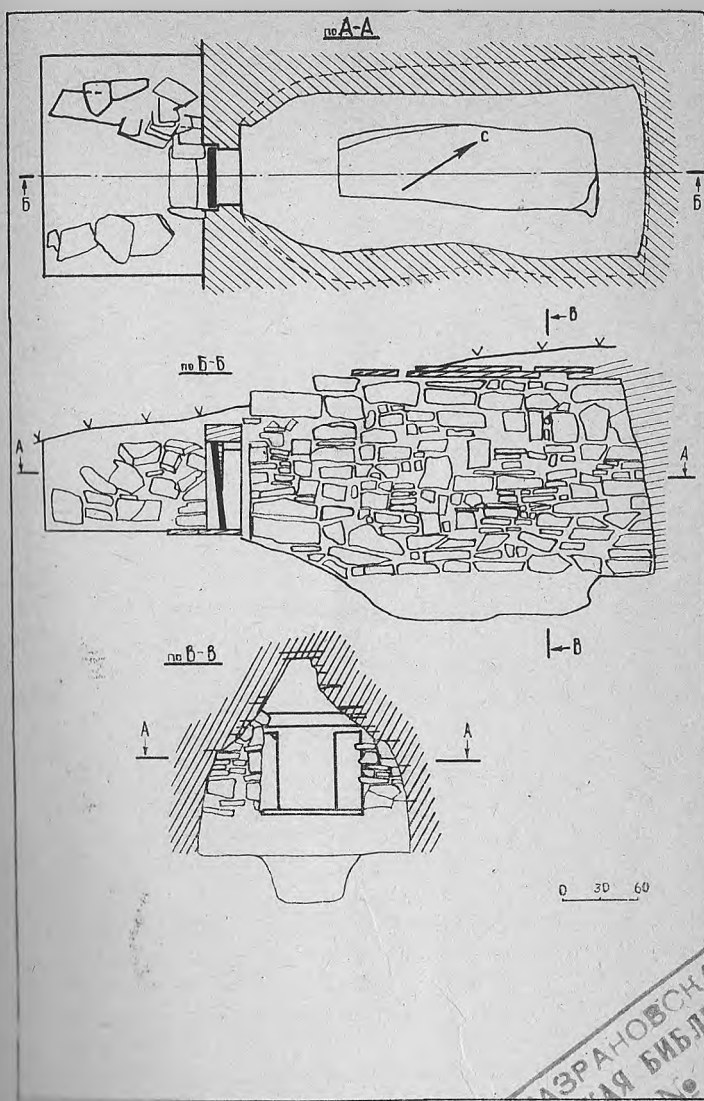

Рис. 2.

План и разрезы склепа № 48.

НАЗРАНОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Инв. №

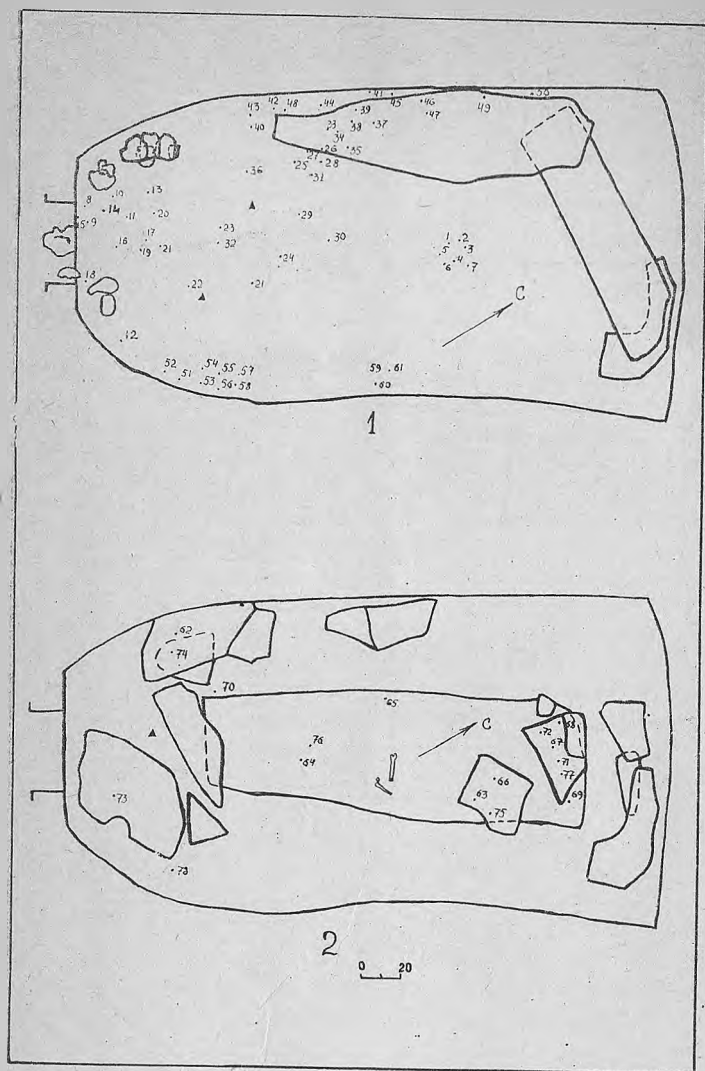

Рис. 3.

Планы размещения находок в камере склепа 48: 1 — слой 1, 2 — слой 2

1. Плоские железные наконечники стрел в виде лопаточки с тупым острием — два экземпляра /длина 11 и 7 см/ (рис. 5, 3, 4/1)³.

2. Граненые железные сильно коррозированные наконечники стрел — два экземпляра /длина 7 и 8,5 см/ (рис. 5, 6, 2, 3).

3. Сильно коррозированный линзовидный в сечении наконечник стрелы. Головка, видимо, имела ромбовидную форму /длина 8,5 см/ (рис. 5, 7/4).

4. Серебряная кольцевидная подвеска с загнутым концом /диаметр 2,3 см/ (рис. 5, 8/5).

5. Фрагменты серебряных и бронзовых серег и подвесок — обломки кольцевидных дужек, стерженьки, обвитые проволокой — четырнадцать экземпляров (рис. 5, 9 — 15/6, 7).

6. Маленькая бронзовая подвеска с кольцевидной дужкой и трехспиральными завитками (рис. 5, 16/8).

7. Бронзовый наперсток диаметром 1,8 см и высотой 1,9 см (рис. 5, 17/9).

8. Фрагменты бронзовых спиралек — три экземпляра /диаметры 0,1 и 0,5 см/ (рис. 5, 18, 19/10).

9. Бронзовая подвеска с гнездом для стеклянной вставки /диаметр 1,25 см/ (рис. 5, 20/11).

10. Деталь одежды в виде петель из витой тесьмы с продетыми шаровидными пуговицами (рис. 5, 21/12).

11. Бронзовая поясная пряжка подпрямоугольной формы /1,7х1,8 см/ (рис. 5, 22/13).

12. Бронзовое колечко диаметром 1 см (рис. 5, 23/14).

13. Бронзовая шаровидная пуговица /диаметр 0,9 см/ (рис. 5, 24/15).

14. Шаровидная бусина с волнисто-полосчатым орнаментом из белого и красного стекла, спаявшаяся с обломком какого-то другого предмета (рис. 5, 25/16).

15. Барабаны астрагалы — три экземпляра (рис. 5, 26/17, 18, 19).

16. Подцилиндрическая бусина из голубого стекла диаметром 0,3 см (рис. 5, 27/20).

17. Фрагменты синей стеклянной пронизки (рис. 5, 28/21).

18. Шаровидная бусина с волнистым орнаментом из бледно-желтого стекла диаметром 1,3 см (рис. 5, 29/21).

19. Углощепно-шаровидная черная стеклянная бусина с глазками /диаметр 1,4 см/ (рис. 5, 30/23).

20. Углощепно-шаровидная черная стеклянная бусина диаметром 1,1 см (рис. 5, 31/24).

21. Бочонковидная черная стеклянная бусина с зигзагообразным орнаментом /диаметр 1 см/ (рис. 5, 32/25).

В скобках после цифр после косой линии означают номер находки на плане

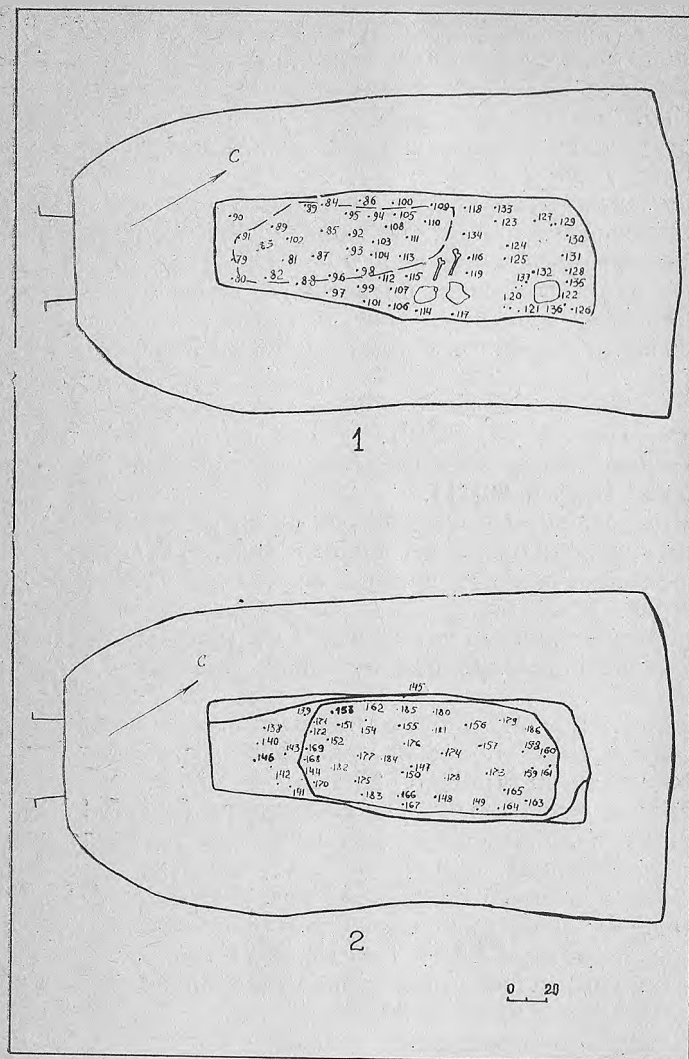

Рис. 4.

Планы размещения находок в камере склепа 48: 1 — слой 3, 2 — слой 4

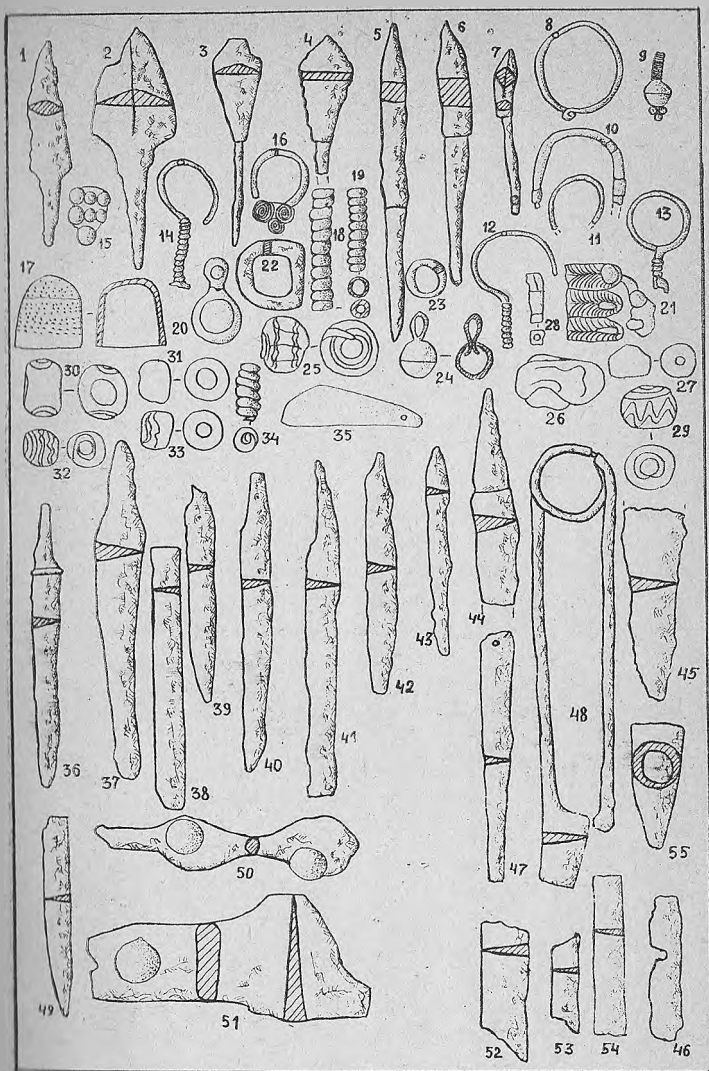

Рис. 5.

Находки из слоя 1 склепа 48: 1 — 7, 22, 23, 36—54 — железо; 8—19, 20 — цветной металл; 20 — цветной металл, ткань; 25, 27—34 — стекло; 35 — кость (масштабы: 2, 5, 6, 8—34, 37, 45, 50, 51, 55—1: 1; 1, 3, 4, 7, 35, 36, 38—43, 46—49—1:2, 52—54—1:4)

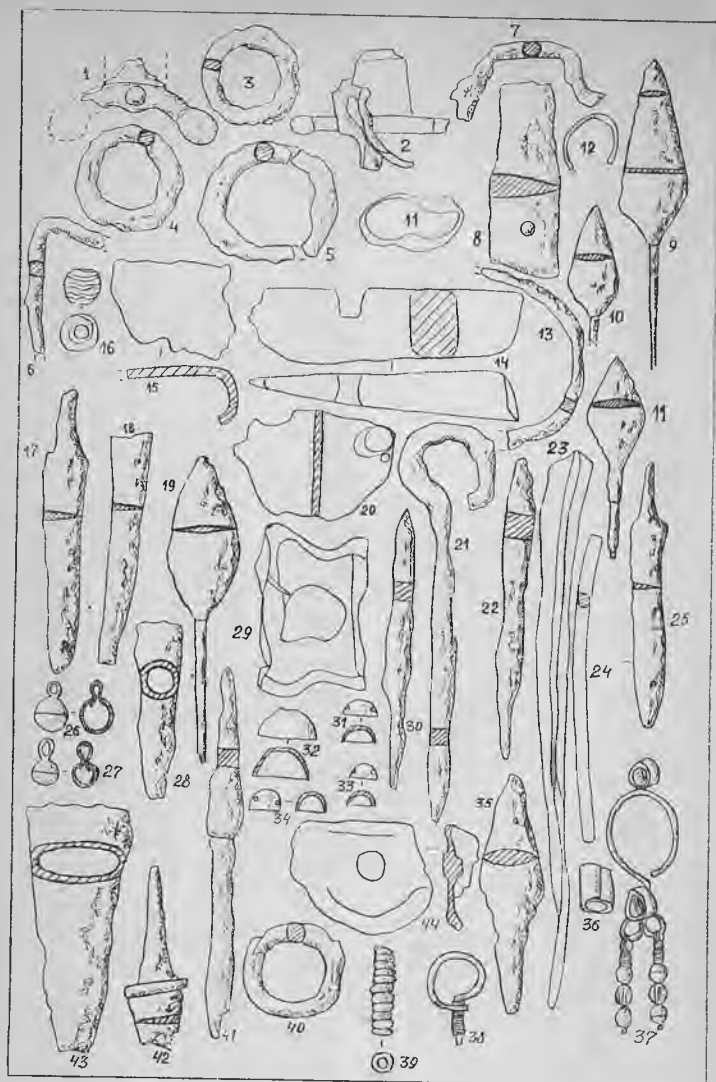

Рис. 6.

Находки из слоя 1 (1—8); слоя 2 (9—21); слоя 3 (22—45) склепа 48:
 1, 3, 4—13, 15, 16, 23, 26—28, 31, 35—39, 43, 44 — железо; 2, 17, 22, 24, 25,
 29, 30, 33, 34, 40—42, 45 — цветной металл; 14, 32, — кость; 18 — стекло;
 19—21 дерево (масштабы 2—8, 14, 15, 17—20, 22—25, 27—42, 44, 45—1:1;
 1, 9—13, 15, 21, 26, 43—1:2)

20. Округлая черная бусина с волнистым орнаментом из желтого стекла (рис. 5, 33/26).
23. Спиралевидная синяя стеклянная бусина длиной 1,5 см (рис. 34/21).
24. Обломок оселка с отверстием для подвешивания (рис. 5, 35/28).
25. Железный однолезвийный нож длиной 15,2 см. Черенок отделен от клинка бронзовой пластинкой (рис. 5, 36/29).
26. Железные однолезвийные ножи — семь экземпляров длиной: 12; 13; 16; 17,5; 10,7; 10,8 см (рис. 5, 37—43/30, 31, 32, 33, 34, 35, 36).
27. Мелкие фрагменты железных ножей (рис. 5, 44—46/37, 38, 39, 40).
28. Железная бритва с плоским черенком, на котором расположен штифт для крепления рукояти /длина 13 см/ (рис. 5, 47/41).
29. Железный втульчатый наконечник (рис. 5, 55/42).
30. Обломки железных пружинных ножниц (рис. 5, 48, 49/41, 42, 43, 44).
31. Фрагмент железной фигурной накладки со штифтами для крепления от колчана (рис. 5, 50/45).
32. Железный обломанный черен сабли с фрагментом клинка и штифтом для крепления обкладок рукояти (рис. 5, 51/46).
33. Обломки железной полосы сабли длиной 28, 17, 9, 4, 14 см и шириной 3—4,2 см (рис. 5, 52—54/47, 48).
34. Обломанное железное перекрестие сабли с опущенными концами, заканчивающимися круглыми утолщениями и мысовидными выступом в центре (рис. 6, 1/49, 50).
35. Фрагмент бронзового наперстка, спаявшийся с бронзовой трапециевидной застежкой с круглыми концами и обломком железного предмета (рис. 6, 2/51).
36. Железные кольца — три экземпляра диаметром: 2,6; 2,8; 3,2 см (рис. 6, 3—5/52, 53, 54).
37. Железные скобы (рис. 6, 6, 7/55).
38. Фрагмент железной обкладки ножен сабли (рис. 9, 45/56).
39. Обломок массивного черенка от ножа или небольшого кинжала со штифтами для крепления обкладки (рис. 6, 8/57).
40. Мелкие обломки деревянной кибиты сложного лука (рис. 9, 10/58).
41. Фрагменты железного шлема, который удалось реставрировать. Он имеет сфероконическую форму с отверстием для яловца на выступающем навершии. Высота шлема — 24 см, диаметр основания — 20 см. Шлем был склепан массивными заклепками путем соединения цельнокованого верха с нижней кольцевидной частью, имеющей один вертикальный шов. Отверстий для крепления барбюта не видно (рис. 7/59, 60, 61).

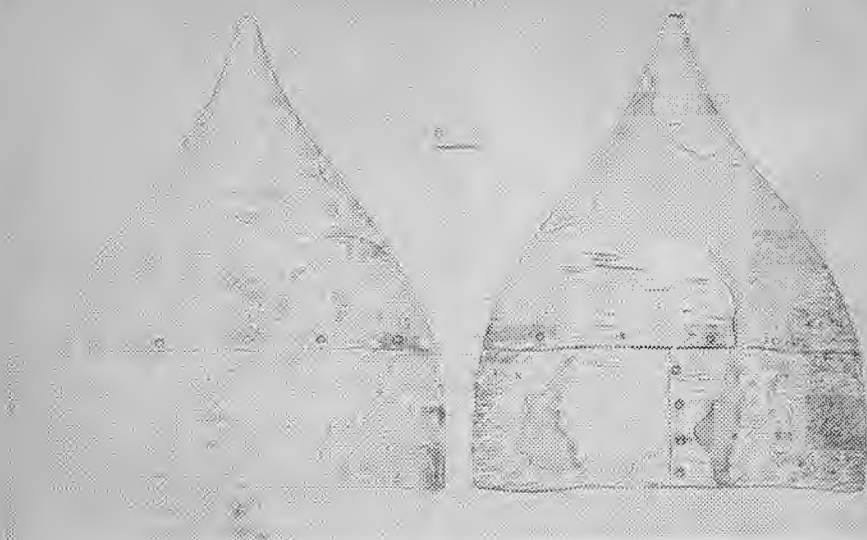

Рис. 7.

Шлем из склепа 48 (реконструкция).

Слой 2. Состоял из фрагментов костей, дерева и каменных обломков, перемешанных с грунтом, В процессе его разборки в разных местах склепа выявились разбитые сланцевые плиты, которыми, видимо, частично был выложен пол камеры. Одна из плит — полукруглая, с выемкой в длинной стороне, некогда закрывала лаз. Их нельзя считать остатками полог, так как следы крепления последних на стенках отсутствуют (рис. 3, 2). В этом слое обнаружены следующие предметы:

1. Плоский железный листовидный наконечник стрелы длиной 16,3 и шириной 3,5 см (рис. 6, 9/62).

2. Плоский железный листовидный наконечник стрелы с обломанным черешком длиной 7,3 и шириной 2,6 см (рис. 6, 10/63).

3. Плоский ромбовидный наконечник стрелы длиной 10,6 и шириной 3 см (рис. 6, 11/64).

4. Железный нож со сточенным лезвием длиной 14 см (рис. 6, 25/65).

5. Железный нож с массивной спинкой клинка длиной 15 см (рис. 6, 17/66).

6. Слегка изогнутый клинок железного ножа длиной 9 см (рис. 9, 4/67).

7. Три бараньих альчика (рис. 9, 12/68).

8. Фрагмент железного кольца диаметром 4,5 см (рис. 6, 13/69).
9. Фрагмент круглой железной пряжки диаметром 2 см (рис. 9, 13/70).
10. Железные пластинки длиной 5,5 и 4 см, шириной 1, 2 и 1,3 см (рис. 9, 14).
11. Коррозированный обломок железной бритвы длиной 7 см (рис. 9, 15/71).
12. Обломок клинка (рис. 6, 18/72).
13. Фрагмент круглопроволочной дужки серебряной серьги диаметром 1,2 см (рис. 6, 12/73).
14. Шаровидная голубая бусина (рис. 9, 16/74).
15. Шаровидные черные стеклянные бусины с волнистой орнаментацией — два экземпляра (рис. 6, 16/75).
16. Фрагмент горбовидной деревянной рукояти сложного лука длиной 14,5 см (рис. 6, 23/76).
17. Фрагмент деревянного рога сложного лука с прямоугольным вырезом для тетивы (рис. 6, 14/77).
18. Изогнутый фрагмент древка стрелы диаметром 0,9 см и длиной 16,2 см (рис. 6, 24/78).

Слой 3. При подчистке дна камеры в средней части склепа выявились контуры подпрямоугольной в плане грунтовой ямы длиной 3 м, шириной от 0,45 до 0,65 м. Содержимое ямы составлял грунт, перемешанный с истлевшими костями, обрывками ткани и другими находками. Дальнейшая расчистка сводилась к выборке ямы, причем в верхней части слоя находились предметы, видимо, попавшие в яму с пола камеры. Они отделялись от нижележащих большой каменной плитой в северо-западной части ямы и более мелкими обломками, зафиксированными на этом горизонте в противоположном ее конце (рис. 4, 1). Это были:

1. Бронзовая серьга с овальной дужкой, украшенной сверху и снизу каплевидными вставками из стекла или камня в бронзовых наконечниках, в которой подвешены на двух колечках привески из витых проволочных звеньев и трех металлических шариков в каждой (рис. 6, 37/79).
2. Железный четырехгранный наконечник стрелы длиной 8 см (рис. 6, 22/80).
3. Бронзовая спираль длиной 2,3 см, диаметром 0,5 см (рис. 6, 30/81).
4. Бронзовая трубочка, свернутая из тонкого листа, длиной 1,2 см и диаметром 0,9 см (рис. 6, 36/82).
5. Плоский железный наконечник стрелы листовидной формы длиной 16,2 и шириной 3,4 см (рис. 6, 19/83).
6. Заостренный железный стержень, прямоугольный в сечении, конусовидной головкой. Длина стержня 10,5 см, диаметр кольца 1,2 см (рис. 6, 21/84).

7. Плоский железный наконечник стрелы подтреугольной формы длиной 6,4 см и шириной 1,6 см (рис. 6, 35/85).

8. Округлая бусина из красного стекла (рис. 9, 17/86).

9. Обломок бронзовой височной подвески в виде знака вопроса со стержнем, обвитым тонкой проволокой (рис. 6, 38/87).

10. Фрагмент бронзовой пластины /зеркала/ (рис. 6, 20/88).

11. Четырехгранный наконечник стрелы длиной 7,5 см и шириной 0,8 см (рис. 6, 30/89).

Остальные находки связаны со вторым горизонтом слоя, который по характеру заполнения и структуре не отличается от вышележащего. Здесь найдены:

12. Два бараньих альчика (рис. 6, 29/90).

13. Бронзовые шаровидные пуговицы с петельками для крепления диаметром 0,7 и 0,9 см (рис. 6, 26, 27/91).

14. Фрагменты железных деталей ножен сабли?/ (рис. 6, 15, 44/92).

15. Железный наконечник стрелы листовидной формы с обломанным черешком /длина 3,7 см, ширина 1,2 см/ (рис. 9, 18/93).

16. Железный коррозированный втульчатый наконечник стрелы длиной 4,6 см, диаметром 1,2 см (рис. 6, 28/94).

17. Фрагменты непонятных железных изделий — десять обломков /95/.

18. Железный пирамидальный наконечник стрелы длиной 9,8 см (рис. 6, 41/96).

19. Остроугольный железный наконечник ножен длиной 6,5 см (рис. 6, 43/97).

20. Бронзовые полусферические бляшки с отверстиями — три экземпляра диаметром 0,7; 0,8; 1,5 см (рис. 6, 31—39/98).

21. Железный нож с прямой спинкой и сточенным лезвием длиной 18,5 см (как на рис. 6, 25/99).

22. Клинок железного ножа без черенка длиной 11 см (рис. 9, 19/100).

23. Фрагмент массивного железного ножа — черен с обломками однолезвийного клинка, отделенного от рукояти обоймой /длина 10 см/ (рис. 6, 43/101).

24. Бараний альчик (рис. 6, 44/102).

25. Бронзовые полусферические нашивки с отверстиями для крепления — три экземпляра диаметром 0,8 см (рис. 6, 34/103).

26. Железное кольцо диаметром 2,5 см (рис. 6, 40/104).

27. Инструмент в виде однолезвийного железного ножа с закругленным острием длиной 14,3 см (рис. 8, 1/105).

28. Округлая бусина из синего стекла диаметром 0,8 см (рис. 8, 2/106).

29. Костяная поделка в виде уплощенного конуса с отверстием в центре /диаметр 2,2 см/ (рис. 8, 3/107).

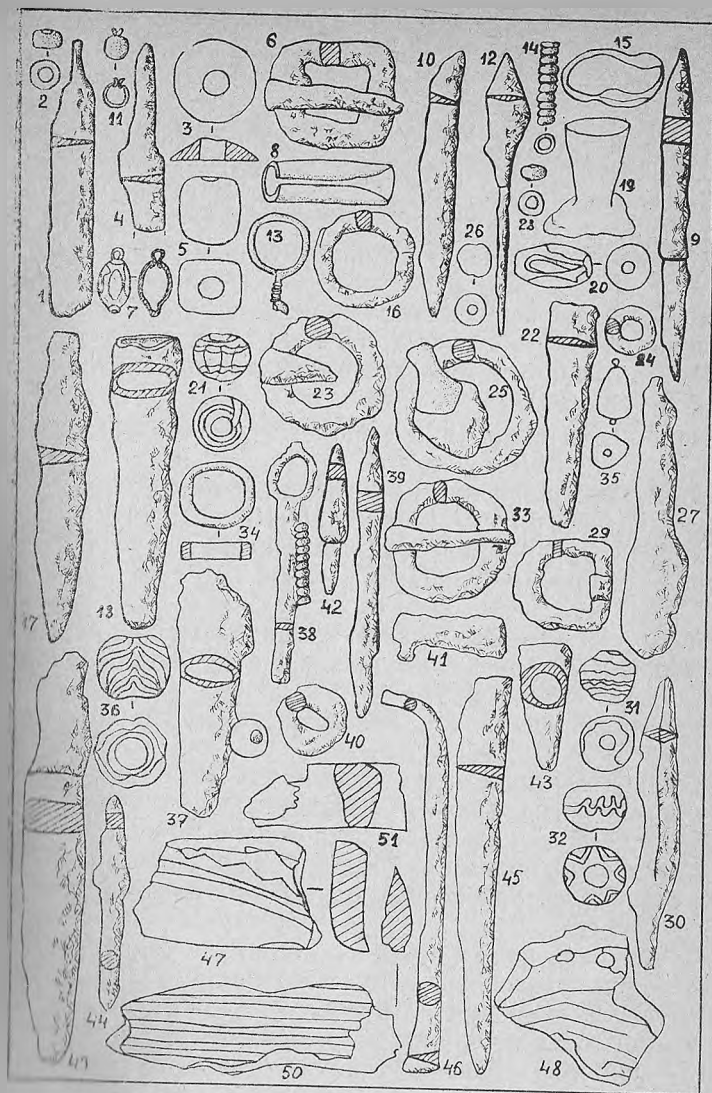

Рис. 8.

11 — скин на слоя 3 (1—28); слоя 4 (29—51) склепа 48: 1, 4, 6, 8—10, 12, 14, 17, 18, 22, 25, 27, 29, 30, 33, 37—46 — железо; 2, 5, 20, 21, 26, 28, 31, 32, 34 — стекло; 3, 15 — кость; 7, 11, 13, 14, 34 — цветной металл; 19, 47, 48, 49 — дерево; 35 — цветной металл, стекло; 49 — железо, дерево (масштаб: 1:1, 3, 5—9, 11, 13—18, 20, 21, 23—37, 39, 40, 42—51—1: 1, 4, 10, 12, 19, 22, 38, 41—1: 2)

30. Фрагмент железного однолезвийного ножа — черен с частью клинка длиной 9,7 см (рис. 8, 4/108).

31. Крупная прямоугольной формы бусина из гагата (рис. 8, 5/109).

32. Железная пряжка подпрямоугольной формы /3,2х2,7 см/ (рис. 8, 6/110).

33. Бронзовая продолговатая пуговица с каннелюрами на поверхности (рис. 8, 7/111).

34. Железная трубочка из тонкого листа /длина 3,5 см, диаметр — 1,1 см/.

35. Шаровидная черная стеклянная бусина с волнистым орнаментом из нити белого стекла (рис. 9, 20/113).

36. Четырехгранный шиловидный наконечник стрелы длиной 8,8 см (рис. 8, 9/114).

37. Обломок клинка однолезвийного железного ножа длиной 13,8 см (рис. 8, 10/115).

38. Бронзовые шаровидные пуговицы с петельками — три экземпляра /диаметр 0,7 см/ (рис. 8, 11/116).

39. Плоский подромбический железный наконечник стрелы с выгнутыми ударными гранями длиной 14,5 см, шириной 2,4 см (рис. 8, 12/117).

40. Бронзовая височная подвеска в виде кольца с вертикальным стержнем, обвитым бронзовой проволокой и полый бусиной на конце (рис. 8, 13/118).

41. Бронзовая спираль в обломках /диаметр 0,5 см/ (рис. 8, 14/119).

42. Бараньи альчики — два экземпляра. На одном заметна процарапанная решетка (рис. 8, 15/120).

43. Два железных кольца диаметром 2,4 и 2,7 см (рис. 8, 16/121).

44. Железный однолезвийный нож длиной 8 см (рис. 8, 17/122).

45. Железный остроконечный наконечник ножен /длиной 7,6 см/ (рис. 8, 18/123).

46. Обломанная ножка деревянного бокала (рис. 8, 19/124).

47. Обломки круглопроволочного серебряного кольца /125/.

48. Крупная сигаровидная бусина из черного стекла, орнаментированная белыми и оранжевыми полосами (рис. 8, 20/126).

49. Шаровидная черная стеклянная бусина, орнаментированная полосами синего стекла (рис. 8, 21/127).

50. Фрагмент обоюдоострого конца сабли /длина 12 см/ (рис. 8, 22/128).

51. Два бараньих альчика /129/.

52. Круглая железная пряжка диаметром 3,3 см (рис. 8, 23/130).

53. Обломок прямоугольного в сечении железного стержня длиной 11 см со следами деревянной рукояти /131/.

54. Железное колечко диаметром 1,2 см (рис. 8, 24/132).

55. Две бронзовые полусферические нашивки с отверстиями (рис. 9, 22/133).

56. Сбруйное железное кольцо диаметром 3,5 см с креплением (рис. 8, 25/134).

57. Круглая бусина из синего стекла (рис. 8, 26/135).

58. Фрагмент железного однолезвийного ножа (рис. 8, 27/136).

59. Две синих круглых стеклянных бусины диаметром 0,6 см (рис. 8, 28/137).

Слой 4. Структура аналогична предшествующему. После выборки содержимого выявился ступенчатый характер дна ямы. Возможно, это результат разрушения кладоискателями. На неоднократную перекопанность здесь указывает измелченность костных останков и наличие многочисленных бесформенных кусочков железа (рис. 4, 29). В этом слое обнаружены следующие предметы:

1. Железная пряжка сегментовидной формы /2,6х2,3 см/ (рис. 8, 29/138).

2. Железный килевидный наконечник стрелы /длиной 7,6 и шириной 1,1 см/ (рис. 8, 30/139).

3. Шаровидная черная стеклянная бусина из серого стекла с глубоким волнообразным орнаментом диаметром 1,6 см (рис. 8, 32/141).

4. Железная сегментовидная пряжка /3,2х3,3 см/ (рис. 8, 33/142).

6. Бронзовая пластинчатая обоймочка от ремня (рис. 8, 34/143).

7. Фрагмент височной подвески в виде конусовидной стеклянной бусины из сиреневого стекла на бронзовом стержне (рис. 8, 35/144).

8. Две шаровидные бусины диаметром 1,8 см, украшенные полосами и волнами желтого, красного и белого стекла (рис. 8, 36/145).

9. Обломанный остроконечный наконечник ножен кинжала с остатком двухлезвийного острия внутри (рис. 8, 37/146). Сбоку приварилась шаровидная стеклянная бусина.

10. Деталь конской сбруи [/?] в виде двух спаянных коррозией железных пластинок, соединенных с кольцом. Длина пластинок 10,5 см, ширина — 1,1 см, диаметр кольца 2,4 см. Сбоку приварилась бронзовая спираль длиной 4,3 см (рис. 8, 38/147).

11. Железный шиловидный наконечник стрелы длиной 7,7 см (рис. 8, 39/149).

12. Железное кольцо диаметром 1,7 см (рис. 8, 40/149).

13. Две широкие и короткие железные пластинки, соединенные наподобие щипчиков (рис. 8, 41/150).

14. Пирамидальный железный наконечник стрелы длиной 4 см (рис. 8, 42/151).

15. Железный втульчатый наконечник стрелы длиной 5,7 см (рис. 8, 44/153).

16. Поврежденный пирамидальный наконечник стрелы длиной 5,7 см (рис. 8, 44/153).
17. Фрагменты железных пружинных ножниц (рис. 8, 45, 46/154).
18. Небольшой фрагмент деревянного предмета со следами красной краски с одной стороны и резным орнаментом в виде полос и ломаной линии с другой (рис. 8, 47/155).
19. Фрагмент деревянной кибити лука (рис. 8, 50/156).
20. Фрагмент деревянного предмета с декором в виде трех лунок, сочетающихся с резными полосами (рис. 8, 48/157).
21. Фрагмент железной двурамчатой пряжки (рис. 9, 1/158).
22. Обломок плоской железной пластины со штифтом на закругленном конце (рис. 9, 2/159).
23. Железный однолезвийный нож с обломанным острием длиной 9,3 см (рис. 9, 3/160).
24. Обломок железной бритвы (рис. 9, 21/161).
25. Фрагменты железных деталей ножен и перекрестия сабли (рис. 9, 4—6, 23/162).
26. Клинок железного однолезвийного ножа длиной 8,7 см (рис. 9, 7/163).
27. Обломок круглого в сечении железного стержня длиной 7,7 см, диаметром 0,6 см (рис. 9, 8/164).
28. Фрагмент железной пластинки 4,5х2,3 см с округлым выступом (рис. 9, 9/165).
29. Железный однолезвийный нож длиной 16 см (рис. 9, 24/166).
30. Железный однолезвийный нож длиной 15 см (рис. 9, 25/167).
31. Обломок железного однолезвийного ножа длиной 13,1 см (рис. 9, 26/168).
32. Половинка большого железного кольца (рис. 9, 27/169).
33. Обломки деревянных древков стрелы длиной 7,7 и 8,9 см (рис. 9, 28, 29/170, 171).
34. Обломок стенки деревянной шкатулки с геометрическим орнаментом (рис. 9, 30/172).
35. Обломанная железная сегментовидная пряжка (рис. 9, 31/173).
36. Фрагментированное железное кольцо диаметром 3,3 см и выступом (рис. 9, 32/174).
37. Бронзовая полая пуговица диаметром 1,2 см с ушком (рис. 9, 33/175).
38. Цилиндрическая бусина из бесцветного стекла (рис. 9, 34/176).
39. Железный ромбовидный наконечник стрелы длиной 14,8 см (рис. 9, 35/177).
40. Округлая желтоватая бусина с глазками (рис. 9, 36/178).
41. Цилиндрическая бусина из белого стекла диаметром 1 см (рис. 9, 37/179).

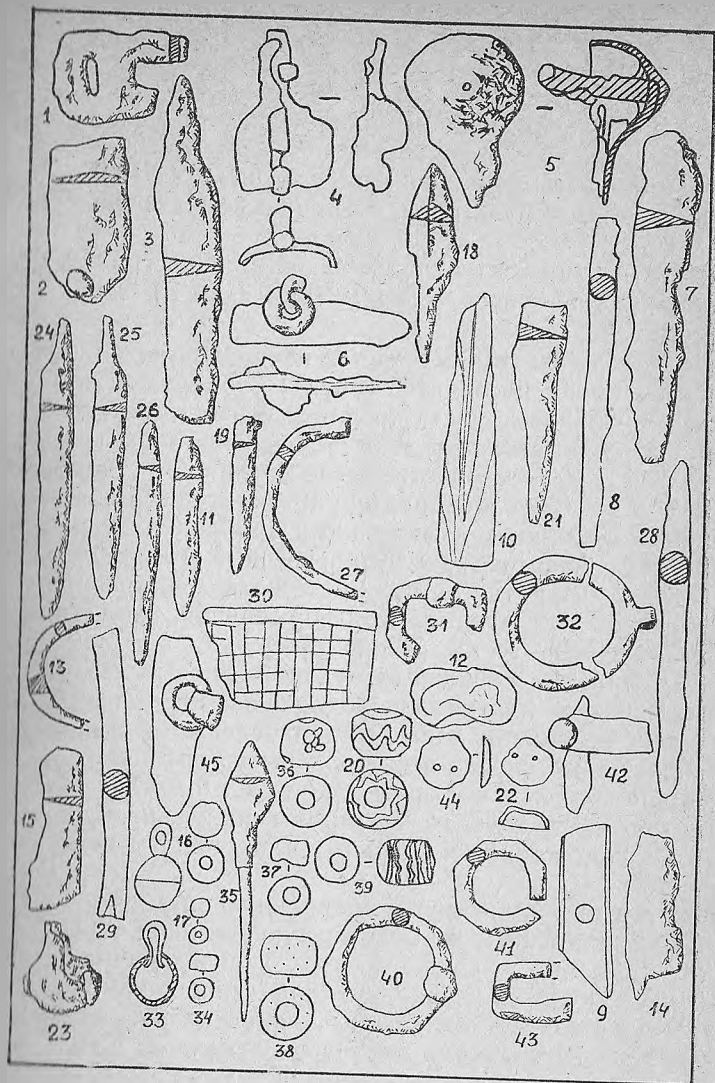

Рис. 9.

Находки из слоя 1 (10, 45), слоя 2 (4, 12-16), слоя 3 (17-20, 22), слоя 4 (1, 2-9, 21, 23, 44) склепа 48; 1-9, 11, 13-15, 18, 19, 21, 23-27, 31, 32, 35; 40-43 — железо; 10, 28-30 — дерево; 12 — кость; 16, 17, 20, 36-39 — стекло; 22, 33 — цветной металл; 44 — кашин (масштабы: 1-9, 12, 13, 16-18, 20, 22, 23, 27-34, 36-45 — 1:1; 10, 11, 14, 15, 19, 21, 24-26, 35—1:2)

42. Цилиндрическая бусина из черного стекла с мозаичными вкраплениями диаметром 1,4 см (рис. 9, 38/18).

43. Цилиндрическая бусина, орнаментированная полосами белого стекла диаметром 1,2 см. (рис. 9, 39/181).

44. Железная кольцевидная пряжка диаметром 3,3 см (рис. 9, 40/182).

45. Железная восьмигранная пряжка (рис. 9, 41/183).

46. Две железные пластинки, соединенные штифтом (рис. 9, 42/184).

47. Обломок прямоугольной железной пряжки (рис. 9, 43/185).

48. Кашинная поливная пуговица (рис. 9, 44/186).

Склеп № 55.

Он расположен на том же участке некрополя, что и склеп № 48, в 7 метрах восточнее последнего (рис. 1). Обнаружен по большому провалу, разрушившему часть кровли и фасадной стенки. Так как лаз и вся фасадная стенка склепа полностью находились под землей, то прилазовое пространство было расчищено с помощью прирезки 1,20x1,60 м. Судя по характеру и структуре грунта /желто-серый мешаный суглинок с включениями дробленого сланца и колотого камня/, в котором встречались древесные угольки, этот участок вскрывался неоднократно — видимо, с целью обеспечить доступ в камеру. Конструкций, специально оформлявших вход, типа зафиксированных в склепе № 48, не оказалось.

Лаз был закрыт массивной каменной плитой, тщательно закрепленной сланцевыми плитками и подложенными под них камнями. Ниже уровня основания лаза были отмечены обломки камней и плит, выброшенные скорее всего при рытье котлована под склеп. Лаз имел прямоугольную форму размерами 0,40x0,48 м. Его боковые стенки были сложены из камня на глинисто-известковом растворе, верх и низ состояли из цельных плит, причем перекрытие отсутствовало.

Камера имела в плане почти правильную прямоугольную форму длиной 2,80 и шириной 1,70 м, вытянутую по линии СЗ—ЮВ. Высота ее достигала 1,60 м. Стены камеры были сложены на растворе в основном из крупного небрежно обработанного камня, на отдельных участках в кладку включались обломки сланцевых плит и плоские камни. Штукатурка внутри не отмечена. Как и в склепе № 48, свод выведен с помощью напуска рядов камней. Оставшееся пространство шириной в 0,6 м было перекрыто массивными плитами — одной большой и четырьмя поменьше, заваленными колотым камнем. Все это сверху было засыпано слоем грунта. В юго-западной и северо-западной стенках камеры зафиксированы квадратные пиши размерами 0,23x0,23 и 0,21x0,21 м (рис. 10, 11).

В северо-восточной стенке камеры, ближе к задней ее стене оказался еще один лаз, передняя часть которого была оформлена в ви-

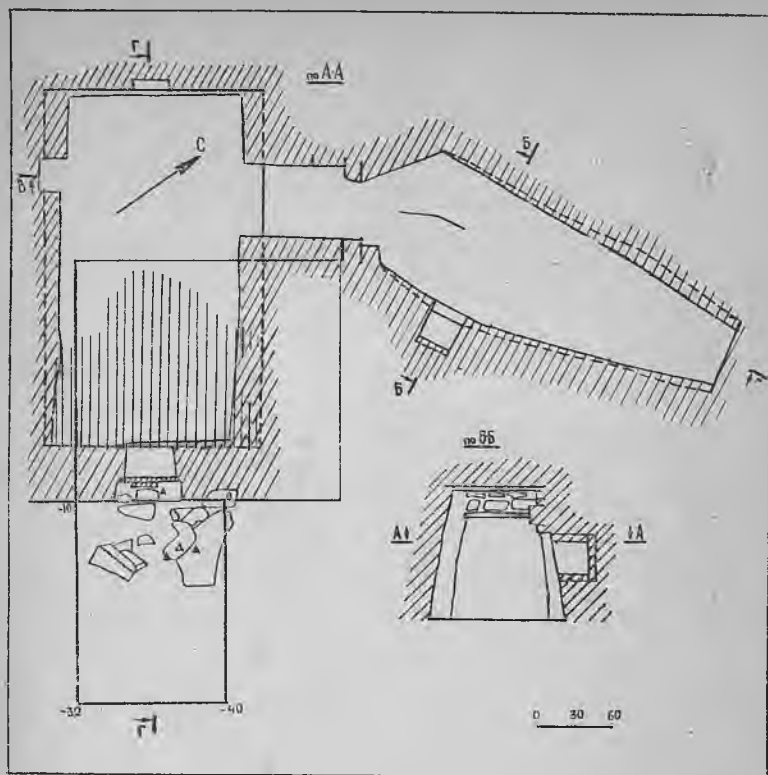

Рис. 10.

План и разрез склепа 55 Шуанского могильника

де ниши /0,52x0,6 м/глубиной 0,6 м. Сузившийся до 0,42 м лаз вел в длинную — до 3,1 м и узкую /0,56—1 м/ трапециевидную камеру, напоминавшую каменный ящик. Высота ее колебалась от 0,8 до 1 м. Стенки и свод были сложены таким же образом, как и в основной камере. Здесь была отмечена одна прямоугольная ниша /0,23x0,27 м/ глубиной 0,38 м в южной стене. Эта камера была ориентирована по линии З—В с отклонением к Ю (рис. 10, 11).

К началу расчистки большая часть основной камеры, начиная от лаза, была завалена обломками плит перекрытия, камнями факадной стенки и грунтом. После удаления навала выяснилось, что толщина культурного слоя на дне камеры, содержавшего остатки погребенных и инвентаря, не превышает 10—15 см. Поэтому расчистка велась в один прием с фиксацией находок на плане (рис. 12). В средней части камеры, ближе к северо-восточной стене, был

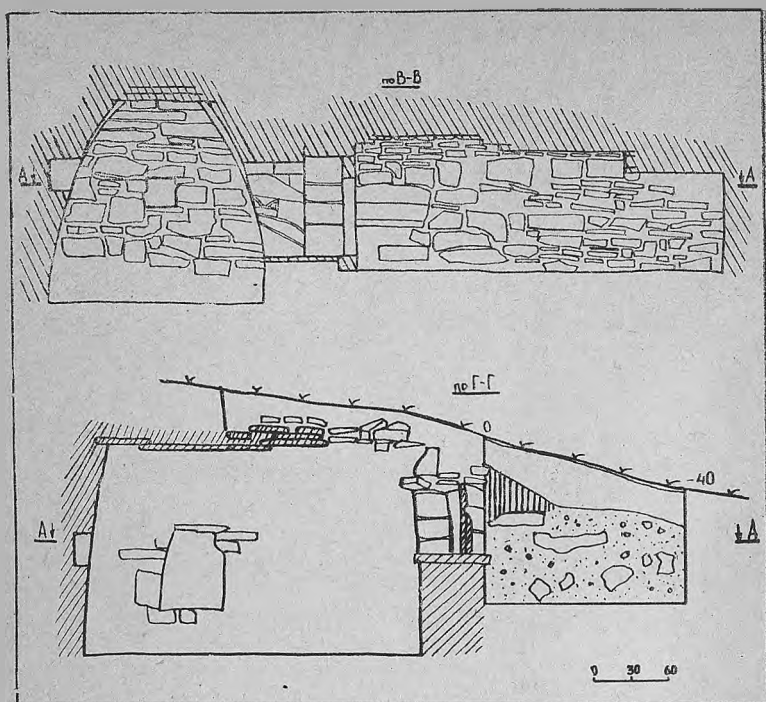

Рис. 11.

Разрезы склепа 55 Шуанского могильника

обнаружен потревоженный костяк. Погребенный лежал вдоль камеры на толстой деревянной доске. Череп сместился в сторону, часть костей рук и ног отсутствовала. Поскольку погребение потревожено, то достоверно выделить его инвентарь сложно. Условно с этим костяком связываются обломки деревянных досок с резьбой /видимо, от гроба/, бронзовая цепочка длиной 40 см, бронзовое проволочное колечко диаметром 0,8 см (рис. 4, 2), бараний альчик (рис. 14, 3). У ног отмечен раздавленный красноглиняный гончарный кувшин, стенки которого были орнаментированы линейным и волнистым узором, а горловина — отпечатками зубчатого штампа в виде елочки. Здесь же лежали круглое железное кольцо диаметром 2 см (рис. 13, 30), обломок железного ножа (рис. 13, 23).

Скопление человеческих костей, в основном берцовых и бедренных, а также один целый и несколько раздавленных черепов были обнаружены у лаза и слева от него. Ряд крупных костей конечностей лежал у задней стенки основной камеры. Остальную поверх-

ность пола довольно равномерно покрывал слой, состоявший из раздробленных и истлевших костей, перемешанных с обломками дерева, мелкими камнями и находками. Среди последних были:

1. Фрагменты деревянных мисок токарной и ручной работы от десяти экземпляров (рис. 12, 1—5/1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10).

2. Фрагменты четырех экземпляров деревянных бокалов токарной работы, в том числе пожка высотой 3 см (рис. 16, 6/11, 12, 13, 14).

3. Фрагменты деревянных деталей сложносоставных луков — рукоятей, плечей, рогов, в том числе с вырезами для тетивы — четырнадцать экземпляров (рис. 12, 7—14/15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28).

4. Фрагменты древков стрел диаметром от 0,7 до 1 см (рис. 12, 15—17/29, 30).

5. Прямоугольная костяная накладка на рукоять лука длиной 5,9 и шириной 1,9 см (рис. 12, 18/31).

6. Плоский железный наконечник стрелы листовидной формы длиной 9,2 см, шириной 2 см (рис. 12, 13/32).

7. Плоский железный наконечник стрелы подромбической формы с выпуклыми ударными гранями длиной 9,6 см, шириной 2,8 см (рис. 12, 20/33).

8. Железный наконечник стрелы длиной 10,5 см, шириной 1,7 см (рис. 12, 21/34).

9. Железный ромбовидный наконечник стрелы с односторонним граниением длиной 9,2 см, шириной 1,7 см (рис. 12, 22/35).

10. Железный наконечник стрелы подромбической формы с выпуклыми ударными гранями и односторонним граниением длиной 6 см, шириной 1,5 см (рис. 12, 23/36).

11. Трехгранный железный наконечник стрелы подромбической формы с выпуклыми ударными гранями длиной 8,4 см, шириной 2,2 см (рис. 12, 24/37).

12. Фрагмент плоского ромбовидного наконечника стрелы (рис. 12, 25/38).

13. Железный четырехгранный наконечник стрелы шиловидной формы длиной 9 см (рис. 13, 1/39).

14. Аналогичный по форме наконечник стрелы, но меньшей длины — 6,3 см (рис. 13, 2/40).

15. Плоский железный наконечник стрелы лопаточковидной формы длиной 8 см, шириной 1,1 см (рис. 13, 3/41).

16. Фрагмент плоского железного наконечника стрелы длиной 6,5 см и шириной 1,5 см (рис. 13, 4/42).

17. Два фрагментированных железных наконечника стрелы — граниный пирамидальной формы длиной 4 см и толстый лопаточковидный длиной 5,8 см (рис. 13, 5, 6/43, 44).

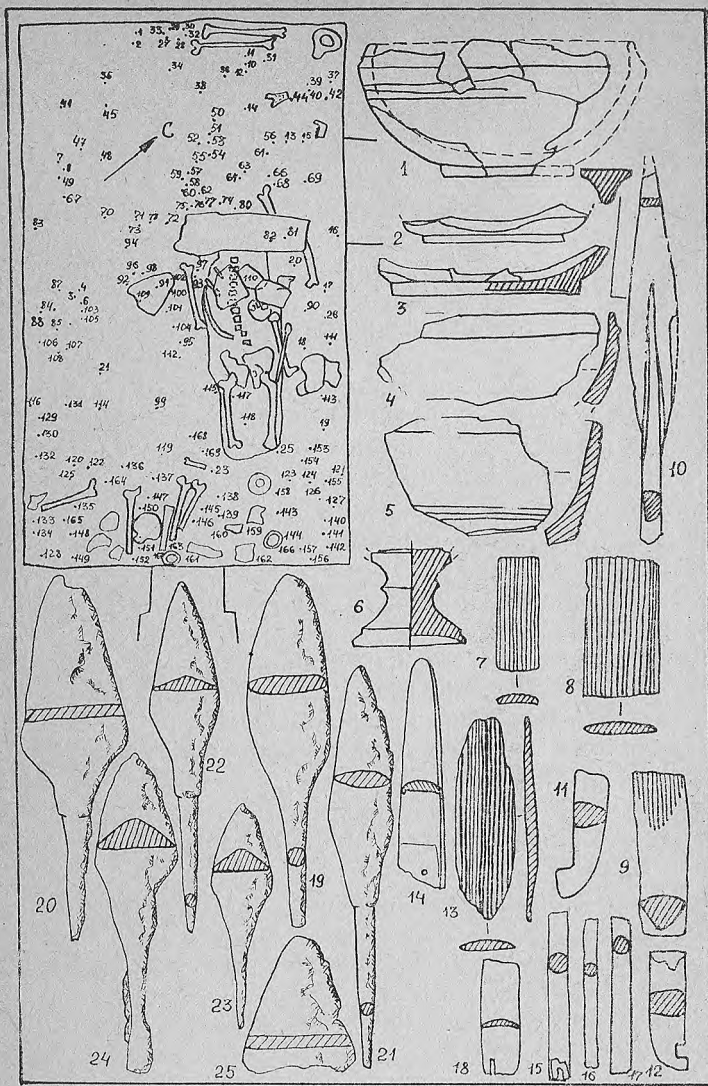

Рис. 12.

План размещения находок в основной камере склепа 55 Шуанского могильника. Находки: 1—17 — дерево; 18 — кость; 19—25 — железо (масштабы: 19—25—1:1; 1—18—1:2)

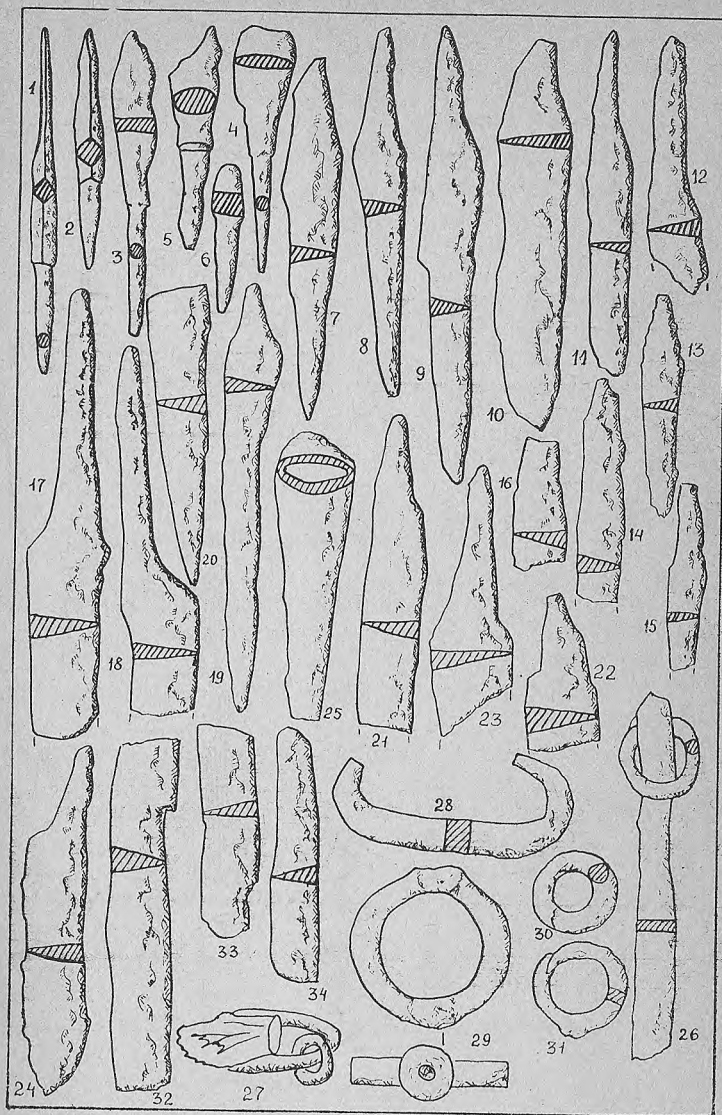

Рис. 13.

Находки из основной камеры склепа 55 Шуанского могильника: 1—26,
28—34 — железо; 27 — железо, дерево (все 1:2)

18. Железные однолезвийные ножи — восемь экземпляров длиной 9, 5, 9, 7, 12, 9, 11, 5, 5, 10 см (рис. 13, 7—11/45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52).

19. Фрагменты железных однолезвийных ножей от четырнадцати экземпляров (рис. 13, 12—17, 19—22, 32—34/53, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66).

20. Фрагментированные железные лезвия бритв — три экземпляра (рис. 13, 18, 24/67, 68, 69).

21. Железный остроконечный наконечник ножен длиной 7,4 см (рис. 13, 25/70).

22. Железная деталь конской сбруи — кольцо с длинной пластиной для крепления ремня. Диаметр кольца — 2 см, длина пластины — 9,5 см, ширина — 0,7 см (рис. 13, 16/71).

23. Обломок деревянного предмета с железной петлей для подвешивания и кольцом (рис. 13, 27/72).

24. Железное кресало с обломанным концом (рис. 13, 28/73).

25. Железное кольцо диаметром 4,2 см с двумя круглыми уплотнениями с отверстиями (рис. 13, 29/74).

26. Два железных кольца диаметром 2,1 см /75/.

27. Железное кольцо с неспаянными концами диаметром 2,5 см (рис. 13, 31/76).

28. Железное кольцо диаметром 3,3 см (рис. 14, 4/77).

29. Железная пряжка сегментовидной формы диаметром 2,7 см (рис. 14, 5/78).

30. Обломки железных колец диаметром 2,5 и 3,3 см (рис. 14, 6, 7/79, 80).

31. Фрагмент крупной железной прямоугольной пряжки (рис. 14, 8/81).

32. Фрагменты двух железных прямоугольных пряжек (рис. 14, 9, 10/82, 83).

33. Язычок от железной пряжки (рис. 14, 11/84).

34. Две Т-образные железные накладки со штифтами для крепления (рис. 14, 12/85, 86).

35. Железные пластинчатые накладки со штифтами для крепления (рис. 14, 13—15/87, 88, 89).

36. Железная обойма прямоугольной формы /2,5x1 см/ (рис. 14, 16/90).

37. Фрагмент конусовидного бронзового наперстка высотой 2,3 см /81/.

38. Три бронзовые шаровидные пуговицы с петельками диаметром 0,4—0,5 см (рис. 14, 17, 18/92, 93, 94).

39. Серебряная подвеска в виде кольца с отходящим вертикально стержнем, на конце которого многогранная сердоликовая бусина. Стержень обвит тонкой серебряной проволокой (рис. 14, 19/95).

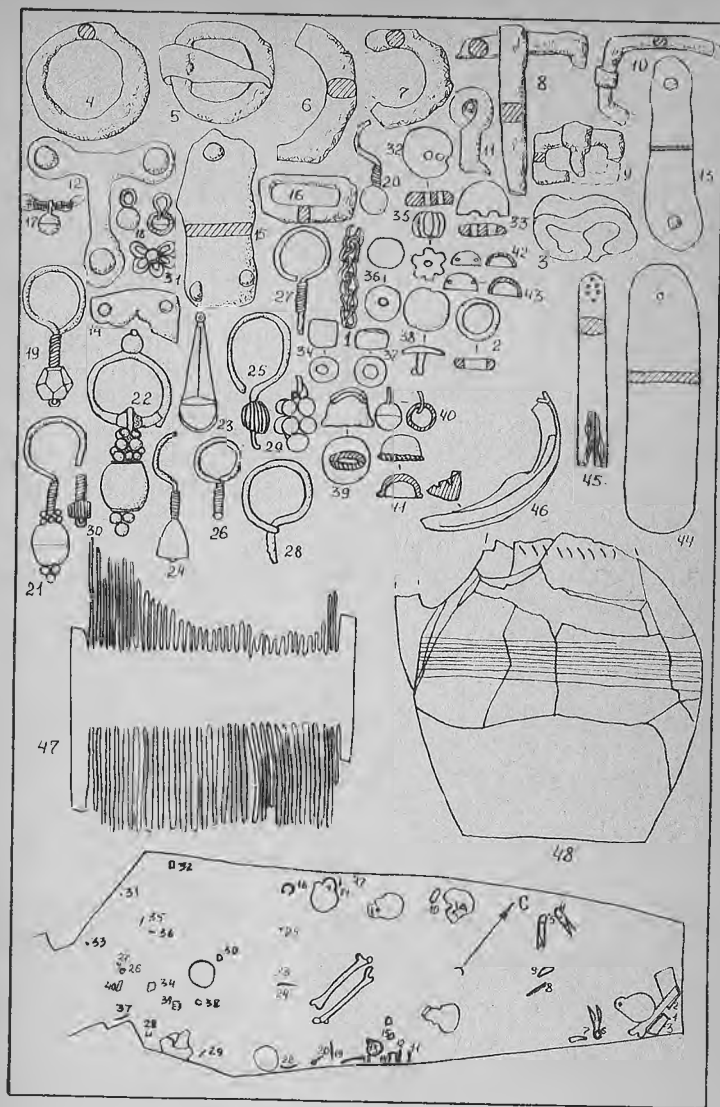

Рис. 14.

План размещения находок в боковой камере 55 Шуанского могильника
 Находки из основной камеры склепа 55: 1, 2, 18, 20—23, 26—29, 31, 38—
 43 — железо; 3, 45, 46 — кость; 4—16 — железо; 17 — цветной металл,
 камень; 19 — цветной металл, камень; 24, 25, 30 — цветной металл, стекло;
 32, 33 — кашин; 34, 44 — камень; 35—37 — стекло; 47 — дерево; 48 — гли-
 на (масштабы: 1—32, 34—43, 47—1:1; 33, 44—46, 48—1:2)

40. Бронзовая серьга в виде знака вопроса с проволоочной обмоткой и полым шариком на конце (рис. 14, 20/96).

41. Серебряная серьга в виде знака вопроса с полой округлой бусиной на стержне, оформленной сверху и снизу шариками зерни (рис. 14, 21/97).

42. Бронзовая серьга в виде круглой дужки с биконической бусиной внизу, к которой прикреплен столбик шариков зерни, разделенный крупной полой овальной бусиной. В верхней части дужки прикреплены два шарика (рис. 14, 22/98).

43. Серебряная серьга, аналогичная по форме № 41, но шарики зерни — бронзовые /99/.

44. Серебряная подвеска в виде вытянутого граненого бубенчика высотой 3,1 см и прорезью внизу (рис. 14, 23/100).

45. Серебряная серьга в виде знака вопроса со стержнем, обвитым серебряной проволокой и конусовидной бусиной из темно-синего стекла (рис. 14, 24/101).

46. Бронзовая серьга в виде знака вопроса с рифленой округлой бусиной из черного стекла на стержне (рис. 14, 25/102).

47. Серебряная серьга в виде знака вопроса с коротким стержнем, обвитым серебряной же проволокой и заканчивающимся шаровидным утолщением (рис. 14, 26/103).

48. Бронзовая серьга в виде знака вопроса. Стержень обвит бронзовой проволокой и заканчивался распавшейся стеклянной бусиной (рис. 14, 27/104).

49. Две бронзовые серьги в виде знака вопроса без обмоток на стержнях (рис. 14, 28/105, 106).

50. Фрагмент серьги в виде знака вопроса в виде грозди из девяти крупных шариков серебряной зерни (рис. 14, 29/107).

51. Небольшие фрагменты серег в виде знака вопроса, в том числе обломок стержня с обмоткой и голубой фаянсовой бусиной (рис. 14, 30/108, 109).

52. Бронзовая цепочка двойного плетения (рис. 14, 1/110).

53. Фрагмент серебряной подвески или накладки в виде цветка (рис. 14, 31/111).

54. Поливная кашинная пуговица голубого цвета (рис. 14, 32/112).

55. Половинка аналогичной пуговицы (рис. 14, 33/113).

56. Бочонковидная бусина диаметром 0,4 см из светло-голубого фаянса /114/.

57. Сердоликовая бусина цилиндрической формы диаметром 0,7 см (рис. 14, 34/115).

58. Дольчатая бусина из бледно-голубого фаянса диаметром 0,8 см (рис. 14, 35/116).

59. Шаровидная бусина из голубого стекла диаметром 0,8 см (рис. 14, 35/117).

60. Кольцевидная бусина диаметром 0,7 см из темно-синего стекла (рис. 14, 37/118).

61. Плоские круглые бронзовые заклепки со штифтами — восемь экземпляров (рис. 14, 38/119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126).

62. Нижняя часть серебряного бубенчика с прорезью (рис. 14, 39/127).

63. Бронзовые шаровидные пуговицы с петельками — десять экземпляров (рис. 14, 40/128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137).

64. Полусферические бронзовые нашивки диаметром 0,7; 0,9; 1 см — три экземпляра (рис. 14, 41—43/138, 139, 140).

65. Два колечка из уплощенной проволоки /одно из серебра, второе — из бронзы / диаметром 1 см/ /141, 142/.

66. Оселок с отверстием для подвешивания из мягкого сланца /14х3,7 см/ (рис. 14, 44/143).

67. Костяная рукоять ножа /?/ с шестью углублениями на округлом конце. Длина 9,7 см (рис. 14, 45/144).

68. Кабаний клык (рис. 14, 46/145).

69. Бараний альчик, на одной стороне которого отмечены многочисленные косые насечки. Хранился в кожаном чехле /146/.

70. Восемь бараньих альчиков, на которых фиксируются следы красной краски /147, 148, 149, 151, 152, 153, 154/.

71. Фрагменты двусторонних деревянных гребней от трех экземпляров (рис. 14, 47/155, 156, 157).

72. Обломки толстых досок от гроба /158, 159, 160/.

73. Фрагменты досок, орнаментированных геометрическим декором, которые в большинстве своем являются частями шкатулок (рис. 15, 1—3/161, 162, 163, 164, 165).

74. Фрагментированный красноглиняный кувшин /диаметр дна — 9,6 см, тулова — 15 см, высота сохранившейся части — 16 см/. Тулово орнаментировано линейными полосами, горловины — косыми насечками (рис. 14, 48/166).

75. Фрагментированный красноглиняный гончарный кувшин /диаметр дна — 9 см, тулова — 12 см, высота сохранившейся части 15 см/. Тулово покрыто линейным и волнистым декором, горловина — елочным орнаментом (рис. 15, 4/167).

76. Фрагмент красноглиняного гончарного сосуда /чашки?/ — дно с поддоном и частью стенки, на которой заметны линейные полосы /168/.

77. Фрагмент аналогичного сосуда /169/.

После завершения расчистки основной камеры была исследована боковая камера. Шесть черепов, отдельные кости и находки были разбросаны по всей площади пола, причем часть из них лежала на поверхности культурного слоя толщиной 7—10 см, состоящего

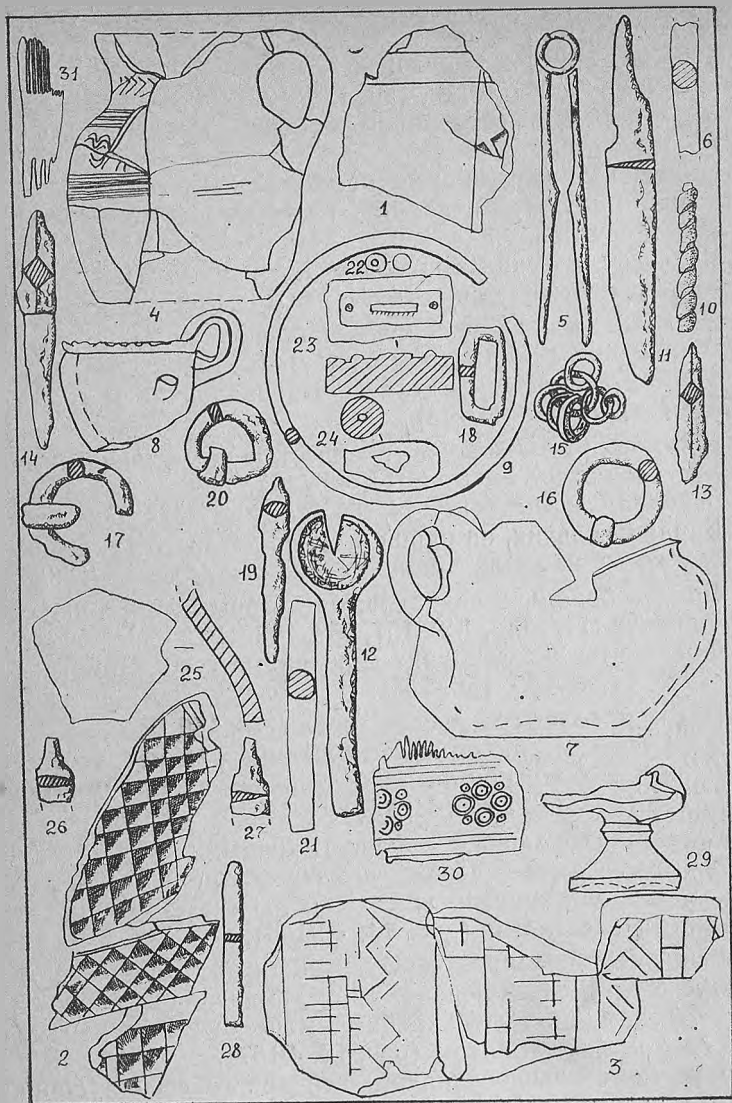

Рис. 15.

Находки из боковой камеры склепа 55 Шуанского могильника: 1—3, 6, 7, 21, 29—31 — дерево; 4, 8, 25 — глина; 5, 11—20, 26—28 — железо; 9, 10 — цветной металл; 22, 24 — стекло; 23 — дерево, цветной металл (масштабы 1—3, 6, 9, 10, 12—24, 30—1:1; 4, 5, 7, 8, 11, 25—29, 31—1:2)

из грунта, мелких камней, разбитых и истлевших костей. Здесь были обнаружены следующие предметы:

1. Фрагменты толстых досок, по-видимому, от гроба. На некоторых фиксируются следы резьбы /1, 1, 3/.

2. Железные пружинные ножницы для стрижки овец длиной 22 и 23 см — четыре экземпляра (рис. 15, 5/4, 5, 6).

3. Фрагменты деревянных частей сложносоставных луков /7, 8, 9, 10/.

4. Фрагменты древка стрелы (рис. 15, 16, 21/ 11, 12).

5. Деревянная кружка с петлевидной ручкой /диаметр дна — 9,6 см, тулова — 15,4 см, высота — 12 см/ (рис. 15, 1/13).

6. Лепная сероглиняная кружка с петлевидной ручкой, насечками по венчику и налепом на тулове (рис. 15, 8/14).

7. Фрагменты красноглиняного гончарного сосуда с линейным и волнистым орнаментом /15/.

8. Бронзовый круглопроволочный браслет диаметром 7 см со слегка уплощенными концами (рис. 15, 9/16).

9. Бронзовая спираль длиной 4 см, диаметром 0,5 (рис. 15, 10/ 17).

10. Железный однолезвийный нож длиной 18,7 и шириной 2,4 см (рис. 15, 11/18).

11. Железный однолезвийный нож длиной 8,5 см, шириной 1 см /19/.

12. Железная ложечка длиной 6 см (рис. 15, 12/20).

13. Железный граненый наконечник стрелы пирамидальной формы длиной 3,8 см с обломанным черешком (рис. 15, 13/21).

14. Обломок плоской железной изогнутой пластинки длиной 8,5 см, шириной 0,7 см /22/.

15. Железный граненый наконечник стрелы пирамидальной формы длиной 6,8 см (рис. 15, 14/23).

16. Однолезвийный железный нож с обломанным острием длиной 5 см и шириной 0,9 см /24/.

17. Фрагмент кольчуги /2/ из железных колец диаметром 1 см, со следами ткани (рис. 15, 15/25).

18. Две круглые железные пряжки диаметром 2,5 и 2,6 см (рис. 15, 17/26, 27).

19. Прямоугольная железная пряжка /2,3x1,3 см/ (рис. 15, 18/28).

20. Поврежденный железный наконечник стрелы пулевидной формы длиной 4,9 см (рис. 15, 19/29).

21. Железная пряжка сегментовидной формы (рис. 15, 20/30).

22. Округлая стеклянная бусина диаметром 0,5 см (рис. 15, 21/ 31).

23. Прямоугольная деревянная колодка с металлической пластиной сверху (рис. 15, 23/32).

24. Крупная стеклянная бусина подцилиндрической формы (рис. 15, 24/33).

25. Фрагмент стенки красноглиняного сосуда (рис. 15, 25/34).
 26. Фрагмент железного однолезвийного ножа длиной 3,4 и шириной 2 см (рис. 15, 26/35).
 27. Фрагмент железного однолезвийного ножа длиной 4 см и шириной 2,1 см (рис. 15, 27/36).
 28. Железный прямоугольный стержень длиной 8,4 см (рис. 15, 28/37).
 29. Ножка деревянного бокала (рис. 15, 29/38).
 30. Обломанный двусторонний деревянный гребень с циркульным орнаментом (рис. 15, 30/39).
 31. Фрагмент двустороннего деревянного гребня (рис. 15, 31/40).
- Склеп № 121.**

Так же, как и предыдущие склепы, частично разрушен — разбита часть фасадной стенки с остатками желтоватой штукатурки, проломлен свод. Культурный слой в камере практически отсутствовал, что можно объяснить либо неоднократной ограбленностью, либо расчисткой, проведенной кем-то из работавших ранее на могильнике археологов. Однако в литературе описание подобного склепа не известно, что побудило продолжить исследования этого сооружения с интересными конструктивными деталями. Со склона к лазу некогда вел коридорчик — такой же, как в склепе № 48. Ныне от него сохранился лишь участок стенки, сложенной из колотого камня всухую. Лаз прямоугольной формы /0,75x0,50 м/, закрытый сланцевой плитой, вел в маленький тамбур трапециевидной формы размерами 1,30x0,94x1,12x1,05 м. Из тамбура второй лаз /0,4x0,55 м/, оформленный в виде ниши размерами 0,6x0,7 м, вел в камеру вытянутой прямоугольной формы, слегка расширяющуюся у задней стенки. Длина ее 4,60 м, ширина у лаза — 1,25 м, у задней стенки — 1,83 м. Стенки сложены на глинисто-известковом растворе из разномерного камня, свод сооружен в той же технике, что и у ранее описанных склепов. Значительная часть задней стенки представляла обработанный скальный выступ. Пол камеры состоял из массивных сланцевых плит, разбитых в задней части склепа. Пролом вел в нижний отсек камеры, не имевший лаза, хотя не исключено, что именно здесь был устроен лаз. Длина камеры оказалась значительно меньшей, чем наверху /3,1 м/ за счет скального выступа у задней стенки (рис. 16, 1).

В верхней части камеры практически было пусто. В нижней части под обломками упавших плит оказались раздавленные кости нескольких погребенных, в том числе 9 черепов. В восточном углу стоял разбитый красноглиняный гончарный кувшин с ногтевидными вдавлениями по тулову и линейными полосами. Его размеры: диаметр дна — 6,3 см, тулова — 10,4 см, венчика — 7 см, высота — 11,8 см (рис. 17, 1/1). Рядом лежали: железный однолезвийный нож длиной 13,8 и шириной 1,4 см (рис. 17, 18/2), железный наконечник стрелы длиной 8,9 см, шириной 1,4 см (рис. 17, 12/3); прямоуголь-

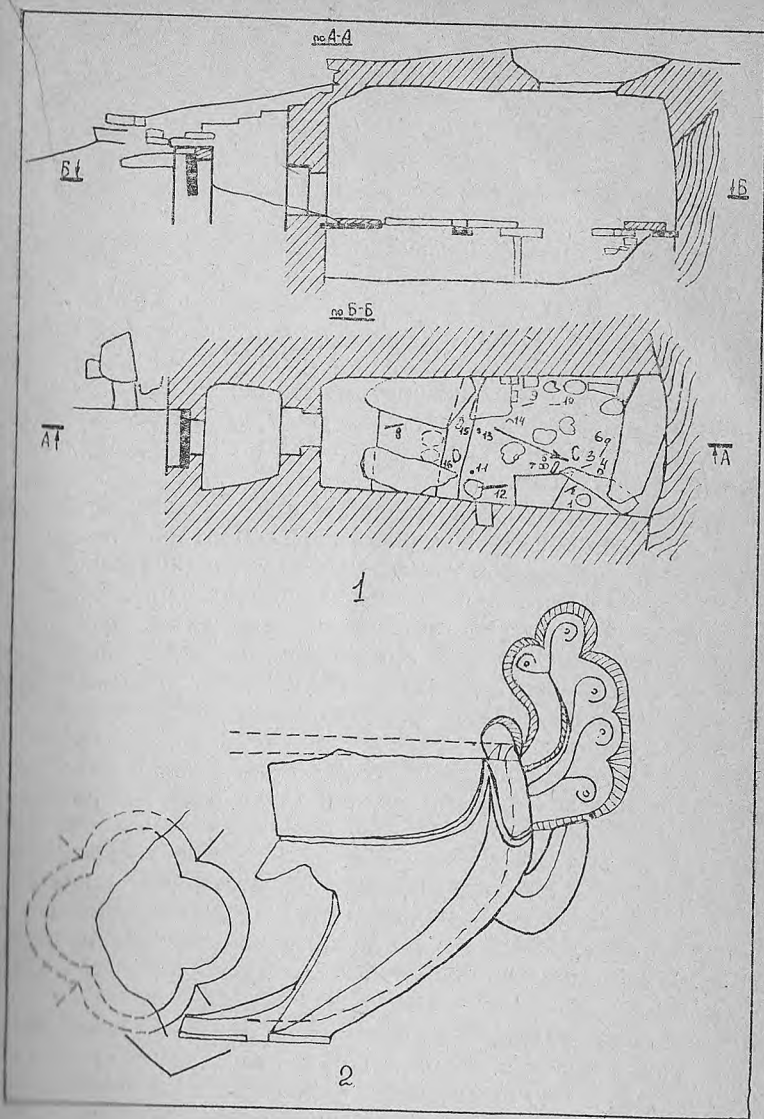

Рис. 16.

— план и разрезы склепа 121 Шуанского могильника; 2 — деревянная чаша из склепа 121

пая железная пряжка размерами 2,9x2,1 см (рис. 17, 7/4); плоский сланцевый оселок длиной 11 см с отверстием для подвешивания (рис. 17, 6/5); половинка железных пружинных ножниц (рис. 17, 5/6) и два соединенных железных кольца диаметрами 3,1 и 3,9 см (рис. 17, 4/7).

В других местах камеры найдены еще несколько предметов: железный однолезвийный нож длиной 10,9 см, шириной 1,5 см (рис. 17, 13/8), обломок еще одного ножа (рис. 17, 14/9), плоский железный наконечник стрелы подрембической формы длиной 7,1 см, шириной 1,9 см (рис. 17, 11/10), бронзовый наперсток диаметром 1,6 см (рис. 17, 2/11), железный однолезвийный нож длиной 34 см и шириной 3,2 см (рис. 17, 10/12). Обломок прямоугольной железной пряжки (рис. 17, 8/13). Фрагменты железного кольца диаметром 2,5 см (рис. 17, 3/14), обломанная железная пластинка с двумя отверстиями (рис. 17, 9/15) и половина резного деревянного ковша с орнаментированной зооморфной ручкой, ложчатым туловом и дном в виде четырехлепестковой розетки/диаметр дна 6 см, устья 16 см, высота 7,5 см/ (рис. 16, 2/16).

Склеп № 128 относится ко второй группе склепов, концентрирующихся вокруг второй возвышенности на территории некрополя. Он расположен в 10 м южнее так называемого поминального здания у отметки 45,24 относительно нулевого репера (рис. 1). Фасадная часть и прилегающий участок кровли разрушены. Для выяснения конструктивных особенностей прилегающий к передней стенке склепа участок склона был расчищен. Выяснилось, что часть фасадной стенки с лазом первоначально располагалась на поверхности, о чем свидетельствуют следы желто-белой штукатурки, некогда ее покрывавшей. Нижняя же часть этой стенки /ниже лаза/ изначально была углублена в землю — камни кладки здесь не обработаны, следов штукатурки нет. Камни надземной части кладки массивны, тщательно обработаны, сложены на глинисто-известковом растворе. Разрушение части свода позволило заметить, что кровля склепа состояла из сланцевых плит, по краям которых были уложены каменные блоки и колотый камень. Сверху над плитами фиксировался плотный, до 10 см толщиной слой желтой глины, уложенной специально для предохранения камеры от попадания влаги.

Лаз в склеп снаружи имел почти квадратную форму 0,64x0,66 м/ и был прикрыт массивной каменной плитой, имевшей сбоку специальную полукруглую выемку для более удобного извлечения ее из лаза. Щели между плитой и сланцевыми стенками входного отверстия были заложены небольшими камнями. За плитой лаз имел более узкую форму — 0,40x0,64 м глубиной 0,60 м. Вытянутая почти по оси С—Ю камера имела длину 4,55 м при ширине фасадной стены 1,25 м, задней — 1,43 м. Высота камеры — 1,80 м. Стены были сложены в основном из крупных блоков, перемежавшихся более

мелкими камнями. Ряды кладки в случае необходимости выравнялись прокладкой сланцевых плиток. На стенах в отдельных местах сохранился довольно толстый слой штукатурки из извести, мелкой гальки и сланцевой крошки. Свод был сооружен с помощью уже описанного приема напуска камней и перекрытия оставшегося проема шириной в 0,35 м сланцевыми плитами.

В северной /задней/ стенке камеры на высоте 1,3 м отмечена обломившаяся каменная полка длиной 0,87 м и шириной не менее 0,45 м. В западной стенке на высоте 1,1 м торчал каменный брус, такой же брус, но на высоте 0,8 м отмечен в восточной стенке камеры. В этой же стене выявлены две прямоугольные ниши /0,20х0,16 м и 0,22х0,20 м/ глубиной 0,20 и 0,30 м. В западной стенке была одна ниша 0,25х0,26 м глубиной 0,30 м (рис. 18).

К моменту расчистки в передней части камеры находился навал из камней, сланцевых плит, глины, грунта, упавших с фасадной стены и кровли склепа. После его удаления открылся культурный слой толщиной 0,1—0,15 м, состоявший из перемеса разрозненных человеческих костей, фрагментов истлевших тканей, кожи, мелких камней и небольшого количества грунта. С наружной стороны лаза были зафиксированы фрагменты красноглиняной гончарной керамики, древесные угольки, челюсть барана. Возможно, это следы поминальной трапезы. При осмотре потолка камеры был обнаружен заложенный за одну из плит перекрытия фрагмент двулезвийного изогнутого сабельного клинка длиной 45 см (рис. 25, 1).

Разборка велась с послойной фиксацией находок, однако в отличие от предыдущих склепов здесь — от задней стенки камеры, так как возникло предположение о наличии целых костяков, впоследствии не оправдавшееся.

Слой 1.

Состав слоя — истлевшие кости скелетов, в том числе два черепа, обрывки ткани, обломки досок, камни, плиты, песок, древесный уголь. В средней части — навал плит.

Были обнаружены следующие предметы:

1. Яитарная бусина с окатанными гранями (рис. 17, 16/1).
2. Фрагмент круглого бронзового зеркала диаметром около 8 см с растительным орнаментом.
3. Серебряная серьга в виде знака вопроса с обломанной дужкой. Стержень обвит серебряной проволокой, на конце его овальная бусина, снизу и сверху украшенная шариками зерни (рис. 17, 17/3).
4. Фрагментированный красноглиняный гончарный кувшин, украшенный волнами по тулову и линейными полосами по горловине. Высота его 16,4 см, диаметр венчика — 9 см, тулова — 15,4 см, днища — 10,2 см (рис. 17, 18/4).
5. Железный однолезвийный нож длиной 17,1 см и шириной 2,0 см (рис. 17, 31/5).

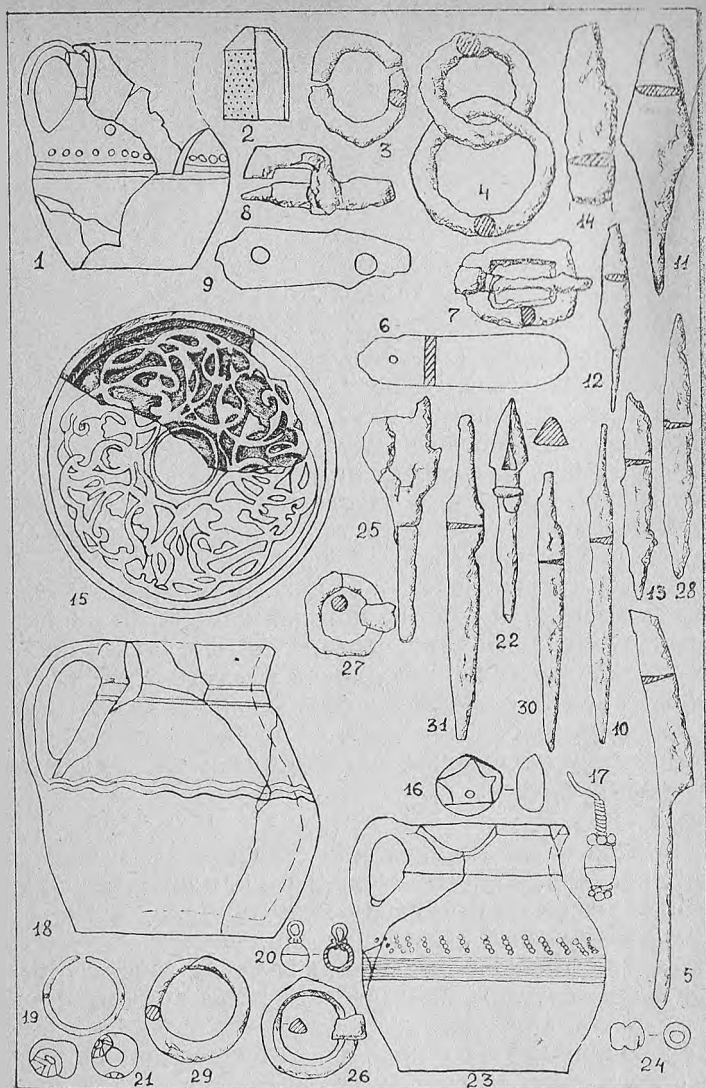

Рис. 17.

Находки из склепа 121 Шуанского могильника (1—14, 23), слоя 1 склепа 128 Шуанского могильника (15—27, 29): 1, 13, 23 — глина; 2, 15, 17, 29, 20 — цветной металл; 3, 5, 7—14, 22, 25—31 — железо; 6, 16 — камень; 21—24 стекло (масштабы: 2—4, 7—9, 11, 14—17, 19—22, 24—27, 29 — 1:1; 1, 5, 6, 12, 13, 18, 23, 28, 30, 31—1:2; 10—1:4)

6. Двусторонний деревянный гребень со следами росписи масляными красками красного, белого и черного цветов (рис. 23, 22/6).

7. Золотоордынский анонимный пул с отверстием. Чеканен в Сарай-ал-Джедиде в 1350 г. /7/.⁴

8. Железное кольцо с несомкнутыми заостренными концами диаметром 2,1 см (рис. 17, 19/8).

9. Серебряная шаровидная пуговица с петелькой /диаметр 0,7 см/ (рис. 17, 20/9).

10. Уплощенно-шаровидная бусина из бирюзового стекла с глазами (рис. 17, 21/10).

11. Железное кольцо диаметром 2 см (рис. 20, 28/11).

12. Железный однолезвийный нож длиной 15,7 см и шириной 1,1 см (рис. 20, 26/12).

13. Трехгранный железный наконечник стрелы с шейкой /длина 0 см/ (рис. 17, 22/13).

14. Красноглиняный гончарный кувшин, орнаментированный линиями полосами и столбиками ногтевидных оттисков по тулову. Размеры: высота — 13 см, диаметр венчика — 8,4 см, тулова — 14 см, дна — 9 см (рис. 17, 23/14).

15. Круглая железная пряжка диаметром 2,5 см (рис. 17, 26/15).

16. Двойная стеклянная бусина синего цвета диаметром 0,7 см (рис. 17, 24/16).

17. Обломанный железный наконечник стрелы ромбовидной формы длиной 5,8 см (рис. 7, 25/17).

18. Округлая железная пряжка диаметром 2 см (рис. 17, 27/18).

19. Верхняя половина красноглиняного гончарного кувшина, украшенного оттисками зубчатого штампа по горловине и тулову. Диаметр венчика — 8 см (рис. 20, 1/19).

20. Фрагмент деревянной кибиты сложносоставного лука (рис. 20, 2/20).

21. Железная трубка, свернутая из листа /6 см длина, диаметр трубки — 0,8 см, другого — 16,5 см/ (рис. 20, 29/21).

22. Фрагмент серебряной височной подвески в виде овальной пластины, сверху и снизу украшенной шариками зерни на ложновидных «ножках» (рис. 20, 23/22).

23. Уплощенно-шаровидная бусина из бирюзового стекла с глазами (рис. 20, 3/23).

24. Уплощенно-шаровидная мозаичная бусина (рис. 20, 3/24).

25. Массивная серебряная височная подвеска в виде знака вопреки, с шаровидной бусиной на конце стержня, украшенной конусовидными выступами с шариками зерни на концах. Основания выступов

⁴ В дальнейшем монеты определены профессором МГУ им. М. В. Ломоносова Александром Даниловым, которому авторы приносят глубокую признатель-

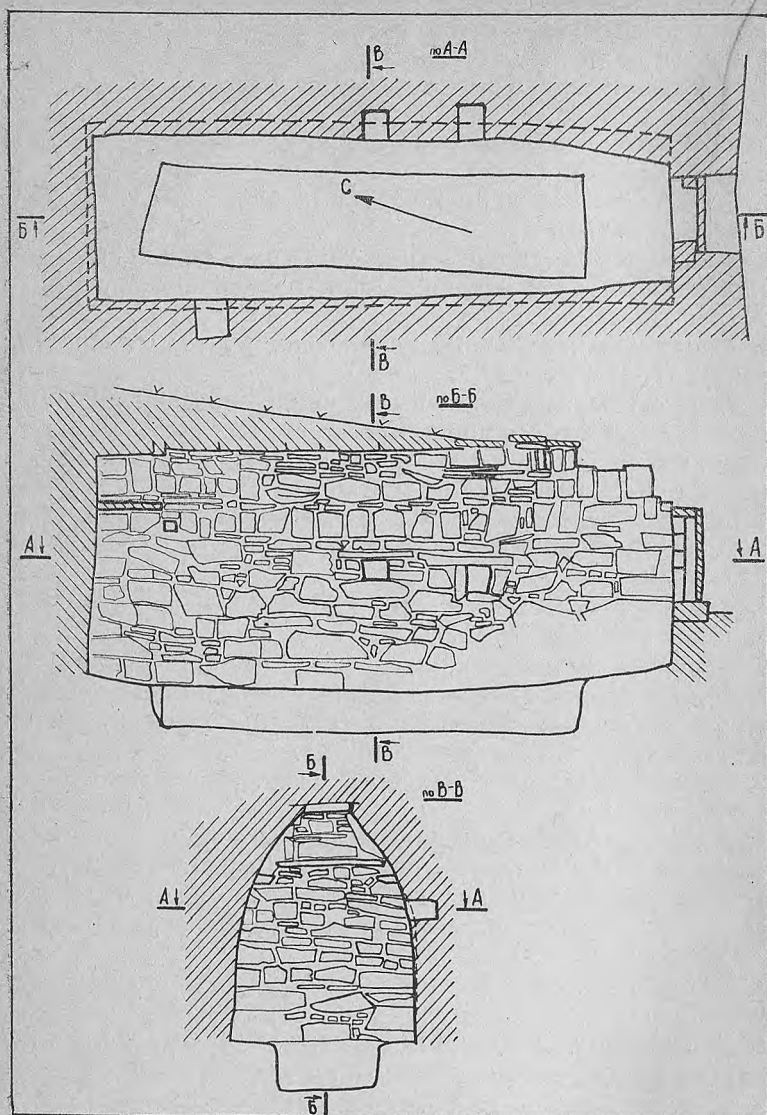

Рис. 18.

План и разрезы склепа 128 Шуанского могильника

и сама бусина посредине опоясаны ложновитыми поясками (рис. 20, 4/25).

26. Круглый железный стержень от пружинных ножниц длиной 13 см, диаметром 0,4 см /26/.

27. Железный наконечник стрелы длиной 9 см, шириной 1,8 см (рис. 20, 5/27).

28. Железный однолезвийный нож длиной 24 и шириной 1,4 см (рис. 20, 6/28).

29. Фрагмент стержня железных пружинных ножниц длиной 22 см (рис. 24, 4/29).

30. Серебряная серьга в виде знака вопроса со стержнем, обвитым проволокой и гроздью из четырех шариков зерни на конце (рис. 20, 7/30).

31. Фрагмент какого-то железного предмета (рис. 20, 8/31).

32. Железное кольцо диаметром 2,2 см (рис. 20, 9/32).

33. Железный наконечник стрелы в виде лопаточки длиной 8 см, шириной 2,3 см (рис. 20, 10/33).

34. Фрагмент железной прямоугольной пряжки (рис. 20, 11/34).

35. Поврежденный железный наконечник стрелы листовидной формы длиной 7,3 см, шириной 1,2 см (рис. 20, 12/35).

36. Железное кольцо диаметром 2,3 см (рис. 23, 5/36).

37. Фрагмент граненого железного стержня длиной 6,2 см (рис. 20, 13/37).

38. Фрагмент деревянной токарной миски на поддоне (рис. 20, 14/38).

39. Красноглиняный гончарный кувшин, орнаментированный по тулову волнистыми линиями. В верхней части тулова процарапана надпись из 5 древнегрузинских букв. Не прочитана. Размеры сосуда: высота 16,4 см, диаметр венчика — 7 см, тулова — 14 см, дна — 8 см (рис. 20, 15/39).

40. Железное напускное крестовидное перекрестие сабли длиной 9 см (рис. 20, 16/40).

41. Фрагмент железного наконечника стрелы (рис. 20, 24/41).

42. Железный однолезвийный нож длиной 21,5 см и шириной 1,6 см (рис. 23, 20/42).

43. Фрагмент плоского железного наконечника стрелы длиной 4,3 см (рис. 24, 11/43).

44. Железный наконечник стрелы пирамидальной формы длиной 9,7 см (рис. 24, 12/44).

45. Обломок деревянного рога сложносоставного лука с вырезом для тетивы (рис. 24, 3/45).

46. Черный стеклянный перстень диаметром 2,2 см (рис. 20, 17/46).

47. Тройная бусина из синего стекла диаметром 0,7 см (рис. 25, 5/47).

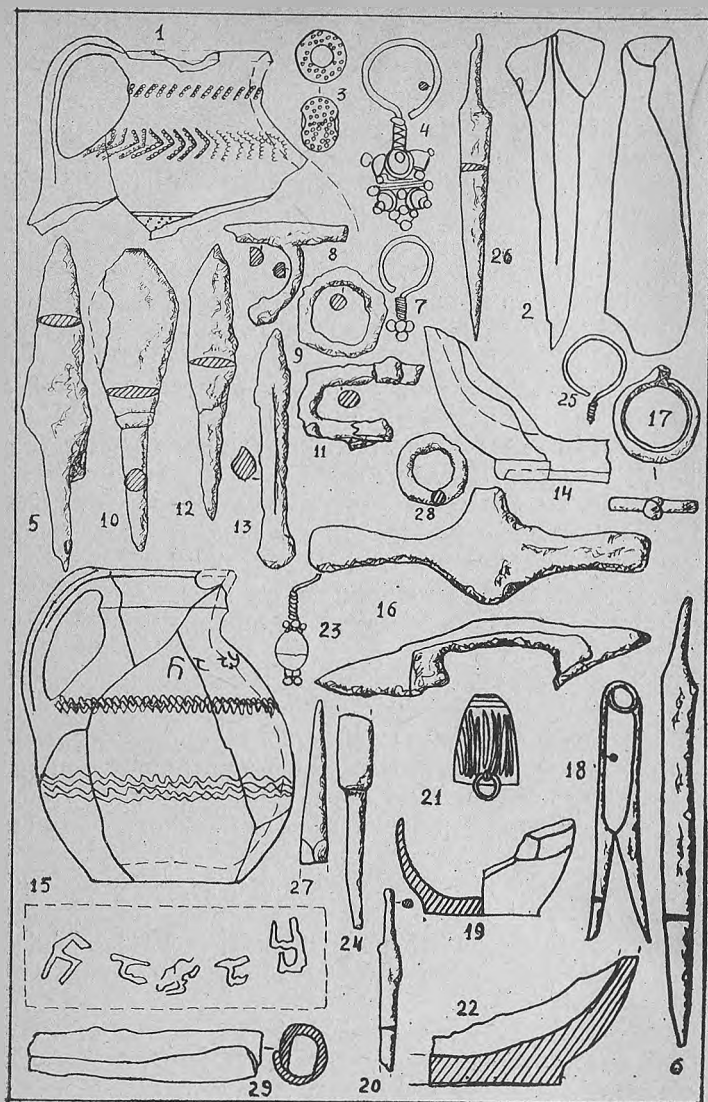

Рис. 20.

Находки из слоя 1 склепа 128 Шуанского могильника: 1, 15 — глина; 2, 14, 19, 22 — дерево; 3, 17 — стекло; 4, 7, 21, 23, 25 — цветной металл; 5, 6, 8—13, 16, 18, 20, 24, 26—29 — железо (масштаб: 2—5, 7—14, 16, 17, 21—25, 27—29—1:1; 1, 6, 15, 19, 26—1:2; 20—1:3; 18—1:4)

48. Железные пружинные ножницы длиной 28 см (рис. 20, 18/48).
49. Фрагменты деревянной чашки ручной работы. Размеры: высота 5 см, диаметр венчика — 9,4 см, дна — 6 см (рис. 20, 19/49).
50. Обломок стержня пружинных ножниц длиной 11 см (рис. 25, 6/50).
51. Обломанная серебряная подвеска в виде знака вопроса. Стержень обвит серебряной проволокой, бусины нет (рис. 20, 25/51).
52. Железный однолезвийный нож длиной 9,7 см и шириной 1 см с обломанным острием (рис. 20, 20/52).
53. Бронзовый наперсток с колечком для подвешивания сбоку. Диаметр наперстка — 2,4 см, колечка — 0,7 см (рис. 20, 21/53).
54. Фрагменты деревянных мисок токарной работы с поддонами (рис. 20, 22, 21, 12/54).
55. Половинка бронзовой шаровидной пуговицы диаметром 1 см (рис. 25, 3/55).
56. Железный наконечник стрелы ножевидной формы длиной 6,6 см, шириной 1 см (рис. 23, 19/56).
57. Два железных кольца диаметром по 3 см, соединенных вместе (рис. 21, 17/57).
58. Фрагменты красноглиняного гончарного сосуда с волнообразным орнаментом по тулову. Размеры: высота сохранившейся части — 12,5 см, диаметр тулова — 16,7 см, дна — 10,5 см (рис. 21, 6/58).
59. Фрагмент костяного двустороннего гребня (рис. 23, 18/59).
60. Бронзовый штамп /?/ с рельефным изображением льва в круге диаметром 2,1 см (рис. 21, 8/60).
61. Железный однолезвийный нож длиной 9,5 см, шириной 1,2 см с обломанным острием (рис. 21, 19/61).
62. Фрагмент клинка железной сабли длиной 9,5 см и шириной 4,1 см (рис. 21, 18/62).
63. Обломок деревянной рукояти сложносоставного лука /длина 6,6 см/ (рис. 23, 3/63).
64. Железный однолезвийный нож длиной 11 см, шириной 1,5 см (рис. 23, 4/64).
65. Серебряные нашивки в виде цветка лотоса /?/ — два экземпляра (рис. 21, 2/65).
66. Округлая бусина из синего стекла диаметром 0,8 см (рис. 21, 1/66).
67. Железный однолезвийный нож с обломанным острием длиной 16 см, шириной 1,5 см (рис. 21, 21/67).
68. Обломки деревянной кибиты сложносоставного лука /части в том числе с прямоугольными вырезами для тетивы/ (рис. 21, 14—16/68, 69, 70).
69. Пожка деревянного бокала, выточенного на токарном станке высотой 5,5 см (рис. 21, 39/71).

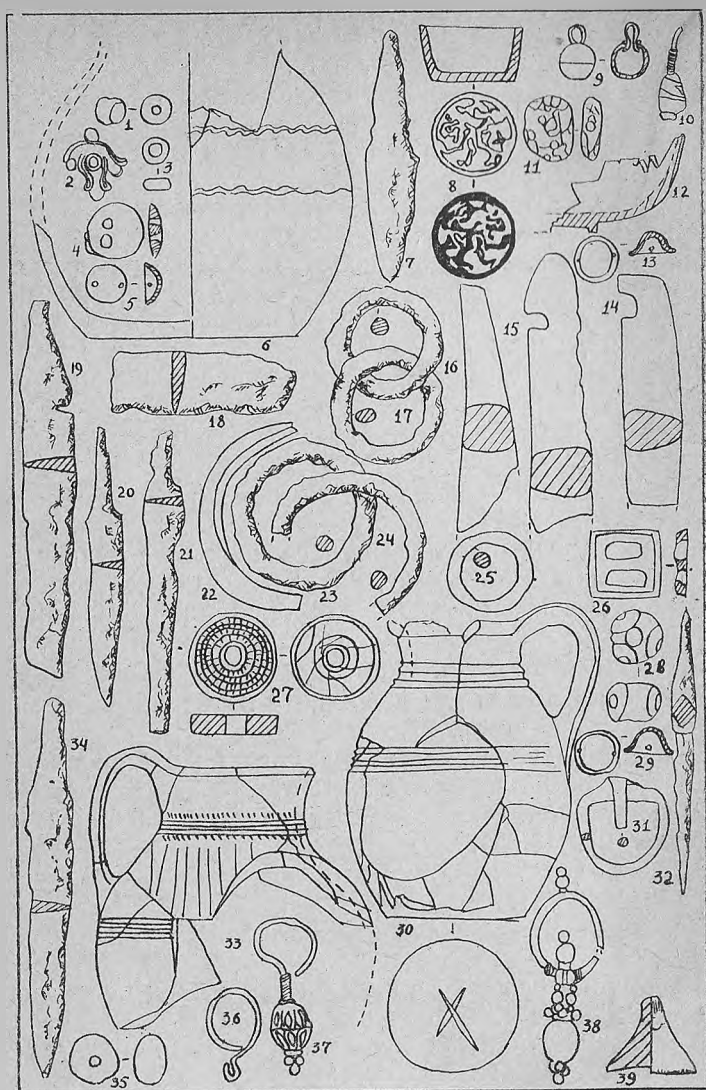

Рис. 21.

Находки из слоя 1 (1, 2, 6—8, 12, 14—19, 24, 39), слоя 2 (3—5, 9—11, 13, 20, 22, 23, 25—38) склепа 128 Шуанского могильника: 1, 3, 11, 28, 35 — стекло; 2, 5, 8, 9, 13, 25, 26, 29, 36 — цветной металл; 4 — кашин; 6, 30, 33 — глина; 7, 17—21, 23, 24, 31, 32, 34 — железо; 10 — цветной металл, стекло; 12, 14—16, 39 — дерево; 22 — кость; 27 — камень (масштаб: 1—5, 7—11, 13, 17, 19, 23—29, 31, 35—38 — 1:1; 6, 12, 14—16, 18, 20—22, 30, 32—34, 39—1:2)

70. Золотоордынский пул — точнее неопределимо /72/.
71. Золотоордынский пул анонимного чекана в Сарай-ал-Джеди-1350-е годы /73/.
72. Железное острие длиной 4,3 см (рис. 20, 27/74).
73. Железный наконечник /?/ стрелы (рис. 21/75).
74. Фрагмент железного кольца диаметром 4 см (рис. 21, 24/76).
75. Бронзовая спираль длиной 5,2 см, шириной 0,5 см (рис. 22, 27/77).
76. Широкое кольцо диаметром 2,6 см (рис. 17, 29/78).
77. Железный однолезвийный нож длиной 14 см, шириной 1,5 см (рис. 17, 30/79).

В процессе расчистки были зафиксированы одиннадцать целых и фрагменты двадцати трех черепов, а также семьдесят одна берцовая кость, что позволяет определить число погребенных в тридцать шесть человек.

При зачистке пола камеры, которым оказался скальный грунт, обнаружилась большая /длиной 3,55 м, шириной 0,80 м, глубиной до 0,30 м/ яма почти прямоугольной формы, вытянутая по длинной оси камеры. Вероятно, некогда она была перекрыта массивными сланцевыми плитами, которые сохранились /в потревоженном состоянии/ лишь в центре ямы. На одной из плит лежал целый человеческий череп, содержимое же ямы представляло собой беспорядочный навал костей вместе с грунтом, камнями, обломками дерева и предметами погребального инвентаря. Расчистка ямы велась по слоям.

Слой 2. В целом грунт оказался сильно насыщенным влагой, что отрицательно сказалось на сохранности костей и предметов, особенно железных и деревянных. Отмечены древесные угольки. Здесь были найдены:

1. Фрагмент оборонительного доспеха из железных колец диаметром 1 см /80/.
2. Два крупных кабаньих клыка (рис. 21, 22/81, 82).
3. Кольцевидная бусина из синего стекла диаметром 0,6 см (рис. 21, 3/83).
4. Половинка серебряной шаровидной пуговицы, в петельке которой сохранилась тесьма (рис. 23, 17/84).
5. Железный наконечник ножен длиной 6,2 см и шириной 1,7 см (рис. 24, 4/85).
6. Ножка деревянного бокала, выточенного на токарном станке (рис. 23, 16/86).
7. Поливная кашинная пуговица голубого цвета диаметром 1,4 см (рис. 21, 14/87).
8. Полусферическая бронзовая нашивка диаметром 1,1 см с двумя отверстиями (рис. 21, 5/88).

9. Фрагмент двустороннего деревянного гребня с отпечатком ткани на одной стороне /89/.
10. Два фрагмента красноглиняного гончарного сосуда (рис. 23, 1/90).
11. Бронзовая шаровидная пуговица диаметром 0,9 см с петелькой (рис. 21, 9/91).
12. Железный однолезвийный нож длиной 10,2 см и шириной 1,3 см (рис. 21, 34/42).
13. Верхняя половина красноглиняного кувшина с орнаментом из лощеных полос и рядов косых насечек в сочетании с линейными полосами по тулову. Размеры: высота 14 см, диаметр венчика — 8 см, тулова — 14,6 см (рис. 21, 33/93, 94).
14. Железный однолезвийный нож длиной 15 см и шириной 1,8 см (рис. 21, 20/95).
15. Плоская округлая мозаичная бусина из белого, желтого, красного, голубого и черного стекла (рис. 21, 14/96).
16. Кольцевидная бусина из светло-голубого стекла диаметром 0,7 см (рис. 25, 8/97).
17. Железное круглое кольцо диаметром 3,8 см (рис. 21, 23/98).
18. Фрагмент бронзовой серьги в виде знака вопроса со стержнем, обвитым бронзовой проволокой и конической бусиной из светло-зеленого стекла (рис. 21, 10/99).
19. Многогранная бусина из хрусталя (рис. 25, 9/100).
20. Фрагментированный красноглиняный гончарный сосуд, орнаментированный по тулову линейными полосами. Размеры: высота 15,6 см, диаметр венчика — 6,4 см, тулова — 11,6 см, дна — 7,2 см (рис. 21, 30/101).
21. Круглая плоская подвеска из серого шифера /?/ диаметром 2,2 см, с обеих сторон покрытая концентрическими и радиальными насечками (рис. 21, 27/102).
22. Серебряная височная подвеска в виде знака вопроса со стержнем, обвитым серебряной проволокой и ажурной металлической бусиной, завершающейся гроздью из четырех шариков зерни (рис. 21, 37/103).
23. Серебряная серьга в виде кольцевидной дужки с загнутым и крючок стержнем (рис. 21, 36/104).
24. Округлая бусина темного сердолика диаметром 1,3 см (рис. 21, 35/105).
25. Бронзовая прямоугольная двурамчатая пряжка /1,8x1,6 см/ (рис. 21, 26/106).
26. Граненый железный наконечник стрелы пирамидальной формы длиной 7,5 см (рис. 21, 32/107).
27. Круглое бронзовое кольцо диаметром 2,2 см (рис. 21, 25/108).
28. Уплощенно-шаровидная бусина из черного стекла диаметром 1,3 см с черно-белыми глазками (рис. 21, 28/109).

29. Железная сегментовидная пряжка (рис. 21, 31/110).
30. Бронзовые полусферические нашивки с отверстиями диаметрами 1; 1,1 и 1,2 см (рис. 21, 13, 29/111, 112).
31. Половинка пружинных железных ножниц длиной 24,2 см /113/.
32. Фрагмент красноглиняного гончарного сосуда (рис. 23, 2/114).
33. Половинка пружинных железных ножниц длиной 32,5 см (рис. 23, 15/115).
34. Бронзовая серьга в виде овальной бусины, прикрепленной к круглой дужке четырьмя столбиками зерни и завершающаяся гроздью из четырех шариков зерни. Вся эта конструкция крепится к бусине на дужке, зажатой с обеих сторон кольцами проволоки и украшенной сверху зернью. Такой же столбик есть и в верхней части дужки серьги (рис. 21, 38/116).
35. Бронзовый трехкольчатый предмет с остатками бронзовой пластины на одном из колец и железного крепления на другом (рис. 22, 1/117).
36. Целая и фрагмент еще одной т-образной железной накладки со штифтами для крепления на концах (рис. 22, 2/118).
37. Железная вилкообразная накладка со штифтами для крепления на концах (рис. 22, 3/119).
38. Бронзовая овальной формы пуговица с петелькой для крепления (рис. 22, 4/120).
39. Бронзовый трехкольчатый предмет, аналогичный вышеописанному /121/.
40. Крупная сердоликовая бусина в форме усеченного конуса диаметром 1,6 см (рис. 22, 5/122).
41. Железный однолезвийный нож длиной 32 см и шириной 2,2 см (рис. 22, 6/123).
42. Железный однолезвийный нож длиной 27,7 см и шириной 1,6 см (рис. 22, 7/124).
43. Железные пружинные ножницы длиной 34 см (рис. 22, 8/125).
44. Голубая дольчатая бусина из фаянса /?/ диаметром 0,3 см (рис. 22, 9/126).
45. Фрагменты бронзовых наперстков (рис. 25, 10/127).
46. Граненый железный наконечник стрелы пирамидальной формы длиной 6,5 см (рис. 22, 10/128).
47. Красноглиняный гончарный кувшин с отбитым трубчатым горлом, орнаментированный линейными полосами и валиками с отпечатками зубчатого штампа на горловине и тулове. Размеры: высота — 19,8 см, диаметры венчика — 6,6 см, тулова — 11,8 см, дна — 8,6 см. Внутри сосуда находится шарик из обожженной глины, предназначавшейся для размешивания содержимого (рис. 22, 11/129).

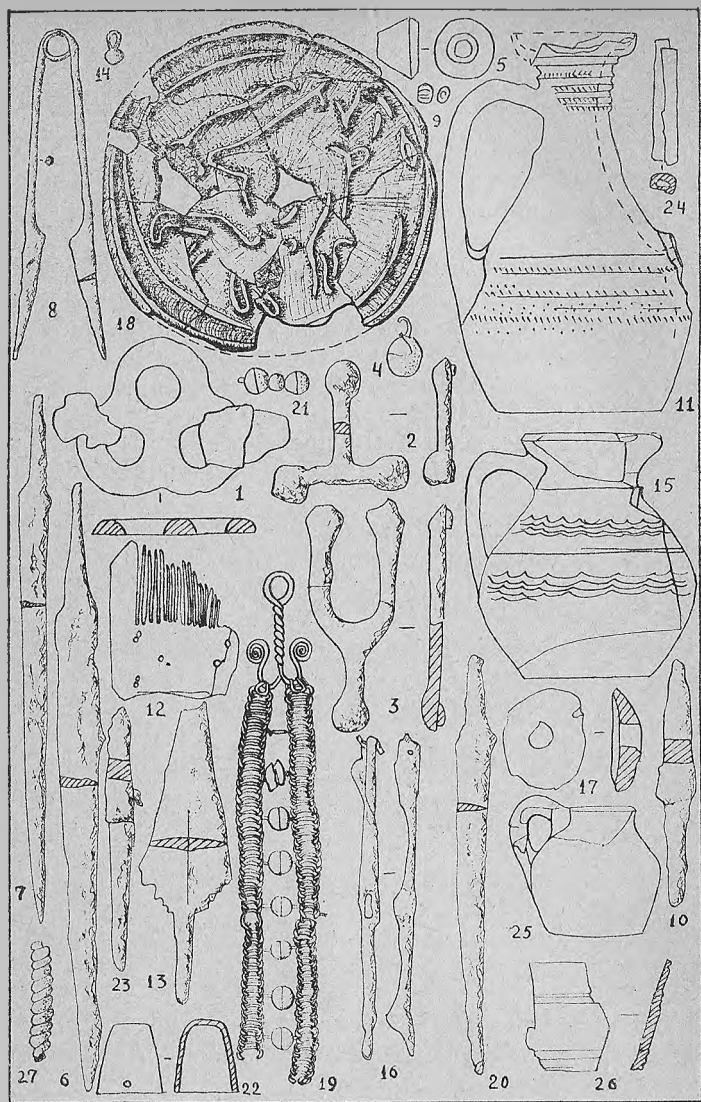

Рис. 22.

Находки из слоя 1 (22), слоя 2 (1—17), слоя 3 (18—26) склепа 128 Шуанского могильника: 1, 4, 17—19, 21, 22, 24, 27— цветной металл; 2, 3, 6—8, 10, 13, 16, 20, 23 — железо; 5 — камень; 9— стекло; 11, 15, 25 — глина; 12, 26 — дерево; 14 — цветной металл, стекло (масштабы: 1—6, 8, 10, 12, 14, 16—19, 21—24, 27—1:1; 7, 8, 11, 15, 20, 25, 26—1:2)

18. Фрагмент одностороннего деревянного гребня, украшенного точечным орнаментом (рис. 22, 12/130).

49. Плоский железный наконечник стрелы подтреугольной формы с зазубринами на нижних гранях пера. Длина — 7,2 см, ширина — 2,5 см (рис. 22, 13/131).

51. Пуговица из светло-зеленой стеклянной бусины с бронзовой игелькой (рис. 22, 14/132).

52. Красноглиняный гончарный сосуд с волнистым орнаментом на тулове. Размеры: высота — 12,8 см, диаметры венчика — 7,4 см, дна — 11,4 см, дна — 6,6 (рис. 22, 15/133).

53. Железный однолезвийный нож длиной 18 см, шириной 1,6 см (рис. 25, 2/134).

54. Обломок железного предмета в виде стержня (рис. 22, 16/135).

55. Свинцовая подвеска овальной формы с отверстием в центре (рис. 22, 17/136).

56. Золотоордынский пул анонимного чекана Сарай ал-Джедид 1350-е годы /137/.

57. Бронзовый конический наперсток высотой 2,5 см (рис. 24, 13/138).

58. Серебряная височная подвеска в виде знака вопроса со стержнем, обвитым проволокой, и овальной бусиной, сверху и снизу украшенной зернью (рис. 24, 14/139).

59. Серебряная височная подвеска в виде кольцевидной дужки с металлической бусиной, к которой прикреплен столбик зерни с крупной овальной металлической бусиной, завершающейся гроздью зерни (рис. 24, 15/140).

60. Серебряная височная подвеска в виде знака вопроса со стержнем и конусовидными выступами с шариками зерни на концах. Бусина опоясана пояском и заканчивается гроздью зерни (рис. 24, 16/141).

61. Крупный бронзовый бубенчик с круглыми вырезами по краям прорези диаметром 1,8 см (рис. 24, 17/142).

62. Серебряная височная подвеска в виде знака вопроса со стержнем, обвитым проволокой, заканчивающимся столбиком зерни (рис. 24, 18/143).

63. Бронзовая стержневидная застежка с конусовидно оформленными концами (рис. 24, 19/144).

64. Фрагмент красноглиняного гончарного сосуда с отверстием (рис. 24, 20/145).

65. Серебряная височная подвеска в виде знака вопроса со стержнем, обвитым проволокой и гроздью зерни на конце (рис. 24, 21/146).

66. Бронзовая височная подвеска типа, описанной под № 60, но без проволоочной обмотки на стержне (рис. 24, 22/147).

67. Обломанная костяная полукруглая накладка рукояти лука /?/ длиной 5,6 и шириной 1,2 см (рис. 24, 23/148).

68. Прямоугольная полая костяная поделка длиной 6,2 см с сетчатым орнаментом (рис. 24, 28/153).

69. Прямоугольная полая костяная поделка длиной 6,2 см с сетчатым орнаментом (рис. 24, 28/153).

70. Половинка круглой железной пряжки диаметром 2,6 см (рис. 24, 29/154).

71. Половинка круглой железной пряжки диаметром 4,3 см (рис. 24, 30/155).

72. Фрагменты круглых и овальных железных стержней (рис. 24, 31—34/156, 157, 158, 159, 160).

73. Фрагмент железной накладки с раздвоенным концом, треугольный в сечении (рис. 24, 35/161).

74. Железная сегментовидная пряжка (рис. 24, 36/162).

Слой 3. Слой состоял из костного тлена, перемешанного с песком, отдельными мелкими камнями. Встречается древесный уголь. Целых костей практически нет. Здесь обнаружены следующие предметы:

1. Круглое бронзовое зеркало диаметром 9 см в обломках. На обратной стороне — линейные изображения зверей (рис. 22, 18/163).

2. Серебряное нагрудное /?/ украшение в виде проволочной подвески с волютообразно закрученными концами, к которым прикреплены две цепочки с полыми шариками между ними (рис. 22, 19/164).

3. Половинка пружинных ножниц длиной 32 см (рис. 23, 14/65).

4. Железный однолезвийный нож длиной 21,9 см и шириной 2 см со сточенным лезвием (рис. 22, 20/166).

5. Фрагмент украшения из бронзы в виде стержня с тремя шариками на нем (рис. 22, 21/161).

6. Сердоликовая бусина цилиндрической формы длиной 0,6 см и диаметром 0,7 см /168/.

7. Половинка поливной кашинной пуговицы ярко-синего цвета (рис. 23, 13/169).

8. Три бараньих альчика (рис. 24, 5/170, 171, 172).

9. Половинка железного кольца диаметром 2,5 см (рис. 24, 6/173).

10. Бронзовый паперсток с двумя отверстиями /диаметр 1,7 см/ (рис. 22, 22/174).

11. Железный однолезвийный нож длиной 8,8 см с обломавшим лезвием (рис. 23, 12/175).

12. Полусферическая серебряная нашивка с двумя отверстиями. По основанию ее опоясывает ложновитой поясok /176/.

13. Фрагменты железных пружинных ножниц (рис. 23, 9—11/177).

14. Граненый железный наконечник стрелы пирамидальной формы длиной 7 см (рис. 22, 23/178).
15. Уплощенная бронзовая трубочка длиной 3 см, диаметром 0,5 см /игольница — ?/ (рис. 22, 24/179).
16. Железный однолезвийный нож длиной 14,3 см, шириной 1,8 см (рис. 25, 3/180).
17. Деталь украшения в виде вставки каплевидной формы из зеленого стекла, оправленной бронзой (рис. 23, 8/181).
18. Железный граненый наконечник стрелы пирамидальной формы длиной 6,7 см (рис. 23, 7/182).
19. Красноглиняная гончарная кружечка. Размеры: высота 6,8 см, диаметры венчика — 4,2 см, дна — 4,6 см (рис. 22, 25/183).
20. Фрагмент деревянного двустороннего гребня /184/.
21. Фрагмент деревянного бокала, выточенного на токарном станке, украшен линейным орнаментом (рис. 22, 26/185).
22. Фрагмент деревянной резной шкатулки /186/.
23. Обломки деревянной кибити сложносоставного лука (рис. 24, 79/187).
24. Фрагменты древков стрел диаметром 0,6—0,8 см (рис. 24, 10/190).
25. Ножка деревянного бокала, выточенного на токарном станке /9/.
26. Фрагмент прямоугольной деревянной шкатулки, вырезанной вручную (рис. 24, 1/192).
27. Фрагмент железной пластины /от обоймы сабельных ножен?/ (рис. 24, 2/193).
28. Фрагменты красноглиняного гончарного сосуда без орнамента (рис. 23, 6/194).
29. Поливная кашинная пуговица бирюзового цвета (рис. 25, 11/195).
30. Золотоордынский пул анонимного чекана Гюлистан 766 г. х. /1364/1365 гг./ /196/.
31. Золотоордынский пул, точнее неопределимо /197/.
32. Фрагмент оборонительного доспеха из железных колец, сильно коррозирован (рис. 23, 21/198).
33. Фрагмент однолезвийного железного ножа длиной 6, шириной 1,7 см (рис. 25, 12/199).
34. Фрагмент однолезвийного железного ножа длиной 9,5 и шириной 1,7 см (рис. 25, 12/199).
35. Обломок железного прямоугольного в сечении стержня длиной 9,3 см (рис. 25, 14/201).
36. Железный однолезвийный нож длиной 10,3 и шириной 1,3 см (рис. 25, 15/202).
37. Железный однолезвийный нож длиной 14,8, шириной 1,3 см (рис. 25, 16/203).

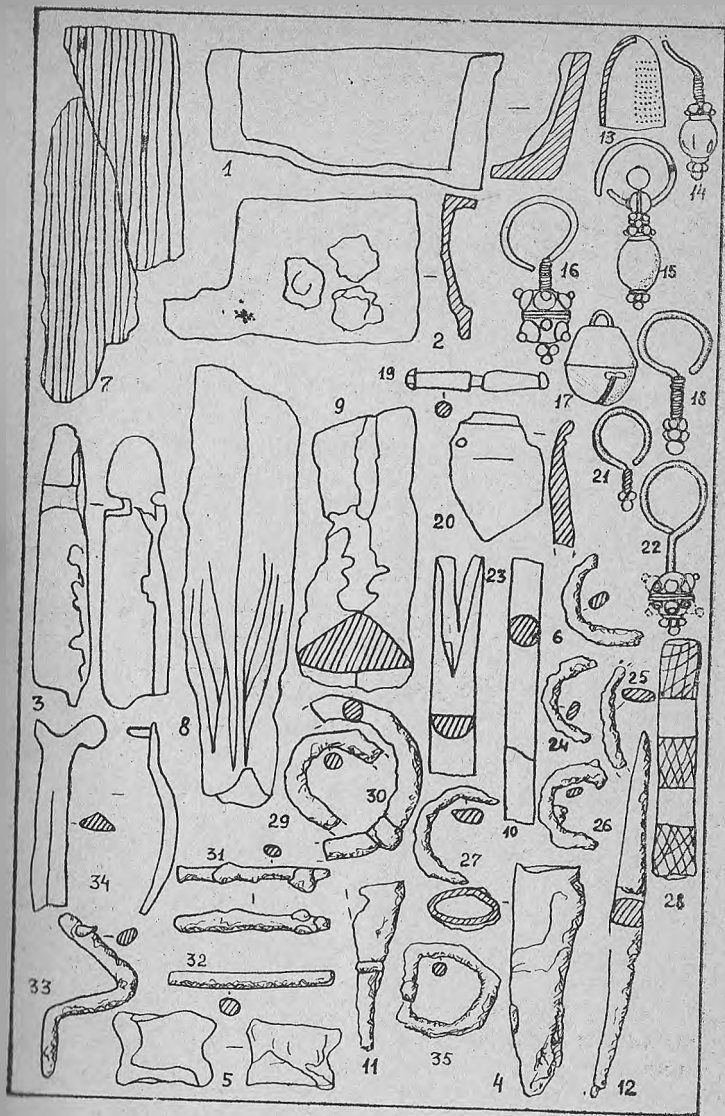

Рис. 24.

Находки из слоя 1 (3, 11, 12), слоя 2 (4, 13-16), слоя 3 (2, 5-10) скле-
 128 Шунанского могильника: 1, 3, 7-10 — дерево; 2, 4, 6, 11, 12, 24-27,
 36 — железо; 5, 23, 28 — кость; 13-19, 21, 22 — цветной металл; 20 —
 глина; масштабы: все — 1:1

38. Железный однолезвийный нож длиной 9,8, шириной 1 см с обломанным острием (рис. 25, 17/204).

39. Фрагмент железного однолезвийного ножа длиной 7,5, шириной 1,1 см (рис. 25, 18/205).

40. Серебряная овальной формы пуговица с граненой поверхностью и кольцевидным выступом на конце (рис. 25, 19/206).

41. Бронзовая подвеска овальной формы с песомкнутыми концами (рис. 25, 20/207).

42. Стеклянная бусина кольцевидной формы диаметром 1 см (рис. 25, 21/208).

43. Костяная подвеска-амулет (рис. 25, 22/209).

44. Округлая мозаичная бусина диаметром 1,3 см (рис. 25, 23/210).

45. Две бронзовые округлые пуговицы диаметром 0,6 и 0,8 см (рис. 25, 24/211, 212).

46. Круглая бронзовая пуговица диаметром 0,9 см (рис. 25, 25/213).

47. Половинка бронзовой круглой пуговицы диаметром 1,1 см (рис. 25, 26/214).

48. Стеклянная шаровидная глазчатая бусина диаметром 1 см (рис. 25, 27/215).

49. Цилиндрическая бусина из прозрачного стекла длиной 0,9, диаметром 0,7 см (рис. 25, 28/216).

50. Подцилиндрическая дольчатая бусина из фаянса диаметром 1 см (рис. 25, 29/217).

51. Обломанная глазчатая бусина сигаровидной формы диаметром 0,8 см (рис. 25, 30/218).

52. Цилиндрическая бусина с волнистым орнаментом, длиной 1,4, диаметром 0,7 см (рис. 25, 31/219).

53. Шаровидная бусина из темного стекла с волнистым орнаментом диаметром 1,4 см (рис. 25, 32/220).

54. Двойная глазчатая бусина из голубого стекла диаметром 1,3 см (рис. 25, 33/221).

Таким образом, в 1982 году на Шуанском могильнике были исследованы четыре склепа. Полученный материал позволяет весьма кратко, в связи с ограниченностью объема статьи, остановиться на погребальном обряде и хронологии, хотя составить сколько-нибудь полное представление о первом на фрагментарных данных из разрушенных и потревоженных захоронений трудно.

С точки зрения архитектурных форм все исследованные усыпальницы однотипны — прямоугольной или близкой к прямоугольной форме, с перекрытием, выполненным в технике неполного ложного свода. Кладка склепов — из грубо подтесанных камней и раствора, основным компонентом которого была глина, что отличает шуанские сооружения от более поздних наземных склепов.

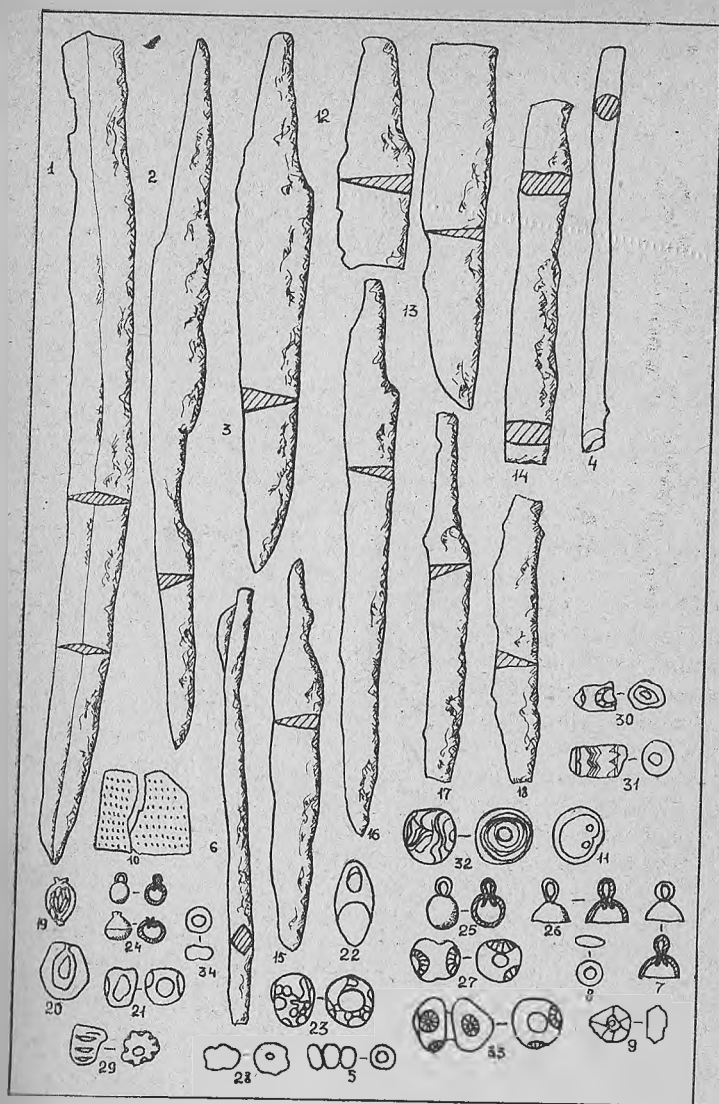

Рис. 25

Находки из слоя 1 (1, 4—7) слоя 2 (2, 8—10), слоя 3 (3, 11—33), скле-
 178 Шуанского могильника: 1—4, 6, 12—18— железо; 5, 8, 21, 23,
 24, 25, 26— цветной металл; 9— камень; 11— ка-
 шин; 22— кость (масштабы: 2—33— 1:1; 1— 1:2)

Среди особенностей конструкции следует выделить наличие специального оформления лазов в виде коридорчиков /«дромосов»/ со стенками из камней у склепов № 48 и 121, а также «тамбура» у склепа № 121. Назначение последнего не совсем понятно, хотя это не первый случай Шуанского могильника [6]. Возможно, он использовался для размещения поминальных даров, пищи и другого, то есть совершения действий, связанных с культом предков. Коридорчики предназначались для сохранения доступа в камеру, видимо, оставаясь свободными, незасыпанными грунтом. Характерно, что там, где склеп сооружался на крутом склоне и его фасад выступал на дневную поверхность /склеп № 128/, такой конструкции не было так же, как и в том случае, если склеп сооружался как подземный, что предусматривало засыпание лаза грунтом /склеп № 55/. Кстати, в этом смысле три из четырех исследованных сооружения могут быть отнесены к полуподземным склепам /второй тип по Л. П. Семенову/, один № 55 к подземным склепам /первый тип по Л. П. Семенову/, хотя в целом рамки подобного деления весьма условны и широки [9, с. 97; 3, с. 48].

Лазы, как правило, имели внутри проемов выступы [четверти — 9, с. 99] для упора закладов. Последние представляли собой массивные каменные плиты подпрямоугольной формы со слегка скошенными углами и полукруглой выемкой для руки в одной из длинных сторон. Такие плиты были зафиксированы в склепах №№ 48 и 128, причем в первом случае плита была сброшена внутрь камеры, а ее место занимали две обычные сланцевые плиты, установленные вторично. В ходе расчистки лазов, как уже отмечалось, с внешней стороны были обнаружены нож и наконечник стрелы /склеп № 48/, древесные угольки /склеп № 55/, фрагменты керамики, баранья челюсть, древесные угольки /склеп № 128/. Если находки предметов могут в определенной мере рассматриваться как следы ограбления /хотя на возможность их оберегового толкования указывалось ранее/, а фрагменты керамики и кость животного — как остаток поминальной трапезы, то древесные угольки скорее всего объясняются записанными В. И. Долбежевым фольклорными свидетельствами об использовании во время похорон и поминок факелов из смолистых ветвей [2, с. СХVI].

Шуанские склепы являлись коллективными усыпальницами. В склепе № 48 обнаружены останки не менее 18—20 погребенных, № 55 — 38 погребенных, № 21 — 9—10 погребенных, № 128 — 34—36 погребенных. При сравнительно небольших размерах камер, к тому же сужающихся к передним стенам, в них могли погребаться без перемещения не более 5—7 человек. Для совершения последующих захоронений пространство приходилось освобождать заново. Для этих целей использовались, видимо, ямы в полах склепов №№ 48 и 128, перекрывающиеся каменными плитами, а также под-

полная часть склепа № 121. Если первые в склепах Шуанского могильника до сих пор не отмечались, то камеры с двумя этажами были известны [6, с. 42]. Аналогичные конструкции известны в дигорских склепах [13, с. 14].

В принципе нижняя часть склепа № 121 также могла использоваться для непосредственного совершения захоронений, как и боковая камера склепа № 5, что увеличивало «емкость» этих сооружений. Такие пристройки уже известны на Шуанском могильнике [7, с. 102]. Вместе с тем не исключено, что она также выполняла роль своеобразного костехранилища — здесь были обнаружены останки не менее 15 погребенных. Безусловно, в оценке этих предположений нужно исходить из более или менее вероятного характера — неоднократно потревоженность склепов не дает твердых оснований для детальной реконструкции погребального обряда.

Лишь в одном склепе № 55 был зафиксирован потревоженный костяк, лежавший вытянуто, ногами к лазу, на полу камеры. Подобное положение погребенных исследователи отмечали и ранее [3, с. 49; 4, с. 82]. Вместе с тем, побывавшие здесь первыми В. Ф. Миллер и В. И. Долбежев указывали, что умершие в склепах Шуана лежали на полках, сооруженных как вдоль длинных, так и коротких стен камер [1, с. 29; 2, с. CXVI]. Использование продольных полок зафиксировал и Л. П. Семенов [3, с. 49], наличие их у части склепов подтверждается также наблюдениями Е. И. Крупнова и М. Х. Багаева [4, с. 80; 6, с. 42]. В исследованных нами склепах полки встречались дважды, причем лишь в первом случае /склеп № 48/ длина полки — 1,7 м представляется достаточной для укладывания взрослых костяков. Во втором случае /склеп № 128/ длина полки на поперечной задней стене не превышала 0,87 м, что с учетом нахождения под потолком камеры позволяет считать, что она предназначалась для размещения погребального инвентаря. Вместе с тем, нельзя исключить и размещение умерших на полу камеры поперек, у задней стены — ширина склепов здесь это позволяла.

В склепах Шуанского могильника встречались и деревянные полки [1; 2; 3], однако нам их, как и другим позднейшим исследователям, зафиксировать не удалось. Вполне очевидно, что полки вообще имели не все склепы. Любопытной деталью обряда является полая доска под погребенным в склепе № 55. Возможно, эта доска на которой умершего вталкивали внутрь камеры, как это имело место в склепах Осетии [10, с. 4].

Судить об ориентировке погребенных по имеющимся данным трудно. Исследователи отмечали в целом неустойчивость этой детали обряда, зависимость ее от ориентации склепов, от направления склонов [2, с. CXVI; 3, с. 49; 4, с. 80]. Вместе с тем, В. И. Долбежев, видевший менее поврежденные склепы, отмечал, что погребенные держали головами на З и С. При западной ориентации лазов это

означало укладывание умерших головами ко входному отверстию [2]. Л. П. Семенов также писал, что значительная часть склепов имела лазы с западной стороны. По мнению Е. И. Крупнова, погребенные лежали в склепах Шуана ногами к лазу, что в таком случае должно означать их восточную ориентировку. В публикуемых сооружениях лазы дважды оказались с западной стороны /склеп № 48 и боковая камера склепа № 55/, дважды — с северной стороны /склепы №№ 121 и 128/, один раз — с юго-восточной /основная камера склепа № 55/.

О размещении инвентаря конкретных данных нет. Предполагается, что часть его /украшения, бытовые предметы/ размещались так же, как и носились, сосуды ставились в головах [3; 4]. Вместе с тем для размещения сосудов /как, впрочем, и иных предметов/ использовались ниши — по две-три в каждом склепе и небольшие полочки, как в склепе № 128. Возможно, что подставками были каменные бруски с ровной поверхностью, зафиксированные в этом же склепе.

Кратко остановимся на хронологии исследованных склепов. В целом она укладывается в рамки, уже определенные для всего некрополя — XIII—XV вв. [4, с. 92; 5, с. 106—107; 6, с. 43; с. 106]. Вместе с тем, новые материалы, подтверждают правильность корректировок как нижней, так и верхней хронологических граней периода его функционирования [10, с. 68, 77]. Среди многочисленных находок единичны предметы, которые можно было бы отнести к концу эпохи раннего средневековья. Наличие отдельных бус, стеклянного перстня, некоторых металлических вещей вполне объяснимо вторичным использованием предметов, которые приобретали в этом случае сакральные свойства. Кстати, в склепах Шуанского могильника уже находили более ранние вещи [7, рис. на с. 103, 38].

Поэтому, в принципе соглашаясь с XIII в. как начальной датой изветных ныне материалов некрополя, мы склоняемся к отнесению публикуемой коллекции ко времени не ранее конца этого столетия — рубежа XIII—XIV вв. Этот вывод подтверждает правомерность сомнений, возникших в отношении традиционной датировки подземных и полуподземных склепов Ингушетии к IX—XIII вв. [11, с. 25].

Как уже отмечалось, склепы Шуанского могильника являются коллективными усыпальницами, функционировавшими длительное время. Основным периодом их использования был, видимо, XIV в. Об этом свидетельствует сочетание предметов, имеющих опорные датировки. Это поливные кашинные пуговицы⁵, золотоордынские

⁵ По любезному сообщению доктора исторических наук Ю. Л. Щаповой, которой авторы признательны за консультацию, такие пуговицы характерны для второй половины XIV в.

зеркала [12], характерные наконечники стрел, серьги и височные подвески в виде знака вопроса [14; 15]. С этого столетия в древностях края начинают фиксироваться наперстки [16]⁶, специфические детали сложносоставных луков, господствует красноглиняная гончарная керамика [10].

Правомерность предлагаемой хронологии подтверждается близостью рассматриваемых находок пока еще не опубликованных материалов Келийского /Кийского/ могильника, где датировки опираются на статиграфические наблюдения и монетные находки [25, с. 137].⁷ Золотоордынские монеты были найдены, как уже отмечалось, и в склепе № 128 Шуанского могильника. Они относятся к середине — второй половине XIV в., документируя наличие здесь, как минимум, погребений этого времени. Вместе с тем, в этом склепе найдены и височные подвески с овальными бусинами, украшенными внизу и вверху гроздьями зерни. Их распространение начинается в период, когда из употребления постепенно выходят височные украшения в виде знака вопроса, то есть не ранее конца XIV в.⁸ Эти представления опираются, в частности, на находки подвесок с овальными бусинами в погребениях Грозненского /Алхан-Юртовского/ грунтового могильника вместе с золотоордынскими монетами первой четверти XV в., а также в Махчеськом могильнике /Северная Осетия/, где они найдены вместе с итальянскими стеклянными сосудами, датируемыми до 1475 года [20, 21]. Вместе с золотоордынским зеркалом такая серьга оказалась и в Дзуарикауском могильнике [29, табл. 2].

Таким образом, есть достаточные основания полагать, что склепы Шуанского могильника /во всяком случае, их значительная часть/ продолжали функционировать и в XV в. В этой связи можно напомнить, что Л. П. Семенов писал: « В подземных склепах Шуана древнейшие погребения восходят к VIII—IX вв.; в этих же склепах могли быть более поздние погребения XIV—XV вв.» [22, 26, л. 16].

Детальный анализ материалов новых раскопок Шуанского могильника впереди, однако уже сейчас ясно, что наряду с многочисленными предметами традиционной материальной культуры, характеризующими хозяйство и быт горцев XIII—XV вв., в них представлена и довольно большая группа находок, свидетельствующая об активных связях местного населения прежде всего с плоскостными районами региона, входившими в этот период в состав Золотой Орды, а также Закавказьем.

В целом образцы этого времени заметно отличаются от позднейших находок «мануфактурно-фабричного дела» [17, с. 66] размерами, формой, частым наличием шероховатостей сверху, чем отчасти напоминают более ранние византийские наперстки [18, с. 43; 19, с. 193].

⁷ См. также статью М. Б. Мужухоева в данном сборнике.

⁸ Попытки удревнить хронологию височных украшений в виде знака вопроса [23, с. 88; 24, с. 250] пока лишены серьезных оснований.

Новые материалы Шуанского склепового могильника, существенно углубляя наши представления о материальной культуре горных районов Ингушетии, связях его населения с окружающим миром, открывают перспективы дальнейшего изучения средневековой истории и культуры края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по археологии Кавказа. Вып. I. М., 1988.
2. Отчет императорской археологической комиссии за 1882—1888 годы. Спб. 1891.
3. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
4. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
5. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.
6. Багаев М. Х. Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии//Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
7. Чаккиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии//Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
8. Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии//АО—1982. М., 1984.
9. Семенов Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье//КСИМК, Вып. XVI, М., 1952.
10. Мамаев Х. М., Чаккиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов//Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
11. Мамаев Х. М. Семенов Л. П. как исследователь раннесредневековых погребальных памятников Центрального Кавказа//Л. П. Семенов — профессор-кавказовед. ученый-интернационалист. Грозный, 1986.
12. Виноградов В. Б. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии//СА, 1987, № 1.
13. Тменов В. Х. Археологическое исследование склеповых сооружений Дигории//Краткое содержание докладов научной конференции по итогам работы за 1985 год. Орджоникидзе, 1986.
14. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
15. Даутова Р. А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII—XVIII вв. горной Чечено-Ингушетии//АВЭИСК, Грозный, 1979.
16. Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат//Средневековые памятники Северной Осетии. М., 1963.
17. Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа//Из СКНЦВШ, Ростов-на-Дону, 1977, № 1.
18. История Византии. Т. 2, М., 1967.
19. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. К изучению византийско-северокавказских связей по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья//Византийский временник. Т. 44, М., 1983.
20. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М., 1900.
21. Крамаровский М. Г. Кавказские находки итальянского стекла/к характеристике торгового пути «Венето, Лигурия — Крым — Северный Кавказ» // XV в.//XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, Махачкала, 1988.
22. Марченко И. И., Тургиев Т. Б. Грунтовой могильник у с. Дзуарикау//Проблемы хронологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.

23. Мужухоев М. Б. Средневековые святилища Центрального Кавказа//СА, 1985, № 3.

24. Мужухоев М. Б. О датировке средневековых наконечников стрел/по материалам раскопок культовых и погребальных памятников горной зоны Чечено-Ингушетии в 1970—1981 гг.//Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

25. Виноградов В. Б., Бурков С. Б., Дударев С. Л., Нарожный Б. И., Савенко С. Н., Хашегульгов Б. М. Первые результаты хозяйственных работ археологической лаборатории университета//Толстовские чтения. Грозный, 1989.

26. Архив ЛО ИА АН СССР, д. 181, 1928 г.

Д. Ю. ЧАХКИЕВ

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ У ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ВАЙНАХОВ

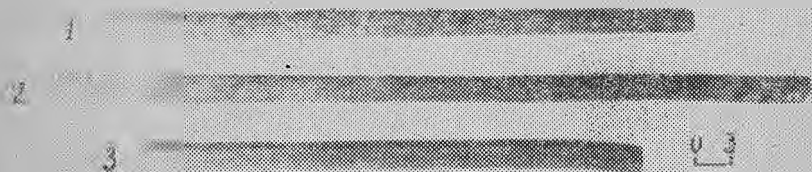
Одним из важнейших изобретений в мировой истории, приведшим к глубоким качественным изменениям в развитии всего военного дела, является огнестрельное оружие. По этому поводу Ф. Энгельс справедливо отмечал: «Распространение огнестрельного оружия повлиало революционизирующим образом не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господства и угнетения» [1, с. 11—12]. Однако огнестрельное оружие вайнахов позднего средневековья изучено слабо, что отчасти объясняется скудностью источниковой базы. Накопленные уже археологические материалы (результаты исследований Л. П. Семенова, Е. И. Крупнова, В. И. Марковина, В. Б. Виноградова, М. Б. Мужухоева, Л. А. Даутовой, Е. И. Нарожного и других), с широким привлечением данных смежных наук, позволяют сейчас в достаточной мере ответить этот вопрос.

В погребальных сооружениях края позднесредневековое ручное огнестрельное оружие отмечено в основном в хорошо сохранившихся и исследованных склеповых усыпальницах горной Ингушетии (Назрановский р-он), да и то лишь один пистолет и части от еще четырех образцов этого же вида оружия. В горной Чечне только один образец кремневого пистолета (к сожалению, утерянный впоследствии) был случайно найден в 1979 году в разрушенном пещерном захоронении XVII—XVIII вв. (в комплексе с боевым ножом и керамикой) у сел. Шатой (Шатойский р-он)*. Подобная редкость в местных позднесредневековых погребениях экземпляров огнестрельного оружия (что можно наблюдать и у других горцев Кавказа) была несомненно связана прежде всего с их большой ценностью.

Краткое описание найденного отрядом В. Б. Виноградова в погребальном склепе близ башенного поселка Кошк (Ингушетия) вместе с пороховницей и газырями пистолета приводится М. Б. Мужуховым: «Кремневый пистолет с деревянной, плавно изогнутой

* Отмеченные предметы обнаружены местным жителем А. Магомадовым.

рукоятью. Имеет граеное дуло, поверхность которого сильно изъедена ржавчиной. Длина дула — 31 см, диаметр — 3 см. Хорошей сохранности замок пистолета с «собачкой», в паз которой вставлен плоский кусочек кремня. Деревянная рукоять заканчивается костяным навершием в форме усеченного конуса. Она крепится к металлическим частям плоским железным стержнем, идущим по ее верхней части» [2, с. 147, 156, рис. 3, 24]. Ударно-кремневый замок данного пистолета принадлежит к т. н. мавританскому /турецкому или иранскому/ типу [3, с. 139—140 и сл.; 4, с. 445—446; 5, с. 71, 74 и сл.; 6], как и остальные, встреченные в наземных гробницах (у поселков Морч, Кошк, Тарш, Оздик) части аналогичных замков [2, с. 153; 7, с. 79; 8, с. 67; 9, с. 100; 10, с. 118; и др.]. Следует заметить, что указание ряда авторов о принадлежности большинства этих замков к ружьям беспочвенны. По всей вероятности, все они принадлежали к пистолетам, поскольку как у вайнахов, так и у других горцев Кавказа, ружья в погребения воинов не клали. Все перечисленные находки были зафиксированы в потревоженных слоях XVIII — начала XIX в. [2, с. 158; 7, с. 80; 8, с. 67; 9, с. 100; 10, с. 117].

Фрагменты стволов ружей XVII—XVIII вв.: 1 — Зандак, 2 — Эрзи, 3 — Ялхой-Мохк

Из бытовых памятников вайнахов пока известны находки только крупных фрагментов трех массивных стволов ружей XVII—XVIII вв. Первый из них был случайно обнаружен М. Х. Багаевым на позднесредневековом поселении около чеченского сел. Зандак (Ножай-Юртовский р-он) в 1977 году (рис. 1, 1)*. Длина сохранившейся части ствола — 46,0 см, калибр — 13,0 мм, толщина стенок ствола в дульном срезе — 4,8 мм. Ствол имеет круглую форму и утолщение в казенной части. Канал ствола гладкий. С казенной части ствол наглухо закрыт пробкой, которая приварена к стенкам ствола. Второй образец также был обнаружен случайно В. А. Петреп-

* Выражаем признательность доценту ЧИГУ М. Х. Багаеву за любезно предоставленную возможность ознакомиться и опубликовать зафиксированную им находку.

ко на поселении позднего средневековья в окрестностях чеченского сел. Ялхой-Мохк (Ножай-Юртовский р-он) в 1978 году (рис. 1, 3). Длина сохранившейся части восьмигранного ствола — 39,5 см, калибр — 11,0 мм, толщина стенок ствола в дульном срезе — 5,0 мм. Ствол имеет утолщение в казенной части, где некогда располагался казенный винт цилиндрической формы. Канал ствола гладкий. И, наконец, третий экземпляр был выявлен (вместе с керамикой и ножом) строителями М. Ляновым и М. Богатыревым при реставрационных работах в каменном «мешке» — отсеке основания одной из боевых башен в горноингушском замковом поселке Эрзи (Назрановский р-он) в 1987 году (рис. 1, 2). Длина сохранившейся части ствола — 60,0 см, калибр — 12,0 мм, ширина стенок ствола в дульном срезе — 4,8 мм. Ствол восьмигранной формы, с утолщением в казенной части. На последней располагался казенный винт цилиндрической формы. Канал ствола гладкий.

Появившееся в XIV в. на Руси и у многих народов Европы и Азии огнестрельное оружие безусловно уже во второй половине XV—XVI в. стало известно и начало распространяться у горцев Кавказа, в том числе у вайнахских племен [3, с. 96 и сл.; 5, с. 69—70; 8, с. 67; 11; 12, с. 225—226; 13, с. 295; 14, с. 77—79 и сл.; 15, с. 75 и сл.]. На Северном Кавказе пищали впервые были применены воинами Тимура в сражении 1395 года с Тохтамышем [16, с. 54]. Кубачинцы Дагестана уже в XV—XVI вв. платили подать своему шамхалу 30 ружей в год [17, с. 53; 18, с. 23; 19, с. 132; 20, с. 194 и сл.; 21, с. 177 и сл.]. Известно, что Иван Грозный посылал в Кубачи своих опричников для обмена золотых слитков на качественные «ружья о двух кремнях» работы местных горских мастеров [22, с. 12]. В грузинских исторических источниках ружье впервые упоминается в 1488 году [23, с. 179]. Ш. Б. Ногмов, описывая события XV в., сообщает о появлении у адыгов ручного огнестрельного оружия [24, с. 73—76; 25, с. 42]. По наблюдениям Е. П. Алексеевой, в некоторых адыгских захоронениях XV—XVII вв. «в костях погребенных встречались пули (Уляпский аул в Закубанье, Каррас в Пятигорье)» [25, с. 42]. Аналогичную информацию приводит и И. С. Уварова, обследовавшая адыгские курганные могильники на Кубани в конце прошлого столетия [26, с. 74]. В осетинском и вайнахском фольклоре имеются сведения о появлении ранних образцов огнестрельного оружия не позднее конца XV — начала XVI в. [27, с. 85; 28, с. 354—355; 29, с. 291; 30, с. 370 и сл.; 31, с. 22; 32, с. 107; 33; 34]. В горной Грузии и Северной Осетии появление огнестрельного оружия оказало влияние на конструктивные детали крепостных и башенных сооружений с начала XVI в, а в Чечено-Ингушетии — не позднее середины XVI в. [32, с. 107; 35, с. 5; 36, с. 227—234; 37, с. 18; 38, с. 64—65; 39, с. 64—65]. По сохранившимся письменным источникам, начиная с начала XVII в., русские послы,

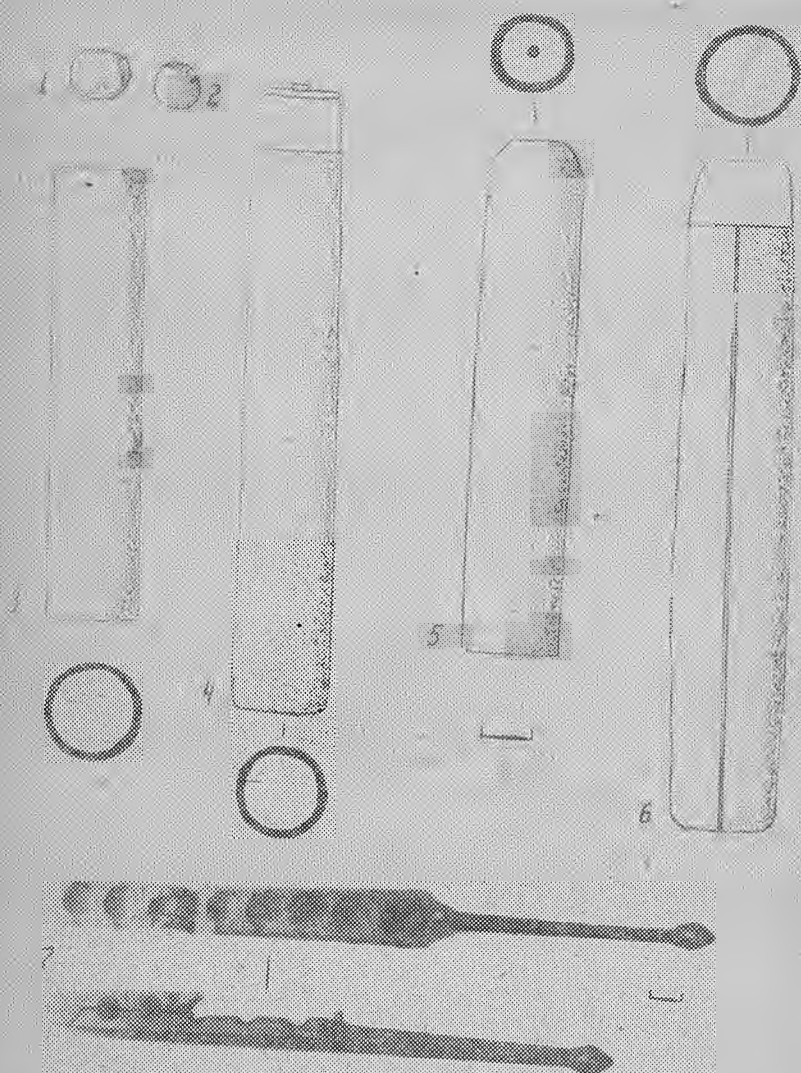
чиновники и офицеры, а также иностранные путешественники неоднократно отмечали наличие у чеченцев и ингушей «вогненного боя», «пищалей», «фузеи», «ружей» [40, с. 456, 474; 41, с. 254; 42, с. 65; 43, с. 82, 84 и сл.; 44, с. 30; и др.].

Несомненно, огнестрельное оружие появилось и получило наибольшее распространение прежде всего у тех кавказских горцев, которые проживали в непосредственной близости от торговых центров и караванных путей. К вайнахам оно поступало с берегов Черного моря, из Крыма, Турции, России, Кабарды, Дагестана и Грузии о чем, в частности, свидетельствуют как письменные, так и местные фольклорно-этнографические и лингвистические материалы, где часто фигурируют высокосортные «крымские», «турецкие», «стамбульские», «кубачинские», «грузинские», а также и другие образцы ружей и пистолетов [43, с. 82 и сл.; 45, с. 51; 46, с. 229; 47, с. 244—245; 48, с. 181; 49, с. 38, 40 и сл.; 50, с. 52 и сл.; 51, с. 145; 52, с. 142; 53; 54; 55; и др.]. Так, У. Лаудаев отмечал, что у чеченцев «из ружей преимуществуют **мажар-топъ** — вероятно, венгерские, хотя венгры славились более саблями, чем ружьями; ценятся также ружья, называемые **грыме** (крымские) и **бахчисарай**. Из пистолетов славятся; **вендигъ**, или венецианские; **перенкъ**, или французские; **генжи**, получившие название от пистолетов из Генуи» [56, с. 48]. Вместе с тем, по этим же источникам следует, что в данное время и сами вайнахские оружейники постепенно наладили производство «чеченских» и «ингушских» образцов вначале фитильного, а затем и кремневого ручного огнестрельного оружия (например, в башенных поселках Шикарой, Карт, Салги, Шуап и других) [46, с. 229; 47, с. 244—245; 49, с. 40; 54; 55; 57; 58, с. 11—12; 59]. В частности, во второй половине XVIII в. высокого мастерства в этом достигли талантливые ингушские ремесленники Дудук Амхадов из Карта и Зокк Шанхоев из Шуана, изделия которых славились и высоко ценились даже в соседних районах Грузии и Северной Осетии [55; 58, с. 11; 60; 61; 62; и др.]. Иногда к северокавказским горцам поступали только импортные части (замки, стволы) ружей и пистолетов, которые они «затем налаживают на свой манер» [63, с. 308 и сл.].

Небольшие по длине, крупнокалиберные ружья (видимо, кремневые) с шомполами можно видеть и у ингушских воинов на красочных рисунках конца XVIII в. западноевропейских путешественников и исследователей Х. Гейслера и Я. Потоцкого [64; 65]. Здесь у одного воина оно находится в меховом чехле, а остальные двое имеют вдобавок дротики с сучковатыми древками «...для меткого стрельняния из ружья вместо сошки» [66, с. 161]. Кстати, фрагмент деревянного сошника для ружья был встречен Р. А. Даутовой в т. н. склепе с поминальной камерой XVII—XVIII вв. близ горноингушского башенного поселка Эрзи в 1982 году [10, с. 118].

В склеповых постройках края нередко отмечаются газыри — деревянные или реже костяные (порой орнаментированные) трубочки (диаметр — 1,7—2,4 см и высота — 7,0—13,3 см), в которых вайнахские воины хранили заранее отмеренные дозы пороха и свинцовые шаровидные /диаметр — 10,0—13,0 мм/ пули [2, с. 153, 156, рис. 2, 3; 7, с. 80, 87; 15, с. 95—96; 67, ОС — 956—959; 68, с. 51; 76, 108—109 и сл.; 69, с. 181, рис. 5, 5, 6; и др.], (рис. 2, 1—6). Правда, последние лишь изредка встречаются в найденных газырях [7, с. 80; 67, ОС — 957; 68, с. 108]. Газыри, в целом фиксируемые в местных погребениях не ранее начала XVIII в., носились вайнахами вначале в специальных патронташах, а немного позднее /по всей вероятности, уже с середины XVIII в./ укладывались в нашитые кармашки на груди черкески [15, с. 95—96; 53; 57; 62; 68, с. 51. См. патронташи кавказского типа: 3, табл. 46, 237; 70, с. 134, рис. 52, 5]. У многих находок выступающие из патронташа или кармашек черкески верхние части деревянных газырей часто украшены костяными колпачками (рис. 2, 4). По письменным источникам, представители знати вайнахского общества имели газыри в «серебряной оправе» [43, с. 84]. Патронташи с газырями можно видеть и у чеченского воина на рисунке конца XVIII в. Я. Потоцкого, хотя само оружие отсутствует. У ингушских же воинов на рисунках Х. Гейслера и Я. Потоцкого газыри расположены на груди /по четыре с каждой стороны/ черкесок. Западноевропейский исследователь Я. Рейнеггс, посетивший Кавказ в 1779 году, сообщает о вайнахах: «Одежду носят они простую, хотя и в черкесском вкусе. Спереди на платье пришивают по обеим сторонам разные суконные лоскутья наподобие их патронов, коих они 12 или 18 всегда при себе имеют» [44, с. 30]. Однако патронташи в склеповых захоронениях Чечено-Ингушетии пока еще не встречены, а черкески с газырями отмечаются в мужских погребениях не ранее середины XVIII в. [см., например: 15, с. 95—96; 68, с. 51]. Дважды в склепах поселка Кошк газыри были найдены в захоронениях вместе с огнестрельным оружием [2, с. 153, 156]. Почти аналогичные образцы газырей известны также в позднейших мужских склеповых погребениях соседней Северной Осетии [71, с. 122; 72, с. 14; 73, с. 146—147, 149—150, рис. 8, 1—2].

Следует заметить, что иногда свинцовые пули (диаметр — 10,0—13,0 мм) фиксируются в небольших кожаных мешочках-кисетах на поясах усопших [9, с. 100; 74, с. 14, 19; 75, с. 120]. Видимо, до появления у вайнахов газырей пули хранились в подобных кисетах, что наблюдается у многих горцев Северного Кавказа вплоть до конца позднего средневековья [см., например: 76, с. 37, 157]. Зафиксированы случаи, когда в позднейших ингушских и осетинских захоронениях в склепах крупнокалиберные шаровидные пули встречались без кисетов и газырей [см., например: 71, с. 105]. Известны

Некоторые компоненты ручного огнестрельного оружия позднесредневековых вайнахов; 1, 2 — пули; 3—6 — газыри; 7 — пулелейка (1—6 — Эрзи, 7 — Коротх; 1, 2 — свинец; 3 — дерево; 4—6 — дерево, кость; 7 — бронза)

также находки свинцовых пуль /диаметр — 11,0—13,0 мм/ на вайнахских позднесредневековых поселениях близ сел. Майртуп, Махкеты, Мартан-Чу, Кулары, Верхний Алкун, Мужичи, Галашки и Млхорой.

Для хранения пороха в рассматриваемый период вайнахские воины использовали также специальные деревянные или костяные роговидные пороховницы, правда, очень редко встречаемые в самых поздних местных склеповых захоронениях XVIII — начала XIX в. [2, с. 156; 7, с. 80; 15, с. 96; 68, с. 108; 77, с. 49; и др.]. Всего их было зафиксировано более 10 экземпляров, но до настоящего времени почти все не сохранились или представлены лишь мелкими невыразительными фрагментами. Среди встреченных пороховниц Л. П. Семенов особо выделяет одну наиболее интересную находку из башенного поселка Эгикал /Назрановский р-он/ «в виде изогнутого рога из дерева, обтянутая тканью черного цвета; отделана костью; к пороховнице прикреплена маленькая мерка для отсыпки пороха» [77, с. 31]. Обычно пороховницы подвешивались к поясу воинов и в таком же положении они встречались в ингушских малопотребованных захоронениях [2, с. 156; 76, с. 36—37, 157]. Иногда пороховницы упоминаются в фольклоре вайнахов [31, с. 22].

С распространением у чеченцев и ингушей ручного огнестрельного оружия постепенно на территории края начинается производство различных сортов пороха и добыча свинца для отливки пуль.

Для изготовления пороха у вайнахов в позднем средневековье существовало несколько способов: добыча в натуральном виде селитры и серы /например, близ башенных поселков Шикарой, Чамта, Бавлой, Туга, Шатой, Ушкалой, Цори, Хули, Салги, Бейни, Фуртоуг и др./, выщелачивание подстилки из загонов для скота путем специальной обработки крапивы, конопли и др. [55; 57; 62; 78; 79; 80, с. 21, 56 и сл.]. В 1978 году на южной окраине поселка Лежги нами были взяты образцы так называемой «соленой земли» /«дирр дят»/, которую в прошлом ингуши широко использовали для изготовления высококачественного пороха. Анализ этих образцов в лабораториях ГНИ показал наличие в них большого процента селитры. Практически все отмеченные способы приготовления пороха были известны в рассматриваемое время и другим северокавказским горцам [29, с. 293; 63, с. 266 и сл.; 81, с. 58—59; 82, с. 25—26]. В ряде местных башенных поселков /Шикарой, Верхний Туга, Ушкалой, Хули, Цори, Лежги, Бейни и др./ имелись отдельные высокопрофессиональные ремесленники, по сообщениям информаторов, специализировавшиеся на приготовлении пороха и его продаже /за скот, оружие, ткани, металлы, продукты и др./ [54; 55; 57; 79 и др.]. Здесь нам даже удалось обнаружить специальные каменные массивные ступки для изготовления пороха. Интересно, что впервые

местное производство пороха в горной Чечне началось в поселке Шикарой /примерно в начале XVI в./, на который позднее неоднократно совершали нападения соседи с целью захвата проживавших здесь искусных мастеров [83]. Высокосортный порох к вайнахам в позднем средневековье поступал и в качестве экспортного товара /из Турции, Крыма, России, Кабарды и др./ [43, с. 82 и сл.; 48, с. 181; 84, с. 17]. В середине XVII в. К. Пейсонель сообщал о поставках на Северный Кавказ через Крым «...большого количества пороха из Каффы и Константинополя» [63, с. 194]. Об этом, в частности, писал и У. Лаудаев, указывая на распространение в Чечне пороха «...с берегов Черного моря, венецианцами, генуэзцами, греками и турками» [56, с. 48].

Для изготовления пуль позднесредневековые вайнахи добывали свинец, месторождения которого имеются в ряде районов горной Чечено-Ингушетии [66, с. 167; 80, с. 126 и сл.; 85; 86]. О знакомстве местных жителей с горным промыслом свидетельствуют письменные источники. Так, например, терские воеводы в начале XVII в. закупали в горной зоне края («...в Калканах да в Мылкъшах «...») свинец [42, с. 75; 87, с. 120; 88, с. 154—155]. В верховьях р. Шаро-Аргун, на восточной окраине башенного поселка Хакмадой (Шатойский р-он), нам удалось обнаружить заброшенный высокогорный рудник, где по ряду сообщений старожилов, местное чеченское население вплоть до конца прошлого столетия добывало свинец для отливки пуль, причем часть добытого свинца обменивалась за скот и оружие у соседних племен горной Грузии*.

Любопытно также, что в вайнахских исторических песнях «ил-ли» XVIII в. герои порой используют пули, изготовленные из «крымского» и «турецкого» свинца [52, с. 142].

О поставках свинца «для ружейных пуль», а также и самих «ружейных и пистолетных пуль» из Крыма на Северном Кавказе в середине XVIII в. свидетельствуют письменные источники [63, с. 183, 193 и сл.]. Несомненно, что часть этого товара могла доходить и до чеченцев и ингушей. Известны данные о закупках вайнахами свинца в северокавказских городах [43, с. 82 и сл.; 84, с. 17].

Большой интерес представляет частично поврежденная бронзовая многоячейная пулелейка XVIII — начала XIX в. (длина — 17,3 см), случайно найденная в мавзолее горночеченского башенного поселка Коротх (Шатойский р-он) в 1979 году [89, с. 59], (рис. 2, 7). Она разъемная и была предназначена для отливки сразу пяти шаровидных пуль разного калибра от 11 до 15 мм. Самая крупная формочка у этой пулелейки предназначалась для отливки пули с двумя крестообразно перекрещивающимися выпуклыми ободками и отдельными точками в центре каждой из полученных таким

* Проведенный специалистами — геологами ГНИ анализ собранных образцов руд подтвердил высокий процент содержания в них свинца.

образом восьми частей. Благодаря этим особенностям, как свидетельствуют ряд письменных источников конца XVIII — начала XIX в., подобные пули являлись «более надежными», «они выбрасываются легче и сильнее при выстреле» [76, с. 36, 158]. При отливке пуль формы заполнялись через специальные отверстия на одной из сторон пулелейки расплавленным свинцом и для быстрого охлаждения опускались в воду. Однако вплоть до начала прошлого столетия металлические многоячейные пулелейки были еще большой редкостью у вайнахов, других горцев Северного Кавказа, Грузии, которые обычно использовали каменные или глиняные формочки для отливки пуль [37, с. 19, табл. 25, 6—8; 47, с. 248; 55; 62; 89, с. 59; 90]*. Еще в 1847 году на Амир-Аджиуртовском меновом дворе у горцев края было закуплено 6 форм «медных для литья пуль», каждая стоимостью рубль серебром [91, с. 25]. В русских войсках многоячейные металлические пулелейки применялись с конца XVII в. [92, с. 95].

Свинцовые пули чеченцами ингушами, как и их ближайшими соседями, использовались иногда в различных обрядах, в частности, их приносили в качестве жертвоприношений в местные святилища [23; 93, с. 14; 94, с. 253; 95, с. 67—68, 74]. В отдельных фольклорно-этнографических источниках пули и порох фигурируют в виде взимаемых податей. Например, у позднесредневековых вайнахов за пропуск одного человека через стратегически важный участок местности, где располагалась каменная заградительная стена, «...брали плату — пулю и мерку пороха» [68, с. 95].

В местных мужских погребениях XVII—XVIII вв. отмечаются и небольшие обтесанные кусочки кремня, являвшиеся важной деталью замка кремневого ручного огнестрельного оружия [68, с. 51 и сл.; 74, с. 13—14, 19; и др.]. Чаще всего они находятся в специальных мешочках-кисетах, подвешенные к поясу усопших. Часть кремней к вайнахам поступала из Крыма и Турции [см., например: 43, с. 89; 96, с. 29].

По всей вероятности, отмеченные кремневые замки, газыри, пороховницы, пули и кремни часто символически замещали в вайнахских захоронениях дорогие образцы огнестрельного оружия [75, с. 120; 97, с. 64; 98, с. 13—14; 99, с. 102—106 и сл.]. У других же кавказских горцев ручное огнестрельное оружие в погребениях как будто бы вовсе не фиксируется, хотя, возможно, детали его не отмечены или не поняты.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на распространение у вайнахов, а также и у других горцев Северного Кавказа и Грузии, в позднем средневековье огнестрельного оружия, оно не смогло полностью вытеснить из обращения лук и стрелы (наряду с другими

* В вайнахских героико-исторических песнях XVIII в. иногда упоминается «...в форме спрессованный цветом синий свинец».

видами метательного оружия), [см., например: 19, с. 64—66 и сл.; 63, с. 176, 196—197, 211, 266, 308 и сл.; 66, с. 103; 76, с. 9; 81, с. 242—243; 98; 100, с. 21—22; 101, с. 145—146; 102; 103; 104, с. 39 и сл.]. И это было прежде всего следствием того, что по своим боевым качествам лучное оружие в целом еще успешно соперничало с несовершенными образцами огнестрельного (фитильного и кремневого). Так, если в минуту хороший лучник мог выпустить 8—12 стрел, из которых на дальности 130 шагов почти все попадали в цель, то из позднесредневекового фитильного или кремневого огнестрельного оружия воин был в состоянии сделать за это же время в лучшем случае 1—2 выстрела [см., например: 3, с. 95; 4, с. 446; 5, с. 70—71, 74, 76; 105, с. 145—146; 106, с. 34 и сл.]. Еще Ф. Энгельс подчеркивал, что лук в 6 раз был скорострельнее гладкоствольного мушкета [1, с. 155].

Немаловажен был и тот факт, что свинцовые шаровидные пули ружей и пистолетов в большинстве случаев еще не были в состоянии эффективно поражать противника, защищенного металлическим доспехом: даже в первой половине XIX в. пули часто не пробивали прочные железные кольца северокавказских кольчатых доспехов. Например, Г. Ю. Клапрот в начале прошлого столетия свидетельствует: «Их кольчуги большей частью очень ценны; среди них есть очень хорошо сделанные. Чтобы их испробовать, их кладут на телянка и стреляют из пистолета. Как правило, пули не пробивают их, лишь теленок после этого слегка пошатывается. Под кольчугой они носят на войне еще одежду на вате, от которой пули отскакивают еще лучше» [63, с. 266]. Н. С. Мартынов описывает, как во времена Кавказской войны казачьи пули не в состоянии были поражать защищенных кольчугами чеченских воинов. Лишь используя «заряд с иглами», одному из опытных казаков удалось пробить кольчатый доспех противника [107, приложение 6, с. 118—129].

Довольно часто образцы ручного огнестрельного оружия давали осечки, нередко свои коррективы здесь вносила и погода /дождь, ветер и др./, [5, с. 74]. Любопытно, что в чеченских адатах /т. е. неписанных законах/ существовала специальная «статья», по которой «...за попытку покушения огнестрельным оружием и осечки при этом /выделено нами. — Д. Ч./ требовалось уплатить 60 коров» [45, с. 29].

Такие однозарядные, сложные в обращении ружья, трудно было перезаряжать конным воинам, даже когда появились (видимо, не ранее второй половины XVIII в.) их сравнительно легкие (в основном гладкоствольные и реже нарезные) образцы «...преимущественно с чинаровыми ложами, с прямыми, овальной формы, прикладами, с костяными наматыльниками» [3, с. 139 и сл.]. Вот что сообщал в этой связи Л. Штедер /конец XVIII в./: «Когда они (речь

идет об осетинах. — Д. Ч.) прицеливаются или сидят на земле, они верные и отличные стрелки, но при перезарядке они медленны и нуждаются в нескольких минутах. Осс /осетин. — Д. Ч./ должен слезть с коня, чтобы зарядить ружье и вложить пулю» [76, с. 37].

Другим немаловажным обстоятельством была дороговизна образцов огнестрельного оружия. Так, в зависимости от качества и происхождения за кремневое ружье во второй половине XVIII — начале XIX в. по одним источникам вайнахи платили «двести ба-ранов или столько же рублей, или же холопа с холопкой», а по другим — от 7 до 30 коров или от 1 до 5 пленников [45, с. 55; 54; 56, с. 48; 60; 62; 90]. Известен случай /происшедший, видимо, в конце XV — начале XVI в./, когда за постройку боевой башни (обычная цена которой была 50—80 коров) ингушский зодчий запросил у хозяина в качестве платы только одно ружье [30, с. 370—372]. Стоимость лука, согласно ряду местных преданий, была значительно меньшей. Показательны в этой связи и свидетельства чеченского, ингушского, осетинского и кабардинского исторического фольклора, согласно которым отдельные представители будущих «сильных» родов именно благодаря наличию у них еще малоизвестного огнестрельного оружия смогли занять в позднесредневековом обществе видное место [27, с. 85; 28, с. 354—355; 29, с. 291; 30, с. 370—372; 31, с. 22 и сл.; 34].

Все это способствовало бытованию у горцев Северного Кавказа и Грузии еще в первой половине XIX в. металлического оборонительного воинского снаряжения, а соответственно в противовес ему и традиционных модифицированных видов наступательного оружия. Однако следует помнить, что дорогими высококачественными образцами защитного вооружения владели лишь представители зажиточной социальной верхушки позднесредневекового горского общества, а у основной массы населения они отсутствовали. Поэтому, несмотря на свое несовершенство и дороговизну, ручное огнестрельное оружие постепенно получило широкое распространение на Кавказе (и, прежде всего, у состоятельных воинов), которые, как подчеркивают западноевропейские и восточные путешественники XVII — первой половины XIX в., научились весьма искусно использовать их в бою [29, с. 292—293; 63, с. 101; 176 и сл.; 66, с. 182; 76, с. 37, 158—159 и сл.; 108, с. 59 и сл.; и др.]. Например, тот же Л. Штедер писал: «Они (осетины. — Д. Ч.) ищут для выстрелов защищенное место и не теряют их зря, но выжидают своих врагов с упорством, чтобы уничтожить их тем более верно. Когда несколько человек находятся вместе, то они стреляют друг за другом, а не все вместе, и выжидают, когда другой снова зарядит свое ружье. Они располагаются при обороне в нескольких шагах друг от друга, а при отступлении первым всегда стреляет передний, который затем отбегает в самый конец для перезарядки ружья. Они стремят-

чи в этих случаях достигнуть крутых мест, чтобы стоять друг за другом. Они умеют так выгодно пользоваться гористой местностью, что 10 человек могут защищаться против 100» [76, с. 37].

Широко и весьма эффективно использовалось ручное огнестрельное оружие вайнахскими воинами и их соседями также при обороне местных, преимущественно башенных, позднесредневековых фортификационных комплексов — у последних появляются специальные бойницы, приспособленные для стрельбы из ружей. С другой стороны, для удобства ведения боя из них у ружей приклады становятся короткими, а стволы длинными [32, с. 106—107; 38, с. 64—65]. К сказанному следует добавить, что при постройке боевой башни «проем или квадрат верхнего этажа обычно измерялся размахом руки с шомполом с таким расчетом, чтобы человек при военных действиях мог свободно и беспрепятственно заряжать ружье и сражаться с противником» [109, с. 219].

Пушки, очевидно, в рассматриваемое время совсем не применялись вайнахскими воинами на территории края: по крайней мере, об их существовании здесь нет никаких сведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1956.
2. Мужухоев М. Б. Новые археологические памятники горной Ингушетии позднего средневековья//АЭС. Т. 4. Грозный, 1976.
3. Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие XI—XIX вв. М., 1953.
4. Советская военная энциклопедия. Т. 4. М., 1977.
5. Иванов А. Б. Затаившие гром//Памятники Отечества. М., 1983, № 2.
6. Аствацатурян Э. Кавказское оружие. М., 1984.
7. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977.
8. Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа//Изв. СКНЦВШ. Ростов-на-Дону, 1977, № 1.
9. Виноградов В. Б. Работы в горной Ингушетии//АО за 1979 год. М., 1980.
10. Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии//АО за 1982 год. М., 1984.
11. Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. Т. 1. Л., 1937.
12. Мышковский Е. В. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв.//СА, 1961, № 1.
13. Вилинбахов В. Б. О первоначальном типе огнестрельного оружия//СА, 1962, № 1.
14. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
15. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
16. Хизриев Х. А. Нашествие Тимура на Северный Кавказ//ВИ, 1982, № 4.
17. Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам//Труды общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 4. Баку, 1926.
18. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи//СССКГ, вып. 5. Тифлис, 1871.
19. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958.
20. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X—XVII вв. М., 1966.

21. История Дагестана. Т. 1. М., 1967.
22. Чирков Д. Декоративное искусство Дагестана. Альбом. М., 1971.
23. Элашвили В. И. Традиции грузинской народной физической культуры и современность (педагогико-этнографическое исследование). Тбилиси, 1973.
24. Ногмов Ш. Б. История адыгского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947.
25. Алексеева Е. П. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв.//Труды КЧНИИ, вып. 3. Черкесск, 1959.
26. Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. Ч. 1. М., 1887.
27. Пфаф В. Б. Материалы для истории осетии//ССКГ, вып. 5. Тифлис. 1871.
28. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, кн. 1. СПб., 1871.
29. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа (историко-этнографическое исследование). Орджоникидзе, 1968.
30. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
31. Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
32. Виноградов В. Б., Чакхиев Д. Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье//СЭ, 1984, № 1.
33. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей Грозный, 1986.
34. Гутнов Ф. Х. Бадел генеалогических преданий осетин//Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1988.
35. Закарая П. П. Крепостные сооружения Картли. Тбилиси, 1968.
36. Закарая П. П. Некоторые вопросы крепостных сооружений Шида-Картли XVI—XVIII вв.//ВГМГ, т. XIX-А и XXI-В. Тбилиси, 1957.
37. Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973.
38. Чакхиев Д. Ю. Бойницы позднесредневековых башен Чечено-Ингушетии и Северной Осетии//Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л. Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 год. Грозный, 1983.
39. Чакхиев Д. Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами — «головофами»//Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
40. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1, 1578 — 1613 гг. М., 1889.
41. Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640 гг.). Тбилиси, 1937.
42. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в. М., 1963.
43. Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке//Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981.
44. Гаджиев В. Г. Якоб Рейнегс о Чечено-Ингушетии//Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII — начало XX века). Грозный, 1986.
45. Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
46. Алироев И. Ю. Названия оружия в нахских языках//АЭС, т. 4. Грозный, 1976.
47. Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.
48. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1967.

49. Ахмадов Я. З. Исторические реалии в героических песнях илли//Поэтика чеченских героических песен илли (Опыт комплексного исследования). Грозный, 1983.

50. Ахмадов Я. З. Мир вещей и «хонс» в героико-исторических илли//Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли. Грозный, 1984.

51. Чахкиев Д. Ю. Некоторые общие черты в военном деле позднесредневековых вайнахов и горцев Грузии//Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами: Тез. докл. конф. Тбилиси, 1984.

52. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. Оружие героя в вайнахских героико-исторических песнях илли//Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988.

53. Информация жителя горноингушского сел. Джейрах (Назрановский р-он) Льянова Хусейна (70 лет) летом 1979 года.

54. Информация 70-летнего жителя горночеченского сел. Новый Шарой (Шатойский р-он) Лабозанова Кеши Акбердиевича летом 1978 года.

55. Информация 107-летней старожилы горноингушского сел. Ольгеты (Назрановский р-он) Гетагазова Исропа Шанхоевича летом 1977 года.

56. Лаудаев У. Чеченское племя//ССКГ, вып. 6. Тифлис, 1872.

57. Информация 85-летнего уроженца горноингушского сел. Дугаргишт (Назрановский р-он) Куштова Хасана Чагиевича летом 1977 года.

58. Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Историко-архитектурные объекты 102-го Всесоюзного горно-пешеходного маршрута по Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

59. Ахмадов Ш. Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII—XIX вв.//Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII — начало XX века). Грозный, 1986.

60. Информация 67-летнего жителя сел. Тарское (Пригородный р-он СОАССР) Албогачиева Абузита Экбердиевича летом 1983 года.

61. Информация 71-летнего уроженца горноингушского поселка Дошхакле (Назрановский р-он) Амхадова Османа Гепартукиевича летом 1981 года.

62. Информация 95-летнего долгожителя горноингушского сел. Лежги (Назрановский р-он) Харсиева Хасана Либеровича осенью 1978 года.

63. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составитель и автор комментариев В. К. Гарданов. Нальчик, 1974.

64. Pallas P. S. Observations faites dans un voyages entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'empire de Russie dans les annees 1793 et 1794. Vol. 1. — Leipzig 1799.

65. Potocky J. Voyages dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Vol. 2. — Paris, 1829.

66. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823.

67. Фонды ЧИРКМ. Раскопки Л. П. Семенова и Е. И. Крупнова в 1929 году.

68. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.

69. Мужухоев М. Б. Таргимский храм//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

70. Макалатия С. И. Хевсурети. Тбилиси, 1940.

71. Тменов В. Х. «Город мертвых» (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаури). Орджоникидзе, 1979.

72. Тменов В. Х. Археологическое исследование склеповых сооружений Дигории//Краткое содержание докладов научной конференции по итогам работы за 1985 год. Орджоникидзе, 1986.

73. Тменов В. Х. Два склепа из селения Уакац//Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986.

74. Чакхиев Д. Ю. Отчет о полевых работах 3-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции ЧИГУ—ЧИИИСФ в горной Ингушетии в 1980 году. Архив ЧИИИСФ. 1981, № 559в.
75. Чакхиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии//АО за 1980 год. М., 1981.
76. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.). Под редакцией Б. А. Калоева. Орджоникидзе, 1967.
77. Семенов Л. П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал.//Изв. ЧИНИИИЯЛ. Т. 2. Вып. 1. Грозный, 1960.
78. Информация этнографа С. А. Хасиева.
79. Информация 80-летнего уроженца горноингушского сел. Джейрах (Назрановский р-он) Лянова Османа Бунховича летом 1979 года.
80. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 2. Грозный, 1978.
81. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
82. Яхтанигов Х. Х. Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984.
83. Информация 80-летнего жителя горноингушского поселка Шикарой (Шагольский р-он) Сулейманова Магомеда летом 1978 года.
84. Ахмадов Ш. Б. Экономические связи вайнахов с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке//Археология и краеведение — вузу и школе: Тез. докл. конф. Грозный, 1981.
85. Мартиросиан Г. К. Нагорная Ингушия//Изв. ИНИИК. Вып. 1. Владикавказ, 1928.
86. Христианович В. П. Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта//Тр. Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов, № 36. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1928.
87. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII веках. Т. 1. М., 1957.
88. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
89. Бурков С. Б., Вольная Г. Н., Чакхиев Д. Ю. Новые случайные археологические находки из Чечено-Ингушетии//Археология и краеведение — вузу и школе (Тезисы докладов и сообщений второй региональной научно-практической конференции). Грозный, 1985.
90. Информация 74-летнего жителя горноингушского сел. Хули (Назрановский р-он) Илиева Хунсега Кецевича летом 1981 года.
91. Гриценко Н. П. Экономические связи России с Северным Кавказом в 10-х годах XIX века (По материалам Центрального государственного архива Чечено-Ингушской АССР)//Изв. ЧИНИИИЯЛ. Т. 2. Вып. 1. Грозный, 1960.
92. Розенфельд Р. Л. Русский ружейный прибор начала XVII в.//КСИИМК, 1958, № 72.
93. Ахриев Ч. Ингушские праздники//ССКГ, вып. 5. Тифлис, 1871.
94. Головинский П. А. Заметки о Чечне и чеченцах//ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878.
95. Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.
96. Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа//ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868.
97. Чакхиев Д. Ю., Белхароев А. Х., Шельдешева М. Н. Нерешенные вопросы военного дела населения Чечено-Ингушетии в XIII—XIX вв.//Археология и краеведение — вузу и школе (Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции). Грозный, 1985.
98. Чакхиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII—XVIII вв.) (археолого-этнографическое исследование): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1986.
99. Иерусалимская А. А. Археологические параллели засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мошечая Балка)//СЭ, 1983, № 1.
100. Бутков П. Материалы по новой истории Кавказа. Ч. 1. Спб., 1869.

101. Радде Г. Хевсурия и хевсуры. Тифлис, 1881.
102. Чолокашвили К. К. Этнография Грузии. Оружие. Тбилиси, 1964.
103. Мамаев Х. М., Чаккиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов//Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
104. Аствацатурян Э. Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX — начале XX в. Ч. 1. Дагестан и Закавказье. М., 1977.
105. Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого//МИА, № 65, Т. 2. М., 1959.
106. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII—XIV вв.//САИ, вып. Е1-36, М., 1966.
107. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями. Тамбов, 1904.
108. Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.
109. Кокиев Г. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии//Изв. ЮОНИИ. Вып. 2. Сталинири, 1935.

Р. А. ДАУТОВА

СКЛЕП С ПОМИНАЛЬНОЙ КАМЕРОЙ у сел. ЭРЗИ

Среди позднесредневековых погребальных сооружений Северного Кавказа, в том числе и Чечено-Ингушетии, последнее время особое внимание исследователей привлекают мавзолеи. В литературе уже ставился вопрос о их происхождении, критериях выделения мавзолеев в массе погребальных памятников, отмечались нерешенные в связи с этим вопросы [1]. Наиболее неясной пока в этом смысле конструкцией являются так называемые склепы с поминальной камерой или «кашковы», достоверно зафиксированные до сих пор только на территории Чечено-Ингушетии [2; 3]. До последнего времени исследователи не располагали достаточно полноценными материалами археологического изучения таких объектов. Поэтому значимость результатов полного исследования склепа с поминальной камерой у сел. Эрзи в Джераховском ущелье горной Ингушетии, проведенного отрядом ЧИИИСФ под руководством автора в 1982 году, не нуждается в особом обосновании. Целью настоящей статьи является публикация полученных результатов.

Специалистам хорошо знаком памятник, расположенный на территории башенного аула Эрзи. Он осматривался многими археологами, фотоснимок его опубликован в монографии Е. И. Крупова [4, с. 67], описание сделано М. Б. Мужухоевым [5, с. 160], однако археологическому исследованию до сих пор не подвергался.

Склеп сильно поврежден, причем разрушительные процессы активно происходили и в последние годы, о чем свидетельствует сопоставление его нынешнего вида с уже упоминавшейся фотографией, сделанной в 1966 году. Сооружение ориентировано по линии ЮЗ—СВ, с входом с юго-западной стороны. В плане оно имеет почти прямоугольную форму — длина 5,36 м, ширина фасадной

стены 3,26 м, задней (северо-восточной) — 2,8 м. Фиксируемая высота передней стенки — 3 м, предполагаемая — около 4,5 м, высота цокольной части (до уровня порога входного проема) — 1,4 м (рис. 1).

Реконструируемые размеры входа — ширина 1,2 м, высота — около 3,15 м. Склеп сложен из равномерного, слегка подтесанного камня с обильным применением известкового раствора желтоватого цвета, причем как в технике «перевязи», так и «панцирной» кладки в отдельных местах. Толщина стен колеблется от 0,5 до 0,62 м.

Верхняя (поминальная) камера, сохранившаяся на высоту 1,6 м, имела длину 4,15 м, при ширине 2,25 м. В трех стенах были сооружены по две прямоугольные ниши размерами 0,25×0,25 м, 0,35×0,25 м; 0,15×0,25 м, причем в северо-восточной и юго-восточной стенах они были сдвоенными. На высоте 0,5 м от пола верхней камеры вдоль трех стен П-образно были расположены каменные сиденья шириной 0,4 м. На одной из плит с северо-западной стороны (второй от входа) были выбиты знаки в виде шести полос, окаймлявших плиту с четырех сторон с четырьмя крестами на углах (рис. 1, 1в). Назначение этих изображений не выяснено, хотя они встречаются и на других памятниках этого типа в горной Ингушетии и известны давно. Их считают знаками календаря, рисунками для гадания и игры [6, с. 21; 7, с. 51; 8, с. 16]. Е. Шиллинг, в частности, писал, что в поминальную камеру «приходили родственники покойников и играли в особую, теперь уже позабытую игру. На каменном полу камеры для этой игры была высечена из прямых линий особая фигура с делениями: игравшие бросали на манер костей коротенькие четырехгранные палочки с нарезками» [8, с. 16].

Размеры нижней (погребальной) камеры аналогичны размерам верхней, но место расположения лаза, через который умерших спускали вниз, сейчас установить невозможно, так как перекрытие практически полностью разрушено.

Особо следует остановиться на фасадной стене. Ее внимательное обследование выявило следы двух этапов оформления. Первоначально конструкция была аналогична другим сооружениям этого типа — фасадная стена была полностью открыта, образуя незамкнутый контур верхней камеры. Позднее по каким-то причинам ее частично заложили, оставив отмечавшийся выше дверной проем, совершенно не характерный для погребальных памятников Ингушетии. Возможно, он закрывался деревянной дверью. Изменилось ли в связи с этим назначение верхней камеры, превратилась ли она в погребальную, точно ответить трудно, так как обрушившиеся камни и плиты ступенчатой крыши и верхней части стен, обвалившись, пробili пол верхней камеры, переместив ее содержимое, если оно было, вниз. В связи с этим завалом расчистка склепа бы-

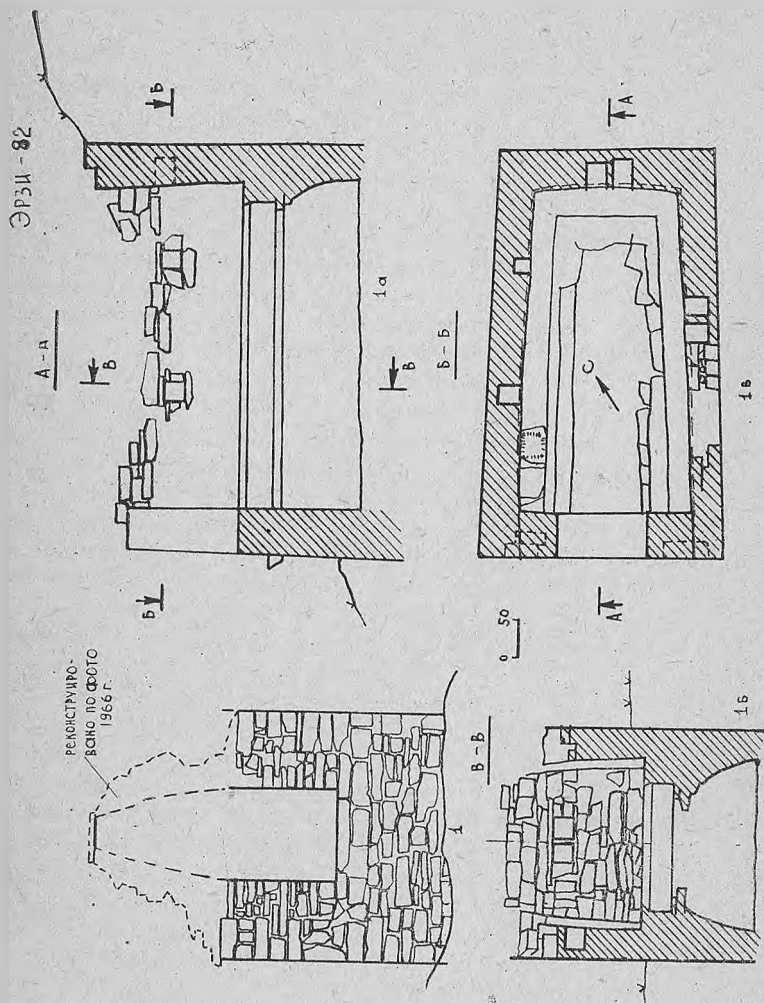

Рис. 1.
Следы поминальной камерой у сел. Эрзи (фасад, план, разрез)

ла крайне затруднена, а попытка выяснения погребального обряда путем фиксации раздавленных костных останков и предметов погребального инвентаря особого успеха не имела. К тому же, содержимое погребальной камеры было основательно перевернуто еще до разрушения склепа. Вместе с тем, следует отметить, что лишь последнее сохранило остатки содержимого от полного расхищения.

После удаления крупных камней и обломков сланцевых плит появился культурный слой в виде перемеса костей, костного тлена, обрывков истлевшей ткани и кожи, фрагментов дерева и находок. Толщина этого слоя составила 0,2 м. В относительно сохранившемся состоянии удалось зафиксировать лишь один костяк, который лежал вытянуто на спине, ногами к фасадной стене, головой — к С/с отклонением/. В центральной части камеры отмечены верхние части еще двух погребенных, кажется, лежавших в таком же положении. Кроме того, вдоль стен, особенно задней и в углах были отмечены целые и раздавленные на месте черепа 24 костяков. В целом же в склепе было погребено не менее 80 человек (рис. 2).

При расчистке были найдены следующие предметы погребального инвентаря:

1. Пятнадцать серебряных и бронзовых височных многолопастных подвесок. Из них двенадцать — 8-лопастных, две — 6-лопастных, одна — 9-лопастная. Большинство подвесок (исключение — 6-лопастные) богато орнаментированы, сочетается растительный, геометрический, зооморфный декор. Диаметр их колеблется от 4 до 7 см. Отверстия на концах дужек у ряда экземпляров стянуты тонкими кожаными ремешками (рис. 3; 4, 1—4, 8—10).

2. Серебряные кольцевидные височные подвески диаметром 4 и 4,4 см — три экземпляра. Концы их закручены и стянуты шнурками. Одна из подвесок была пришита к куску ткани, найденному на черепе (рис. 4, 5, 6).

3. Бронзовые пряжки в виде ромбовидных пластин, собранных из полосок на железных стержнях. Замок пряжки состоял из двух круглых бронзовых частей, верхняя из которых снаружи имела полушаровидный умбон, а внутри, видимо, крючок, вставлявшийся в щелевидную прорезь нижней части замка (рис. 5, 1—3).

4. Бронзовые накладки пояса в виде двух треугольников, вершины которых соединены полушариями — пять экземпляров. Внизу каждой накладки — прямоугольная рамка (для подвешивания?) (рис. 5, 5).

5. Бронзовый орнаментированный пластинчатый перстень с ромбовидным щитком и несомкнутыми концами (рис. 6, 25).

6. Бронзовый орнаментированный пластинчатый перстень с фигурным щитком и несомкнутыми концами (рис. 6, 26).

7. Два серебряных кольца с несомкнутыми концами из узкой пластины (рис. 6, 24).

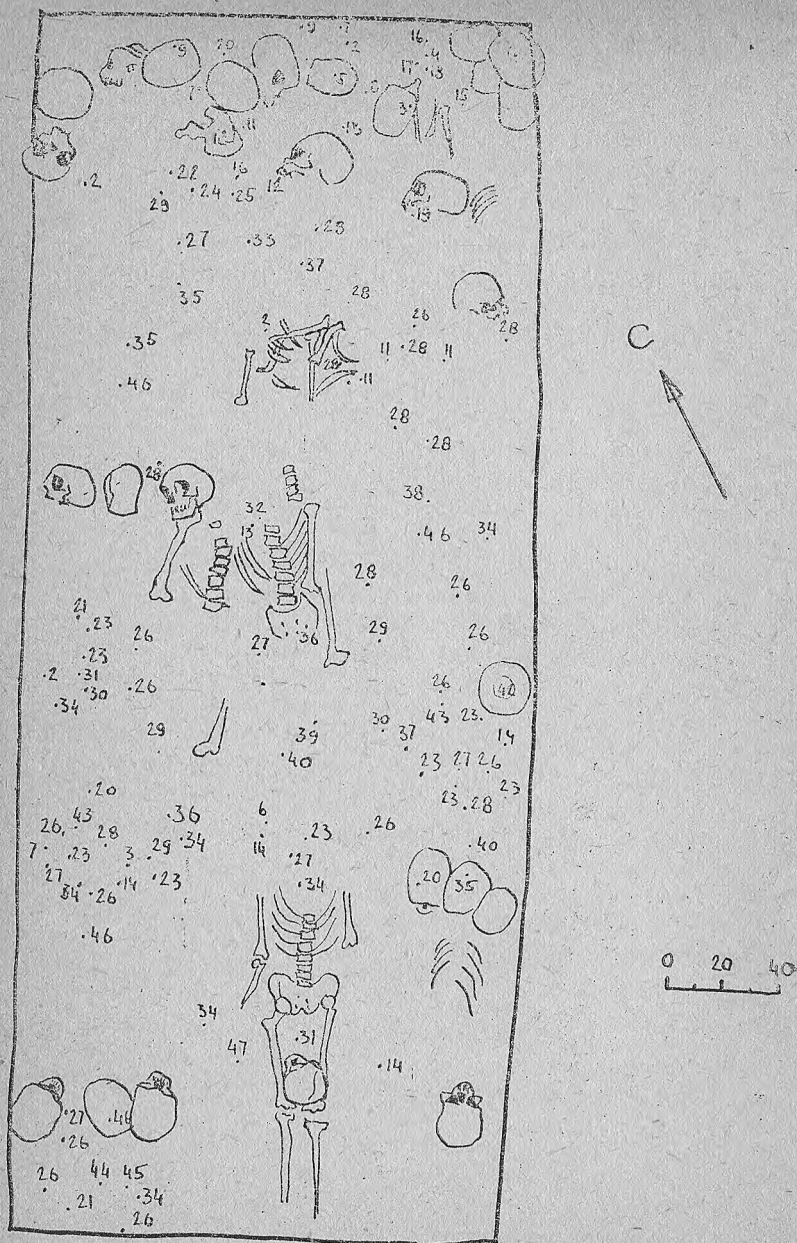

Рис. 2.
План размещения находок в нижней камере склепа

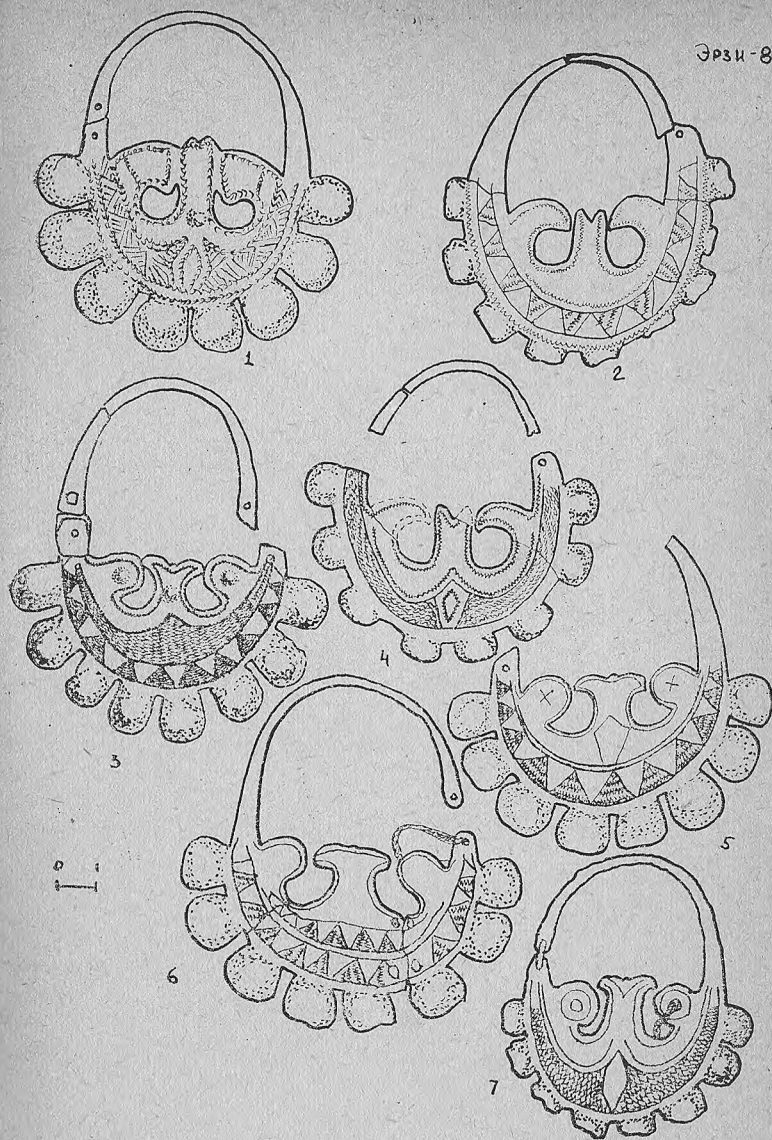

Рис. 3.

Височные многолопастные подвески из склепа с поминальной камерой у сел Эрзи

Эрзи-82.

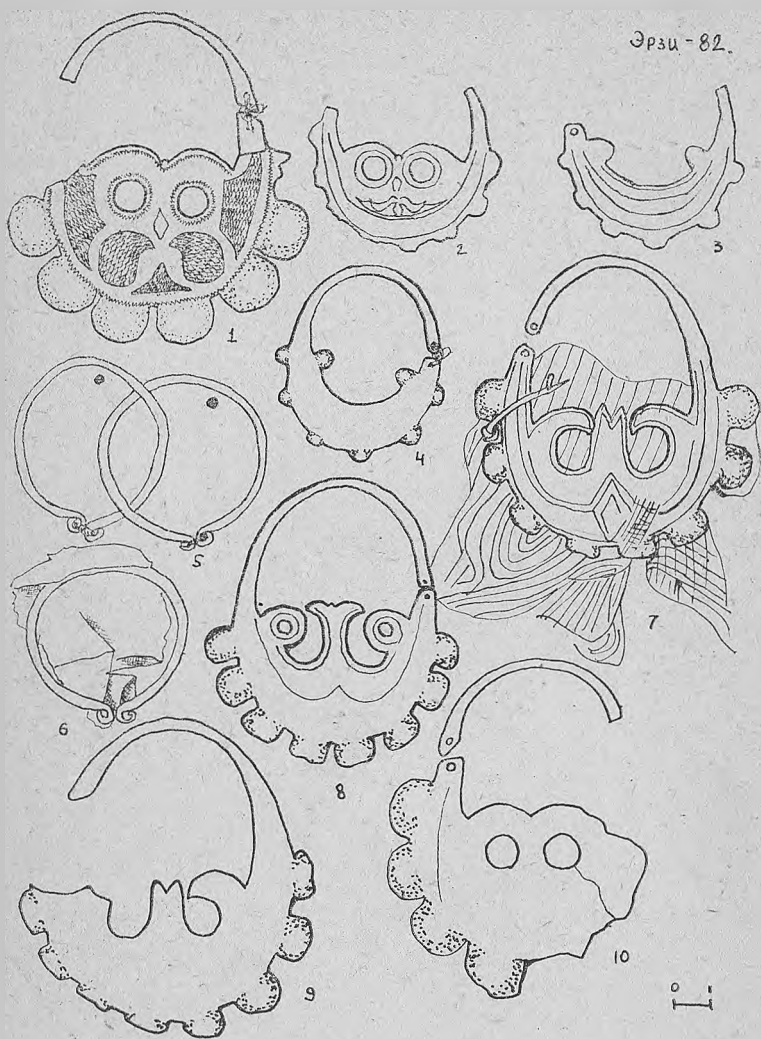

Рис. 4.

Височные многолопастные подвески (1—4, 7—10) и кольца (5, 6)
из склепа с поминальной камерой у сел. Эрзи

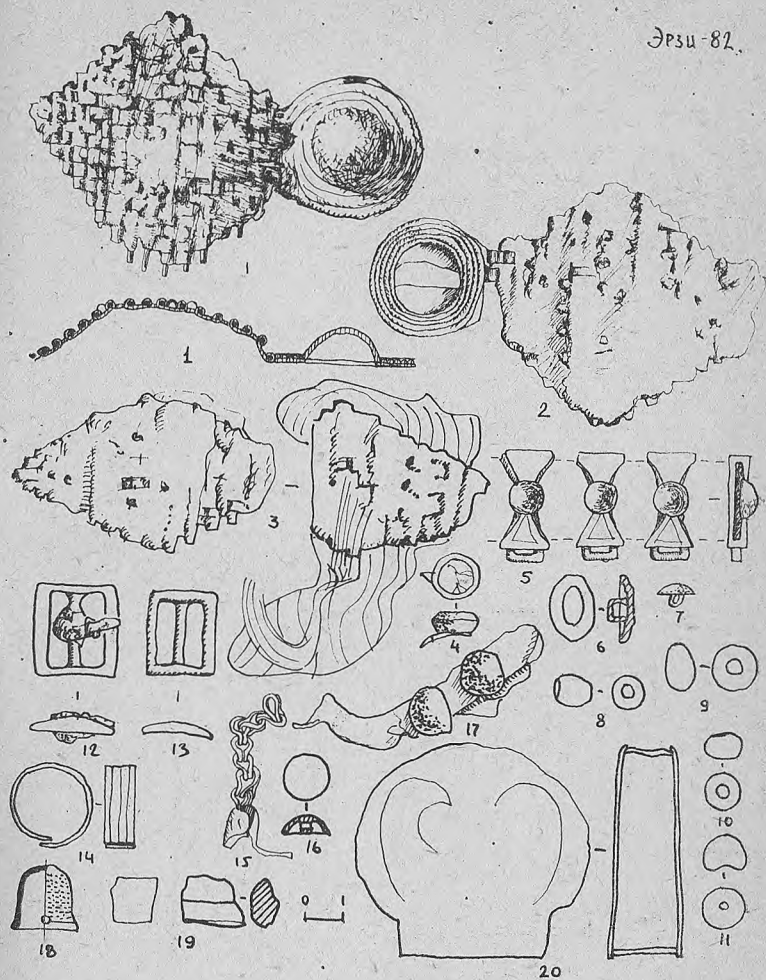

Рис. 5.

Находки из склепа с поминальной камерой у сел. Эрзи. 1—3, 12 — цветной металл, железо; 4 — цветной металл, стекло; 5—7, 13—16, 18, 20 — цветной металл; 8—11 — стекло; 17 — цветной металл, кожа

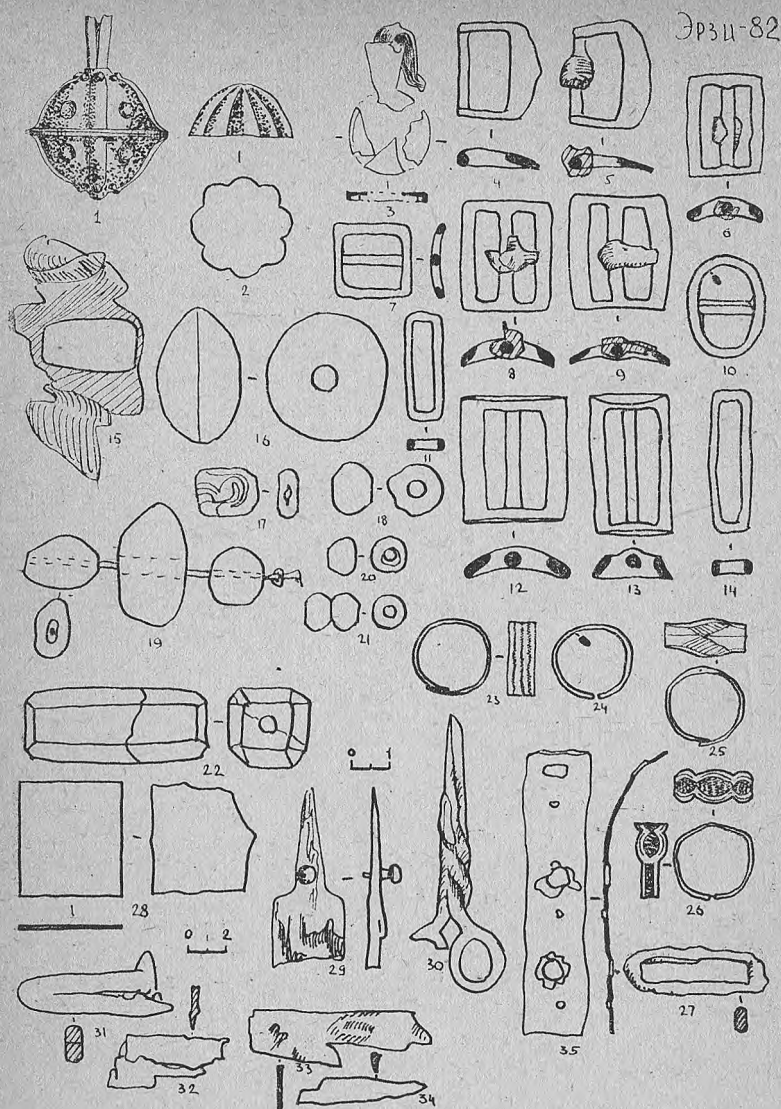

Рис. 6.

Находки из склепа с поминальной камерой у сел. Эрзи. 1, 2, 4, 7, 10—14, 23—26 — цветной металл; 3 — цветной металл, ткань; 5, 6, 8, 9 — цветной металл, железо; 15 — ткань, камень; 16, 18, 19, 22 — камень; 17, 20, 21, 28 — стекло; 27, 29—35 — железо

8. Один целый и обломок бронзового перстня с круглой стеклянной вставкой желтого цвета (рис. 5, 4; 7, 2).

9. Бронзовый пластинчатый перстень с каннелюрами на поверхности и несомкнутыми концами (рис. 5, 14).

10. Бронзовый орнаментированный пластинчатый перстень с несомкнутыми концами (рис. 6, 23).

11. Бронзовое кольцо из узкой пластинки с несомкнутыми концами (рис. 7, 1).

12. Обрывок кожного ремешка шириной 1 см с бронзовыми накладками в виде полушарий (рис. 5, 17).

13. Бронзовый флаконовидный предмет, опаянный из тонких пластин, с неясным орнаментом на лицевой поверхности (рис. 5, 20).

14. Серебряная полая подвеска (?), составленная из двух полушарий, орнаментированных четырьмя каннелюрами и выпуклыми полушариями между ними. Сверху вставлена трубочка из тонкого листа. Диаметр подвески — 3,5 см, трубочки — 0,5 см (рис. 6, 1).

15. Половинка такого же серебряного украшения меньшего диаметра — 2,7 см (с дольчато разделенной поверхностью (рис. 6, 2)).

16. Обрывок бронзовой цепочки длиной 4,3 см (рис. 5, 15).

17. Бронзовые прямоугольные поясные двурамчатые пряжки различных размеров — двенадцать экземпляров. На двух сохранились железные язычки (рис. 5, 12, 13, 6, 6—9, 12, 13).

18. Крупная многогранная бусина из гагата длиной 4,7 см и шириной 2 см (рис. 6, 22).

19. Крупная дисковидная бусина из матового халцедона диаметром 3,1 см (рис. 6, 16).

20. Уплотненно-шаровидная бусина из сердолика диаметром 1,4 см (рис. 6, 18).

21. Неправильной шаровидной формы бусина из белого непрозрачного стекла диаметром 1 см (рис. 6, 20).

22. Двойная бусина из синего стекла диаметром 1 см (рис. 6, 21).

23. Округлые бусины из синего стекла диаметром 0,7—0,9 см — пять экземпляров (рис. 5, 8, 10, 11).

24. Плоская прямоугольная мозаичная бусина с основой из оранжевого стекла (рис. 6, 17).

25. Уплотненно-шаровидная бусина из светло-желтого яшмита (рис. 5, 9).

26. Низка бус на шнурке, состоящая из двух халцедоновых и одной сердоликовой крупных бусин яйцевидной и шаровидной формы (рис. 6, 19).

27. Бронзовая плоская пуговица овальной формы с прямоугольной петлей (рис. 5, 6).

28. Бронзовые и серебряные полушаровидные пуговицы с петельками — восемь экземпляров (рис. 5, 7).
29. Бронзовый прямоугольный наконечник ремня (рис. 7, 6).
30. Бронзовый вытянуто-прямоугольной формы с заостренным концом наконечник ремня (рис. 7, 5).
31. Бронзовые штампованные наперстки фабричной работы — семь экземпляров, некоторые с петельками для подвешивания (рис. 5, 18; 7—9).
32. Четыре кусочка серы.
33. Две бронзовые прямоугольные обоймы от поясов (рис. 6, 11, 14).
34. Железная прямоугольная обойма от пояса (рис. 6, 27).
35. Бронзовая двурамчатая поясная пряжка овальной формы (рис. 6, 10).
36. Бронзовая трапециевидная поясная пряжка с овальной передней частью рамки (рис. 6, 5).
37. Бронзовая трапециевидная поясная пряжка с заостренной передней частью рамки (рис. 6, 4).
38. Два железных навесных замка в замкнутом виде (рис. 7, 22, 23).
39. Две глиняные курительные трубки (рис. 7, 10, 11).
40. Железная крюковидная пластина (рис. 8, 3).
41. Два каменных пращевых ядра диаметром 2,2 см и 3,5 см (рис. 7, 19, 20).
42. Фрагмент кожаного ремешка шириной 0,7 см со следами ремонта (рис. 7, 13).
43. Фрагмент толстостенной бутылки из светло-болотного стекла.
44. Три фрагмента сосуда (штофа?) из ярко-зеленого прозрачного стекла.
45. Два фрагмента маленького сосуда из белого прозрачного стекла (рис. 5, 19).
46. Два прямоугольных зеркальца фабричной работы (рис. 6, 28).
47. Фрагменты двух стеклянных зеркал фабричной работы.
48. Фрагменты деревянной крышки шкатулки.
49. Железный обломанный клинок двулезвийного кинжала длиной 43 см и шириной 4,6 см (рис. 8, 1).
50. Железный обломанный клинок однолезвийного кинжала длиной 32,2 см и шириной 3,2 см (рис. 8, 2).
51. Два алычика — один крупный бычий, второй овечий (рис. 7, 17, 18).
52. Обломок рога (рис. 7, 13).
53. Фрагменты пяти деревянных двусторонних гребней (рис. 7, 14).
54. Деревянный предмет, круглый с одного конца и уплощенный на другом, полый внутри — чубук? (рис. 7, 16).

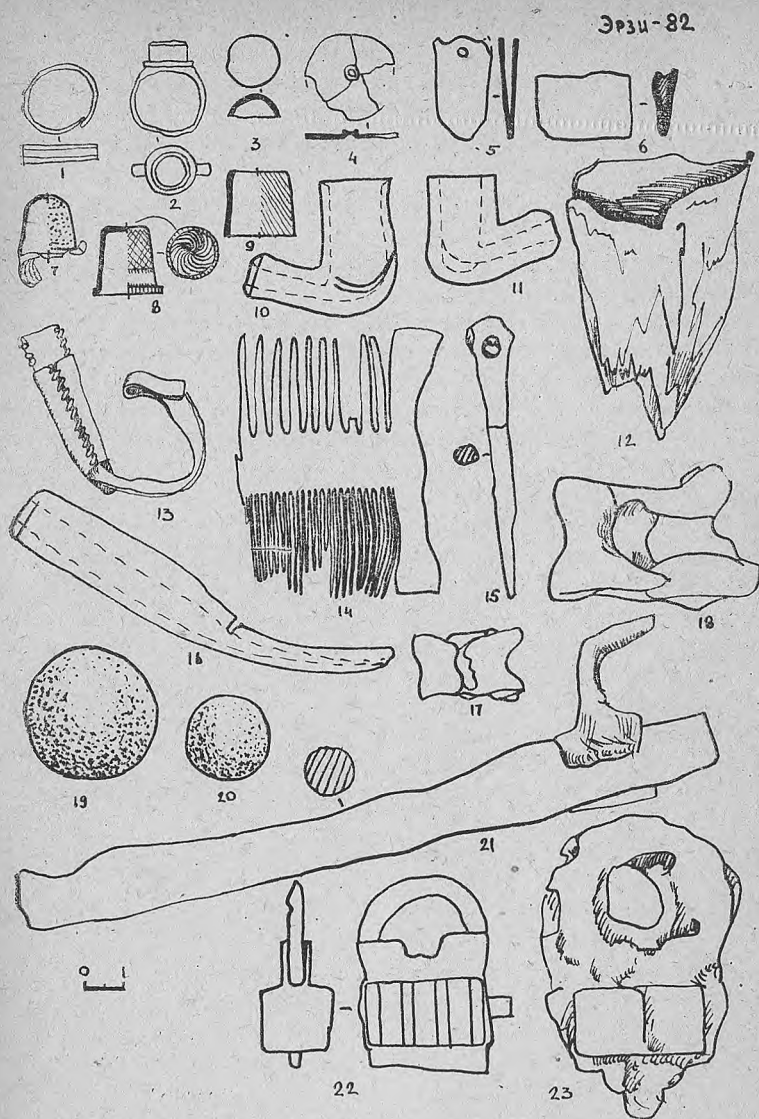

Рис. 7.

Находки из склепа с поминальной камерой у сел. Эрзи. 1, 3—9 — цветной металл; 10, 11 — глина; 12 — рог; 13 — кожа; 14—16 — дерево; 17, 18 — кость; 19, 20 — камень; 21 — дерево, железо; 22, 23 — железо

55. Железные шарнирные ножицы — пять экземпляров, два из которых обломаны (рис. 6, 30; 8, 4, 5).

56. Железный однолезвийный нож с сохранившейся деревянной слегка изогнутой рукоятью. Длина ножа — 15,6 см, ширина — 2,2 см (рис. 8, 9).

57. Два фрагмента железных пружинных ножиц длиной 18,2 см и 23 см (рис. 8, 6, 7).

58. Железный однолезвийный нож длиной 14,7 см, шириной 1,5 см (рис. 8, 10).

59. Железная изогнутая пластинка прямоугольной формы с отверстиями (рис. 6, 35).

60. Обломки каких-то железных предметов, (рис. 6, 31—34).

61. Обломок деревянного стержня с насаженным на него железным крюком (сошка для упора при стрельбе из ружья?) (рис. 7, 21).

62. Обрывки ткани со звеньями бронзовой цепочки на ней.

63. Кожаные газырицы с деревянными газырями (рис. 8, 16).

64. Фрагменты деревянных мисок токарной работы — семь экземпляров (рис. 8, 11—14).

65. Серебряная фрагментированная в виде округлого флакончика плоская подвеска с обрывком тесьмы в расширяющемся горле. Диаметр — 2 см (рис. 6, 3).

66. Фрагмент железного клинка двулезвийного кинжала с остроконечным череном для насаживания рукояти, на котором сохранился штифт для закрепления обкладок. Ширина клинка — 4 см (рис. 6, 29).

67. Деревянная заостренная палочка длиной 7,4 см с утолщенной головкой, в которой проделано отверстие (рис. 7, 15).

68. Бронзовая полушаровидная нашивка с отверстиями (диаметр — 1,3 см (рис. 7, 3).

69. Фраgmentированный плоский диск с кольцевидным выступом в центре. Диаметр 2,5 см (рис. 7, 4).

70. Серебряная полушаровидная накладка с внутренним ушком (диаметр — 1,1 см) (рис. 5, 16).

71. Деревянная изогнутая пластинка (рис. 8, 8).

72. Фраgmentированная фарфоровая тарелка с неясным клеймом (рис. 8, 15).

73. Фраgment ткани с пришитой каменной цилиндрической бусиной (рис. 6, 15).

Состав материалов, полученных в результате исследования эрзийского склепа, разнообразен и выразителен хронологически, что весьма важно при скудости датирующих фактов в других памятниках этого типа. Здесь прежде всего выделяется большая группа предметов, массовое распространение которых относится ко времени не ранее конца XVIII—XVIII вв. Это наперстки «фабричного»

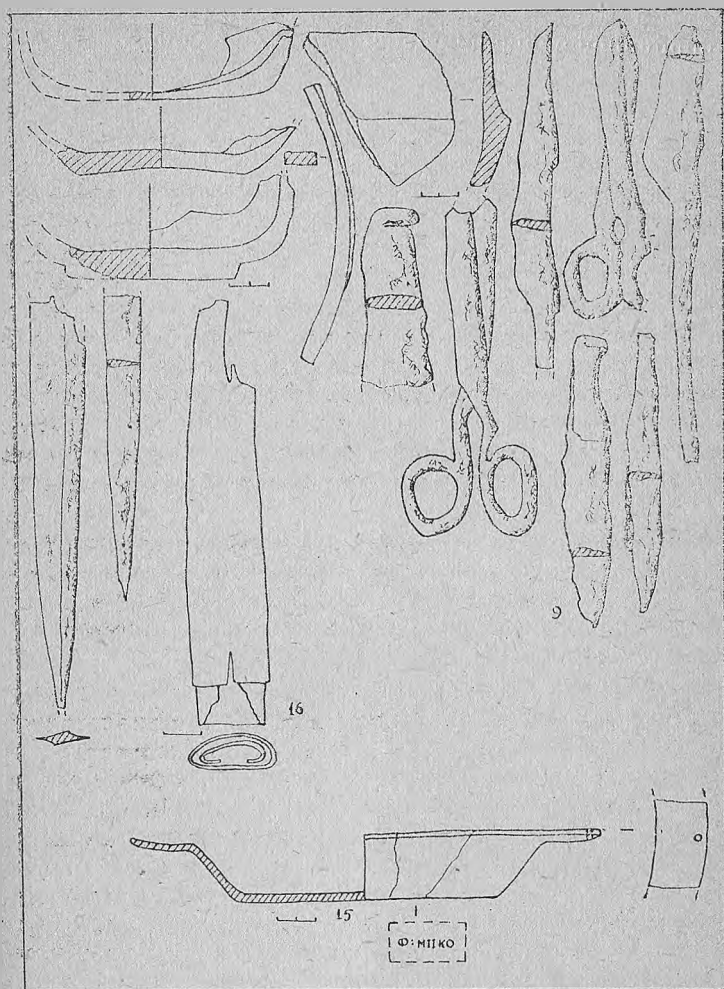

Рис. 8.

Находки из склепа с поминальной камерой у сел. Эрзи. 1—7, 10 — железо; 8, 11—14, 16 — дерево; 9 — железо, дерево; 15 — фарфор

типа, стеклянные зеркала, курительные трубки, шарнирные ножницы, навесные замки [4, с. 97; 9; 10, с. 108].

Так, например, полагают, что курительные трубки, типа найденных в Эрзи, датируются не ранее XVIII в., так как упоминание турецких трубок и курения табака на Северном Кавказе в источниках появляется после 1711 г. и то лишь в «княжеском» обиходе (Абри де ла Мотре и др.) [9, с. 66]. В середине XVIII в. К. Пейсонель писал, что ногайцы и черкесы употребляют табак в большом количестве. К началу XIX в. относятся сведения Ю. Клапрота об изготовлении трубок осетинами. На основании этих данных В. Б. Виноградов сделал вывод о том, что «частые находки глиняных и деревянных трубок и чубуков к ним в могильниках горских племен не должны сопоставляться со временем ранее XVIII в.» [9, с. 67].

Почти в это же время (возможно и чуть ранее) в среде горских женщин начинают массово появляться наперстки фабричного производства и изготовляться местные подражания им. Эти предметы, а также стеклянные фабричные зеркала, железные навесные замки, шарнирные ножницы проникают в местную среду вследствие активизации русско-северокавказских, прежде всего торговых связей, особенно с момента появления в крае таких центров, как Моздок и Кизляр [9, с. 68].

Поздним признаком являются и находки фрагментов стеклянных изделий, ранее почти не известных в наземных склепах Чечено-Ингушетии. Показательно, что стеклянные сосуды, найденные в надземных склепах Северной Осетии, четко датируются второй половиной XVIII — первой четвертью XIX в.

Такие предметы, как перстни со стеклянными вставками, фигурные накладки пояса, трапециевидные пряжки аналогичны находкам в верхних слоях таршского и гоустского мавзолеев, которые относятся к XVIII в [12, с. 82—90; 13, с. 37—66]. Двурамчатые пряжки, только более богато оформленные, и остатки кожаного пояса с полусферическими накладками, близкие эрзийским, были обнаружены В. Х. Тменовым в склепе № 4 из селения Уакац (Северная Осетия), вместе с турецкой монетой 1756—1767 гг. [14, с. 146—147, рис. 9]. Здесь же были найдены и кинжалы сложившегося «кавказского» типа, что вместе с общими наблюдениями на эту тему [15, с. 7—8] подтверждает правомерность отнесения эрзийского экземпляра ко времени не ранее второй половины XVIII в.

Наличие небольшой группы предметов, представляющих для тельпо бытовавшие типы (пружинные ножницы, ножи и т. д.) или более ранних вещей, наделенных сакральными свойствами (каменные бусы), не меняет общей хронологической картины.

В определенном несоответствии с ней находится датировка лишь одной категории находок — многолопастных височных подвесок

В принципе общие рамки их бытования растянуты с XIV по XVIII в. включительно [4, с. 94; 6, с. 112]. Однако М. Б. Мужухоев, специально занимавшийся этими украшениями в последние годы, выделил среди них четыре типа, различаемых и хронологически [16, с. 267]. При этом наиболее ранний тип относится, по его мнению к XIV—XV вв. Эрзийские материалы не подтверждают этот вывод. Десять из пятнадцати публикуемых подвесок соответствуют первому типу по М. Б. Мужухоеву, три — второму (XV—XVI вв.) и только две — третьему типу, доживающему по представлениям М. Б. Мужухоева до XVIII в. Нет никаких сомнений в том, что в предложенную исследователем хронологию должны быть внесены существенные коррективы, поскольку подвески всех типов по публикуемым данным (подтверждаемым отчасти и гоустскими находками) сосуществуют или различаются по времени незначительно.

Еще одним доводом в пользу сказанного является сопоставление материалов эрзийского склепа с публикуемыми в этом же сборнике и изданными ранее материалами расположенного практически рядом Шуанского могильника. Отнесение основной массы известных находок из последнего к XIV—XV вв. надежно документировано золотоордынскими монетами и другими артефактами, имеющими четко датированные аналогии. Между тем, за всю историю раскопок Шуанского некрополя здесь не найдено ни одной многолопастной подвески, да и весь облик материальной культуры, представляемой содержимым его склепов, заметно отличается как от эрзийских материалов, так и близких им гоустских и таршских — настолько очевиден хронологический разрыв.

Пятнадцать подвесок из Эрзи еще более увеличили джераховскую «долю» в общем фонде находок, подтвердив предположение М. Б. Мужухоева о их локализации преимущественно в этом районе горной Ингушетии. Корреляция подтверждает связь многолопастных височных подвесок с надземными погребальными сооружениями и их относительно позднюю хронологию, документированную приведенными выше фактами.

В этой связи возникает необходимость в дальнейшем вновь вернуться к вопросу о происхождении этой категории украшений, поскольку выявленные факты практически исключают славянские или восточные образцы из числа прототипов [6, с. 112; 4, с. 94; 3, с. 64; 19, с. 159] ввиду значительного хронологического разрыва.

Что касается датировки эрзийского склепа в целом, то она может быть определена в рамках XVIII — начала XIX в., что подтверждается и фольклорными данными. По сообщению Д. Ю. Чахкиева, информаторы утверждают, что это сооружение было возведено сыном знаменитого мастера Янда, который активно строил в

первой половине XVIII в. [20, с. 99—100], а вплоть до конца XIX века в его верхнем помещении проходили заседания совета старейшин.

Таким образом, публикуемые материалы расширяют представления о материальной культуре горных районов Ингушетии конца эпохи позднего средневековья и создают определенную источниковую базу для дальнейшего изучения редкого типа памятников — погребальных сооружений с поминальной камерой, общее количество которых ныне на всей территории Чечено-Ингушетии не превышает десяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Мавзолеи Северного Кавказа (история изучения и проблемы). // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984 (изложена основная историография).
2. Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни. Дис. ...канд. ист. наук. Грозный, 1970.
3. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1976.
4. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
5. Мужухоев М. Б. Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья // АЭС, IV, Грозный, 1976.
6. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
7. Ужахов М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979.
8. Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы. // Религиозные верования народов СССР. Т. 2, М.—Л., 1931.
9. Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа. // ИСКНЦВШ, 1977, № 1, с. 64—69.
10. Марковни В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии (по материалам раскопок 1966 года). // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
11. Тменов В. Х. Город мертвых. (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе, 1979.
12. Даутова Р. А. К вопросу о датировке круглоплановых мавзолеев Чечено-Ингушетии // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
13. Даутова Р. А., Чаккиев Д. Ю. Некоторые новые материалы по мавзолеям горной Ингушетии // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии, Грозный, 1988.
14. Тменов В. Х. Два склепа из селения Уакац // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
15. Чаккиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XVII—XVIII вв.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1986.
16. Мужухоев М. Б. Об одной категории позднесредневековых украшений ингушей // СА, 1972, 4.
17. Тменов В. Х. Новые археологические памятники на территории Север

* Эту информацию Д. Ю. Чаккиев, которому мы признательны за сообщение, получил от Евкурова Мордуло Магомедовича, 75 лет, неграмотного, уроженца селения Ольгета Назрановского района ЧИАССР.

ной Осетии//Вопросы осетинской археологии и этнографии. Т. XXXVI, вып. 1. Орджоникидзе, 1980.

18. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов//Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

19. Даутова Р. А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII—XVIII вв. горной Чечено-Ингушетии// АВЭИСК, Грозный, 1979.

20. Чахкиев Д. Ю. Мастера-строители у вайнахов в XVII — начале XIX в.// Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный. 1987.

Б. Б.-А. АБДУЛВАХАБОВА, З. А. МАДАЕВА

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА ГОРНОЙ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ XVII—XVIII вв.

Традиционная одежда как часть материальной культуры является важным источником изучения исторического прошлого любого народа. Народный костюм складывается на протяжении веков и развивается непрерывно, поэтому в нем отражаются национальная самобытность, культурные традиции, эстетические вкусы, исторические и культурные связи народа. Одежда несет в себе довольно сложную знаковую систему, позволяющую различать людей по полу и возрасту, по территориальной, эстетической, религиозной, социальной принадлежности.

Описание и анализ традиционного костюма позволяют наглядно проследить историческую общность и единую культурную основу горцев Чечено-Ингушетии с другими народами Северного Кавказа и вместе с тем выявить национальную специфику, локальные особенности традиционной одежды чеченцев и ингушей.

Женская одежда горянок края рассматриваемого периода исследована недостаточно: нет специальной обобщающей работы, хотя существует ряд публикаций, прямо или косвенно касающихся данной темы. Так, одним из первых советских ученых, обративших внимание на традиционный горский костюм (в т. ч. и на женскую одежду) был известный кавказовед Л. П. Семенов, который на основе собственных археологических изысканий в горной зоне Ингушетии в 20—30-х годах оставил детальное описание женской одежды [1; 2; 3]. Отдельные сведения об одежде местных горянок и ее элементах содержатся в работах Е. И. Крупнова, С. П. Умарова, М. Б. Мужухоева, В. Б. Виноградова и других авторов [4; 5; 6; 7 и др]. Считаю необходимым специально отметить также статью Е. И. Студенецкой, написанную, правда, на более поздних этнографических материалах [8].

Авторами уже проделана большая работа по обобщению и анализу одежды чеченцев и ингушей XVII—XVIII вв., однако отдельные положения ее еще пока носят спорный характер. Здесь первоочередной задачей является расширение соответствующей источниковой базы.

Статья призвана ликвидировать в определенной мере существующий пробел путем введения в научный оборот археологических материалов, собранных в склеповых могильниках Чечено-Ингушети в ходе полевых исследований В. Б. Виноградова, Д. Ю. Чахкиева и Р. А. Даутовой с участием в последние годы одного из авторов статьи [9; 10; 11; 12; 13; 14 и др.]. Авторы выражают признательность отмеченным исследователям за разрешение использовать неопубликованные материалы. При анализе последних привлекаются также этнографические, письменные и фольклорные источники.

Относительно хорошая сохранность одежды объясняется наземным характером сооружений, в которых она обнаружена, и горными климатическими особенностями. Необходимо подчеркнуть, что только в позднесредневековых склепах Северной Осетии сохранился аналогичный по комплексу и сохранности материал [15, с. 92—109].

Основными элементами женской одежды горянок в рассматриваемый период являлись платье-рубаха («коч»), штаны («хеча»), бешмет, головной убор и обувь, дополнявшиеся своеобразными, со вкусом подобранными, украшениями*.

Показательно, что если женщины из бедных семей носили рубахи из тканей домашнего производства (белый холст, крашенина и др.), то женщины богатых фамилий могли позволить себе шить рубахи из дорогих привозных тканей. Так, в наземных башнеобразных склепах Цой-Педе и Коротха (Чечня) были обнаружены многочисленные остатки женских платьев-рубах из шелковых, полужелковых, атласных и других дорогих тканей.

Покрой женских рубах был туникообразным, аналогичным мужскому. Подобный стиль присущ почти всем народам Северного Кавказа, что подтверждается и этнографическими наблюдениями [16; 17]. В рассматриваемых материалах он представлен образцами хорошей сохранности из горноингушского склепа № 9 сел. Оздик, где была найдена 3-слойная женская одежда, состоящая из двух рубах (верхняя и нижняя) туникообразного покроя и бешмета. Важно отметить, что в склепах неоднократно обнаруживалась нижняя одежда как взрослых, так и детей, и это не позволяет согласиться с мнe

* Рисунки одежды, рассматриваемой в статье, можно найти в буклете Абдулвахабова Б.Б.-А., Чахкиев Д. Ю.: Одежда чеченцев и ингушей в XVII—XVIII вв. Грозный, 1988.

нием о том, что нижняя («внутренняя») рубаха появляется у горцев в начале XX в. [8, с. 61]. Материалы свидетельствуют, что уже в рассматриваемое время у чеченцев и ингушей (естественно, не у всех, в силу социально-экономического неравноправия) бытовало нижнее белье. Обе женские рубахи были сшиты из ткани, сложенной вдвое и разрезанной по прямой нитке железным ножом или пожницами, затем сшитой по бокам. При этом от проймы до подола вшивался клин, вероятно, для удобства при ходьбе, к пройме пришивался кусок плотной ткани для прочности. Рукава нижней рубахи делались длинными, прямыми. К рукавам же верхней рубахи пришивались манжеты из такой же ткани. Ворот обеих рубах был горизонтальным, с осевым разрезом, который застегивался воздушной петлей на пуговицу из крученых ниток, серебряных бляшек или же завязывался тесемками. Кроме того, ворот верхней рубахи украшался вышивкой линиями, тесемками или простегивался цветными шелковыми нитями.

Упомянутые выше находки из Цой-Педе относятся к другому типу покроя. Это фрагменты женских платьев-рубах, с присборенным воротом, застегивающимся сбоку, длинными рукавами с манжетами. Грудной разрез и рукава платьев покрывались узорной декоративной строчкой, цветной окантовкой или обшивались тесьмой в линию. Характерно, что боковой ворот в ингушских материалах пока не встречался, а в горной Чечне был широко распространенным явлением, присущим не только женской, но и мужской и даже детской одежде [18, с. 89—97]. Любопытно, что аналогичный ворот характерен и для одежды дагестанских народов, правда, более позднего периода [17, с. 242].

Рубахи описанных покровов можно считать относительно ранними типами нательной и верхней одежды, относящейся к XVII—XVIII вв.

Под рубахой женщины носили длинные штаны («хеча») общекавказского типа. Они бытовали практически у всех народов Кавказа. Шились штаны широкими вверху и суживающимися книзу. Между штанами вшивался клин, в верхней части продевался шнур из прочных ниток («хуьнжар»). Как и рубаха-платье, штаны считались верхней и нижней одеждой. Женщины из более богатых, зажиточных семей носили штаны из дорогих привозных тканей (шелк, бязь, ситец, саржа и др.). В бедных семьях шили штаны из холщевой ткани местного производства. Нижнюю половину штанов, которая была видна из-под рубахи, иногда делали из дорогих цветных тканей, в зависимости от экономического положения семьи и вкуса хозяйки. Молодые женщины, в отличие от пожилых, носили штаны из более ярких тканей. Можно с уверенностью сказать, что описанный вид женских штанов, как и у многих народов северокавказского региона, является древним элементом традиционной жен-

ской одежды. До сих пор некоторые женщины пожилого возраста в горных районах Чечено-Ингушетии носят такие штаны.

Основным видом верхней распашной одежды вайнахских женщин был бешмет («Говтал»). Он встречается у многих народов региона и известен в литературе под названием «архалука».

Вайнахский женский бешмет был отрезным в талии, плотно облегающим фигуру, с глубоким воротом, без воротника, с расклешенной (от 4—5 до 9 клиньев) юбкой, доходящей до икр. Бешметы были тонкими или утепленными, с длинными, изредка короткими, рукавами.

Парадный, выходной бешмет шили из тканей ярких окрасок (красного, желтого и др.). Так, упоминавшийся ранее женский бешмет из sklepa № 9 сел. Оздик сшит из привозного красного полушелка, хорошо сохранившего цвет. Верхняя часть его была сделана по фигуре, нижняя расширялась с помощью боковых клиньев. Рукава короткие, до локтя, с разрезом («распашные»). Борта и подол простроены, подкладка домотканая.

Шились бешметы из различных тканей (привозных и местных). Дорогие ткани использовались богатыми женщинами, как в описанном случае. К горцам поступало достаточное количество привозных тканей из России, восточных стран (Ирана, Афганистана, Турции, Индии). Часть тканей попадала к горцам транзитными торговыми путями, проходившими через территорию позднесредневековых вайнахских обществ, в качестве платежей, а также даров и жалований. Привозные ткани, особенно восточные, отличались хорошим качеством, не линяли, долго сохраняя яркость цветов. Еще дореволюционные авторы отмечали мастерство ткачей восточных народов. Например, П. Зубов писал: «Персияне обладают тайною крашения шелка растительными веществами в таком совершенстве, что самые важные цвета: розовый, желтый и другие никогда не линяют» [19, с. 51].

Надо отметить, что привозные ткани ценились дорого. Были ткани, аршин которых стоил больше, чем все имущество крестьянского двора. Высокой стоимостью объясняется и бережное отношение к ним, что подтверждают многочисленные находки в skleпах фрагментов одежды, неоднократно подвергавшихся ремонту. До недавнего времени вайнахская девушка, выходя замуж, получала в составе приданого и маленькую сумочку («бохча») с кусочками разных видов тканей.

Сведения о том, что привозная ткань являлась предметом особой гордости даже в знатных семьях горского общества, имеются в вайнахском фольклоре. Так, в одной из героинко-эпических песен сказано:

...На закате золотом
В ездары расшитом пышно
В поясе таком богатом,

Что и всадника, и лошадь
Серебром украсить можно,
Братьев семерых сестра
Из дома с кувшином вышла...[20, с. 40].

В башнеобразном склепе чеченского сел. Коротх были встречены фрагменты верхнего женского платья из атласа с цветочным орнаментом. К сожалению, тип одеяния не устанавливается. Возможно, это также был «Гювтал».

Бытовали у горских женщин и бешметы с длинными рукавами, которые утепляли в холодную пору ватой или шерстью, а летом носили легкие, на одной подкладке.

Е. И. Студенецкая отождествляет бешмет и свадебный, праздничный костюм девушек-горянок — «Габали» (чеч.), «чукъи» (инг.). Это, на наш взгляд, не совсем верно. В XVII—XVIII вв. бешмет был основным видом верхней одежды вайнахских женщин.

Бешметы могли быть повседневными и праздничными нарядами. «Габали» — это праздничный, свадебный наряд, который невозможно было носить в холодное время без дополнительной теплой одежды, так как шился он из тонких тканей и никогда не утеплялся. Когда появились «Габали» в комплексе женской одежды, сказать пока трудно. Необходимо отметить, что нагрудные застежки — один из характерных признаков этого платья, встречаются в северокавказских древностях по крайней мере с XVII—XVIII вв. [12, с. 120; 21, с. 56—58]. Не исключено, что существовал отдельный от бешмета тип праздничного одеяния девушек «Габали», разновидности которых и описаны Е. И. Студенецкой.

Надо полагать, что кроме бешметов, женщины носили и другие виды верхней распахнутой одежды. Детальное изучение археологических материалов с привлечением этнографических данных, позволит в дальнейшем более глубоко рассмотреть этот вопрос.

Женская одежда дополнялась разнообразными головными уборами: от маленьких платков («йовлакх») до больших шалей («кортали» — «головной платок»), иногда с бахромой («чечакх») на концах. Головные платки изготавливались из местных (домотканая ткань, шерсть и т.д.) и привозных (шелк, атлас, ситец и др.) тканей. Большие шали служили в качестве защиты от холода. Делались они из домашнего сукна («маша»). Шали другого типа («бой») вяжались из серого козьего пуха. Шелковые шали, обычно привозные, были доступны лишь женщинам из зажиточных семей.

В XVIII — начале XIX в. увеличился приток готовых фабричных изделий, в частности, платков, из России, что явилось закономерным результатом усиления связей Чечено-Ингушетии с Россией. Так, например, в башнеобразном склепе сел. Цори (Ингушетия) был найден женский головной платок, изготовленный из хлопчатобумажной ткани. Он квадратный (0,95х0,88 м), темно-

коричневого топа, с набивной каймой по краям на лицевой стороне, с цветочным узором. Платок имел неокрашенную кайму, на которой было проставлено клеймо — «фабрики московской купчихи, вдовы Авдотьи Клементьевой» [12, с. 120]. По характеру письма сотрудники отдела рукописей ГИМа отнесли клеймо к концу XVIII в.

Среди головных уборов вайнахских женщин рассматриваемого времени особо выделялся роговидный головной убор знатных ингушек «кур-харс», подробно описанный нами в специальной статье [22, с. 104—114]. Избегая повторений, ограничимся лишь краткими общениями:

1) свидетельства очевидцев XVII—XIX вв. в сопоставлении с археолого-этнографическими источниками, позволяют считать доказанным, что «кур-харс» представлял собой специфический головной убор замужних богатых ингушских женщин;

2) в налицной ныне достаточно представительной коллекции «кур-харсов» выделяется два типа головных уборов, с существенной степенью вариабельности внутри них. Выделение типов мотивировано особенностями покроя, тканевого и иного оформления «кур-харсов»;

3) проблема происхождения и генезиса «кур-харсов» остается дискуссионной. Но определенные данные позволяют считать их порождением традиционной горской культуры, сформировавшимся под некоторым влиянием внешних (в том числе древнерусских) обстоятельств. Время массового бытования «кур-харсов» устанавливается в хронологических рамках XVII — нач. XIX в. Возникновение же этого своеобразного головного убора предположительно относится к первым векам II тысячелетия н. э.;

4) точная этимология термина «кур-харс» еще не установлена. Привлечение различных историко-этнографических и лингвистических данных позволяет осторожно предполагать, что в термине соединены разноязычные понятия «кур» (вайнахское «гребень», «прическа») и «харс»-«хорс» (древнеиранское «хварс» — «солнце», «огонь» — «солнечный гребень»). Особенности оформления и орнаментики «кур-харсов» дают возможность связывать их с культом солнца.

Конечно, эти выводы не исчерпывают всю сумму вопросов, возникающих при изучении «кур-харсов». Данная категория одежды нуждается в последующем исследовании, но уже сейчас полученные выводы в определенной степени уточняют и дополняют наши знания о материальной и духовной культуре вайнахов позднего средневековья.

Широко распространенным головным убором женщин почти всех народов Северного Кавказа, включая и вайнахов, была чухта [16, с. 93—102].

Чухта представляла собой форму удлиненного квадрата, полого внутри, сшитого из атласа, сатина или тонкой шерсти. Цвет — обязательно черный. Она почти полностью скрывала волосы женщин по своей длине, спускаясь на лоб и плотно завязываясь лентами. Поверх чухты надевали платок или шаль. Чухту до сих пор носят некоторые женщины в сельских районах ЧИАССР, объясняя это тем, что мусульманский обычай не позволяет женщине показывать волосы. Однако более близки к истине те специалисты, которые считают, что не следует связывать чухту с влиянием ислама. Ведь известно, что у многих народов, в частности, русских, женщины после замужества носили головные уборы, закрывающие волосы. По-видимому, этот обычай, как и многие другие, был освящен исламом, запрещавшим женщинам показывать волосы и центральную часть головы («хье юкь»).

Как и у всех народов Кавказа, немаловажную роль в женской одежде играли украшения. В памятниках средневековой эпохи прослеживается большое разнообразие женских украшений: халцедоновые, гагатовые, перламутровые, хрустальные, стеклянные бусы, бисер, золотые, серебряные, бронзовые височные кольца, серьги и подвески, браслеты и литые бронзовые бубенчики и др. [3; 4; 5; 6; 23; 24 и др.].

Как показывают археологические материалы, в Чечено-Ингушетию с давних пор поступали из Передней Азии, стран Ближнего Востока некоторые виды украшений, в основном бусы. Однако большинство украшений имеет местные истоки, генезис их прослеживается с древности, что свидетельствует о преемственности культуры и не исключает культурных влияний. Украшения изготавливались мастерами-ювелирами, искусно владевшими многими техническими приемами. Так как в XVII—XVIII вв. торгово-экономические связи преимущественно носили меновый характер, для украшения женской одежды использовались и привозные монеты. Они нашивались на женские головные уборы, отдельные детали верхнего платья, надевались на шею в виде ожерелья. Почти повсеместно горянки носили серьги разных форм. Иногда в уши вдевались по две и даже пять серег. На руках носили кольца и браслеты, на шею — различные ожерелья, цепочки.

Значительным разнообразием отличалась женская обувь. Распространенной, повседневной обувью женщин всех возрастов была обувь из сыромятной кожи («неГармачаш») со швами на носке и заднике. Чтобы нога не скользила при подъеме в горы, «неГармачаш» делали и с волосяным покровом на подошве. Их застилали соломой или мягкой травой, летом надевали под носки, чулки («пазаташ») из холстины или же на босую ногу, в холодное время под вязаные носки. Е. И. Студенецкая пишет, что в отличие от других народов Северного Кавказа, чеченцы носили вязаные из шерсти од-

поцветные или белые носки. Однако в башнеобразном склепе Коротха были найдены фрагменты вязаных носков с орнаментом из цветной шерсти, широко распространенных у народов Дагестана [25, с. 106—142]. Вероятно, подобные изделия были распространены и в горах Чечено-Ингушетии.

Как и у других народов Северного Кавказа, обувь и носки у вайнахов подразделялись на повседневные и праздничные, о чем свидетельствуют некоторые позднейшие источники. Так, например, Марграф в известном очерке о кустарных промыслах Северного Кавказа, имея в виду горцев Чечено-Ингушетии, писал: «Чулки изготавлиют двух родов: рабочие и праздничные» [26, с. 120].

Женский башмак был обнаружен в ауле Цой-Педе, в подземном склепе. Шит он из сыромятной кожи (буйволиная или воловья), со швами на носке и заднике, изготовлен из одного куска кожи. На подошве, посередине, имеется переплетение из ремней.

Другой вид кожаной обуви, близкий к аварским кожаным калошам, происходит из наземного склепа у селения Эбин (Ингушетия). Он изготовлен из нескольких кусков кожи: швы, в отличие от вышеописанного вида женской обуви, идут вокруг стопы, по обеим сторонам пятки. Имеются следы многократного ремонта.

Еще один вид кожаной обуви, найденной в склепе № 2 сел. Харпе (Ингушетия), изготавливался из сафьяна. Швы тонкой ручной работы, идут от задника по пятке, от носка вверх к подъему вокруг щиколотки.

Одной из распространенных форм женской обуви в Чечено-Ингушетии, как и на всем Северном Кавказе, были сапоги из кожи с короткими голенищами [27, с. 262].

Рассмотренные материалы свидетельствуют о разнообразии женской обуви XVII—XVIII вв. Чечено-Ингушетии, а также сходстве с обувью соседних народов Кавказа.

Одежда и обувь, головные уборы изготавливались вручную. Специализированных мастерских и центров по пошиву одежды, видимо, не было. В каждом ауле имелись свои искусные портнихи.

Языковед И. Ю. Алироев пишет, что все названия, связанные с шитьем, сводились к довольно ограниченной терминологии: шитье — «тобгуна», наперсток — «тIара»; нитка — «тай»; шерстяная нитка — «эханг»; шелковая нить — «чиллапан эханг»; клубок пряжи, ниток — «уьйриг»; катушка — «тендегич», «туьпалг»; ножницы — «тукар»; шило — «ю»; кройка — «бустам»; египетская иглолка — «мисармаха» [28, с. 77]. Почти все предметы с перечисленными названиями обнаружены при раскопках позднесредневековых некрополей.

Мы сделали попытку показать женскую одежду XVII—XVIII вв. на археологических материалах, привлекая данные других дисциплин. Конечно, эту проблему невозможно исчерпать в одной статье.

Более детальный и скрупулезный анализ, видимо, позволит в дальнейшем увидеть и другие грани данной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Л. П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре//Изв. ЧИНИИЯЛ. Вып. 1, т. 1. Грозный, 1959.
2. Семенов Л. П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал//Изв. ЧИНИИЯЛ. Вып. 1. Т. 2. Грозный, 1960.
3. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
4. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
5. Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII—XVII вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1970.
6. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977.
7. Виноградов В. Б. Первоочередная задача в изучении портняжного промысла у средневековых вайнахов//Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
8. Студенецкая Е. И. Одежда чеченцев и ингушей в XIX—XX вв.//Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
9. Даутова Р. А. Разведочные работы в горах Чечено-Ингушетии//АО—1975 М., 1976.
10. Даутова Р. А. Исследование средневековых памятников в горной Чечне//АО—1976 М., 1977.
11. Виноградов В. Б. Работы в горной Ингушетии//АО—1979 М., 1980.
12. Чаккиев Д. Ю. Исследование в горной Ингушетии//АО—1980. М., 1981.
13. Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии//АО—1982. М., 1983.
14. Чаккиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии//АО—1985. М., 1987.
15. Мамукаев Т. В. К этнографии и антропологии «Города мертвых»//Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Т. 36. Орджоникидзе, 1980.
16. Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1981.
17. Агаширицова С. С. Материальная культура лезгин XIX—начала XX в. М., 1978.
18. Абдулвахабова Б. Б.-А. Детская одежда вайнахов XVII—нач. XIX в. /по археологическим материалам///Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
19. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом и торговом отношениях. Ч. 1. Спб., 1834—1835.
20. Пили. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.
21. Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.
22. Виноградов В. Б., Абдулвахабова Б. Б.-А., Чаккиев Д. Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин (о парадном головном уборе «курхарс») //СЭ, 1985, № 3.
23. Даутова Р. А. К вопросу о датировке круглоплановых мавзолеев Чечено-Ингушетии//Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
24. Даутова Р. А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII—XVIII веков горной Чечено-Ингушетии//Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

25. Сергеева Г. А. Вязаная обувь народов горного Дагестана//Кавказский этнографический сборник. Т. 8. М., 1984.

26. Маргграф В. И. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.

27. Марловин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна//ДЧИ. М., 1963.

28. Алироев И. Ю. Название одежды в нахских языках//Вопросы филологии. Сборник статей преподавателей Чечено-Ингушского госпединститута, вып. 16, № 33. Грозный, 1970.

З. И. ХАСБУЛАТОВА

ОДЕЖДА В ТРАДИЦИЯХ И ОБЫЧАЯХ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В XIX — нач. XX в.

Как известно, одежда является составной частью материальной культуры народа и в ней в специфической форме отражаются национальные обычаи и традиции, коренящиеся в этнической истории, а также социальные отношения и некоторые другие элементы духовной культуры и традиционной идеологии того или иного народа (эстетические и этнические представления, верования и др.). Одежда может выступать в качестве показателя половозрастной, социальной, этнической, профессиональной, религиозной принадлежности человека и др. [1, с. 331].

В статье ставится задача определить функции одежды чеченцев и ингушей в системе родильных, свадебных, погребальных обычаев XIX — начала XX в.; а также и ряда других предметов, имевших специальное назначение (ткань, одежда — «коч», оружие — «шаьлта», пояс — «ддохка» и др.). В классической этнографической науке зачастую разделение культуры на материальную и духовную проводится условно, поскольку многие элементы человеческой деятельности одновременно являются результатами как духовного, так и физического действия [2, с. 50]. Поэтому, в данной работе одежда будет рассматриваться не только как часть традиционной материальной культуры вайнахов, но и как явление, непосредственно связанное с духовной жизнью чеченцев и ингушей, с их обычаями и обрядами.

При этом мы исходим из того, что к рассматриваемому периоду конца XIX — начала XX в. в значительной мере изменился сам характер обычаев и обрядов, в какой-то степени забылась магико-религиозная основа многих из них, и они стали носить в основном празднично-развлекательный характер, хотя тот или иной обряд все еще и выполнялся по традиции.

В публикациях ряда ученых и специалистов имеются материалы по одежде вайнахов периода средневековья: Л. П. Семенова [3], Е. И. Крупнова, [4], В. И. Марковина [5], М. Б. Мужухоева [6],

С. Ц. Умарова [7], Р. А. Даутовой [8], Б. Б.-А. Абдулвахабовой, Д. Ю. Чахкиева [9].

Е. Н. Студенецкая, специалист по одежде народов Кавказа, впервые в научном кавказоведении дала обобщающие сведения по одежде чеченцев и ингушей в XIX—XX вв. на основании оригинального полевого, архивного и других материалов, с привлечением сравнительного материала по соседним народам (осетин, народов Дагестана и др.) [10, с. 58—78]. Хотя и очень кратко, но некоторые сведения по одежде чеченцев и ингушей даны Б. А. Калоевым в книге «Народы Кавказа» [11, с. 362—364; с. 382—383].

Если одежда в той или иной степени рассматривалась как в до-революционной литературе, так и в работах советских исследователей, то проблема функции одежды в обычаях и обрядах вайнахов ставится в представленной статье впервые.

Первые исследователи народного быта чеченцев и ингушей [12; 13; 14; 15] обратили внимание на своеобразное использование ими одежды при исполнении обрядов и поверий. Так, чеченцы и ингуши, как и многие народы, верили, что магическими свойствами обладает каждая составная часть мужской и женской одежды, ее аксессуары. Женщины старшего возраста до настоящего времени считают, что янтарные бусинки предохраняют от сглаза и головной боли, что сердолик — камень счастья, а бирюза — девичий камень. Распространено мнение, что появление женщины с непокрытой головой в общественном месте или среди людей старшего поколения означало попрание принятых норм, а любую просьбу женщины необходимо удовлетворять при снятии ею головного убора («кортали тохар»). Эти примеры наглядно показывают роль одежды в традиционных обычаях и обрядах вайнахов.

Широко распространенным обычаем у чеченцев и ингушей, как и у многих других народов, было сокрытие времени наступления родов. В какой-то степени это явление сохраняется до сих пор, особенно среди сельского населения республики. Считалось, что чем меньше людей знает о родах, тем меньше роженица будет мучиться. В таких случаях беременная женщина носила широкое платье на кокетке — «лакхе тесна коч», покрой которого давал возможность в определенной степени скрывать беременность (хотя не нужно забывать и о рациональной стороне обычая — в широком, не стесняющем движения платье и самой женщине было удобнее).

Родившегося ребенка, как и у ряда других народов, и не только на Кавказе, но и у восточных славян, заворачивали в старую рубашку отца, чтобы он был здоров, не плакал и др. [16, с. 393]. Помимо охранительной магии, здесь следует видеть и рациональный момент — ношенные и стираные вещи мягче для нежного тельца младенца (кроме того, видимо, играл роль и запах родителей, успокаивающе действующий на ребенка). Для предохранения младенца

(особенно мальчика) от «сглаза» первую рубашку для него шили из лоскутков («бес-бесара цуьргех тегара») разных цветов, или же из рубашки отца (спинной части), причем ее сохраняли и отдавали впоследствии его новорожденному сыну — первенцу [17, 1987; 1988, карт. 6, 8; 18, с. 75].

Таким образом, с одеждой связывались и многочисленные представления о ее защитной функции не только от неблагоприятных условий среды, но и от разного рода сверхъестественных сил и существ, которыми воображение наших предков обильно населяло окружающий мир. В этих своих функциях одежда (особенно детская) тесно сливалась с амулетами и в некоторой степени с украшениями, воспринимаясь окружающими как целая система важнейших сакральных знаков. До настоящего времени некоторая часть сельского и даже городского населения для предохранения от «сглаза» красивого ребенка перевязывает его руку и кисти красной нитью или же использует дерево от айвы — «хъайбан дечик», разные амулеты от порчи, испуга и др. [17, 1987, карт. 3, 9].

Если же ребенок рождался в пленке — «сорочке» или «рубашке» — это считалось большой удачей и должно было принести человеку счастье в будущем. Как известно, эта примета являлась поистине универсальной, встречается и у других народов (в том числе и у русских).

Изношенные первые пеленки, рубашечки и платица сохранялись, не отдавались никому, оставлялись для следующего ребенка или же просто на память («безамна», «дика ду олура» — для памяти) [17, 1987, карт. 2], поскольку считалось, что вместе с одеждой как бы передавалось и счастье или здоровье хозяина одежды, за исключением одежды умершего. Но в том случае, когда отдавали или продавали одежду (имеется в виду ношенная одежда), то снимали с нее пуговицы, пряжки, другие принадлежности. Этот обычай сохраняется у людей старшего поколения вплоть до наших дней.

Детская одежда вайнахов не имела половых различий: дети, как правило, ходили в рубашках — «кучамаш лелайора» [17, 1987, карт. 2, 7]. Одежда в большинстве случаев переходила от старших детей к младшим или ее шили из старой родительской одежды. Некоторые изменения в одежде происходили в конце подросткового периода [19]. Объяснялось это тем, что возрастала активная роль подростков в хозяйственной жизни семьи. 14—15-летние мальчики в большинстве семей работали наравне со взрослыми, их даже называли кормильцами — «да-наний кхабалла хилла хьененахан кIант, цийнан дукъ тIеэцна цо» — сын такого-то повзрослел и уже может нести основную тяжесть (бремя) семьи [17, 1987, карт. 8]. Им уже шили традиционную мужскую одежду, причем качество тканей зависело от экономических возможностей каждой семьи.

Одежда девушек-подростков также имела элементы одежды

взрослых. В свою очередь; одежда совершеннолетней девушки отличалась от одежды девочки-подростка. Одежда, в том числе и детская, отличалась в зависимости от социального положения родителей. Так, в состоятельных семьях детей одевали как взрослых, а в бедных крестьянские дети имели «чистую» праздничную одежду.

Повседневная одежда вайнахских девушек или молодых женщин из простого народа по типу своего покроя походила на праздничную. Девушки и женщины из богатых семей одевались в роскошные платья «глабали», «цлога долу кучамаш», с серебряными поясами и нагрудниками, причем на праздничной одежде девушек из зажиточных семей во второй половине XIX в. можно было встретить царские золотые червонцы, и чем больше их было на costume, тем считалось престижнее. Одежда девушек или молодых женщин из простого народа изготовлялась из менее дорогих тканей, пояс делался матерчатым, а вместо нагрудных застежек края разреза расшивались национальным орнаментом или галуном. Рукава застегивались пулевидными пуговицами («вета») — из простой или серебряной нити.

Информаторы из села Асланбек-Шерипово рассказывали, что женщины старшего возраста носили бешметы — «гловтал». Шилась эта одежда следующим образом: из атласа делался верх, а из овчины — низ — «чу кхекхий тухура»; его обшивали мехом — «гу бокхий чо лацара». Женские платья бывали отрезные, присборенные — «юкь хабийна», «деха хабийна пхьош долуш» — с длинным присборенным рукавом, ворот с тремя пуговицами — «кхо нуьйда йолуш» (думается, что цифра три в прошлом имела какое-то магическое свойство, возможно, играя роль оберега). Праздничной одеждой, как мы уже отмечали, были длинные платья «цагарчий долу кучамаш», где косой клин вставлялся сзади от талии. Материал такой одежды привозился из Грузии («гюржийн дарий а, атлас а, бекист», «дарий» — шелк, «атлас» — атлас, «бекист» — батист).

В прошлом чеченки и ингушки покрывали голову платками «корттали», различающимися по материалу, качеству и цвету. «Корттали» бывали шифоновые, шелковые, шерстяные — «кIеда болу корттали». По сообщениям информаторов, женщины из богатых семей имели и «корттали» лучшего качества («хьал долчеран зударийн 7 иет болу кортталеш хилара, хирийн бойнаш хилара» — женщины из богатых семей имели платки с семью узлами»). Одевали платок так, чтобы один его конец спускался на грудь, другой закидывался назад. Пожилые женщины под платком помещали «чухту» — тип головного убора, плотно облежавший голову, с опускавшимся на спину мешочком, в который укладывались косы. У молодых замужних женщин из семей духовенства, носивших этот головной убор, мешочек не был закрыт и косы свободно опускались на спину. По

представлениям верующих, мусульманка за свою жизнь должна износить 5 таких головных уборов [17, 1988, карт. 13]. Подобный головной убор бывал в прошлом у некоторых народов Дагестана, например, кумыков [20, с. 236]. Этот тип головного убора связывают с запретом для женщин выходить с непокрытой головой, который налагал ислам, однако, такой обычай был распространен широко, в том числе и среди славянского населения.

Основная масса вайнахских девушек и женщин в летнее время покрывала голову мягким платком — «йовлакх».

Обувью у вайнахских девушек и женщин были чувяки, изготовленные из того или иного по ценности материала, в зависимости от экономического положения семьи. Девушки носили туфли на высоких каблуках, наподобие ботинок — «лехха кIажаш долу туфлеш хилара, мьяхьсеш а» — туфли на высоком каблуке, сапожки. Почти в каждой семье изготавливалась такая обувь как «кIархаш», «мачаш» — тапочки. Подобная обувь была и у народов Дагестана [20, с. 106—132].

По воззрениям вайнахов, обувь имела магическую силу, отголоски которой сохранились до настоящего времени. Так, ношеную обувь, по сведению информаторов, используют во вредоносной магии; старая ношенная обувь обладала и охранительной магией, ее использовали для предохранения от «сглаза», например, животных [17, карт. 9, 10].

Следует подчеркнуть, что на женском костюме, в отличие от мужского, гораздо ярче и раньше отразились новые веяния пореформенного периода истории народов Кавказа и России. Например, появление в моде медальонов привело к тому, что женское праздничное платье стали шить декольтированным. Полы «гIабли», рукава и воротник отделялись лебяжьим пухом и др. Заметим, что праздничное платье типа «гIабли» были и у других народов Кавказа — например, у кумыков [20, с. 234], осетин. С. Ш. Гаджиева даже предполагает, что этот вид платья народы Дагестана переняли у осетин, хотя возможно, что наоборот — последние — у вайнахов. Но тем не менее, появление такого вида женской одежды почти у всех народов Кавказа является следствием культурно-исторических взаимосвязей и взаимовлияний вайнахов с соседними народами: осетинами, дагестанцами, кабардинцами и др.

Традиционный женский костюм чеченок и ингушек (праздничный и выходной), как и мужской, не создавался из случайного набора отдельных вещей. Каждая часть костюма строго подбиралась по стилю, покрою, украшениям и цвету. «Чеченец одевается без всяких затей, все по мерке, все к месту и ничего лишнего. Сшитый из желтого или серого сукна собственного изделия чекмень или чуа, плотно и в обтяжку охватывает его гибкую талию; бешмет или архалук его бывает разных цветов, но летом преимущественно из белой ма-

терии. Чеченец носит суконные шаровары, суживающиеся внизу, а чевяки или мачи, приготовленные из сыромятной лошадиной кожи, составляют его обувь. Чевяки плотно охватывают ногу так, чтобы обрисовать ее — это щегольство» [12, с. 372].

В целом женская и мужская одежда отличалась строгостью и скромностью, несмотря на то, что в ней преобладали яркие цвета. Украшение одежды богатых вайнахских женщин и девушек галунами, золотым и серебряным шитьем соответствовало общему стилю одежды, в котором сочеталась строгость форм и цвета с изяществом, подчеркивающим фигуру женщины.

Обрядовую роль играла одежда и в обычае, связанном со свадьбой. Последняя — это веселье, коллективная игра с целым циклом обычаев и обрядов, следовавшими один за другим, причем их количество во многом зависело от социально-экономического положения той или иной семьи. Одежда засватанной девушки ничем не отличалась от повседневной или праздничной и никаких обрядовых функций не играла.

Обрядовую, «охранительную» функцию в свадебной одежде чеченок и ингушек в прошлом, как и сейчас, играл и играет ее цвет — белый. Магия белого цвета, чистого, светлого, «цвета невинности» хорошо известна и другим народам Кавказа, в том числе и русскому населению, что восходит к глубокой древности, означает цвет сакральных небесных светил — солнца, луны, звезд. Головной убор невесты (белый шарф — «кIай шифон», а у ингушек под шарф надевали и надевают до настоящего времени специальную шапочку — кий») в прошлом тоже играл какую-то обрядовую, ритуальную функцию, которая ныне забыта, но тем не менее сохранилась традиция — обязательно одеваться «как положено», «по обычаю».

Думается, что в основе известного горского обычая ставить невесту за занавеску «кIай кирхъа», который в некоторой степени до сих пор сохранился как среди сельского, так и отчасти и городского населения, лежали магико-религиозные действия «обманывающей» магии. Цель — предохранить невесту от действия чар, злых духов, козней шайтана и др. Происхождение этого обычая наши информаторы не знают и считают, что «так было положено», невеста, мол, должна была стесняться, не смотреть в глаза, быть скромной и др.

К подолу свадебного платья, как известно, прикреплялась новая, не бывшая в употреблении игла, связанная с магией замкнутого круга, так же как и традиция ношения девушками поясов. Думается, что «заклечение» девушки в круг поясом служило для нее своеобразным «оберегом» во время свадебного цикла, завершающегося «разрывом круга». Пояс и нагрудник «чъарпазаш», «добхкий-туйдаргаш», как показывают археологические материалы средневековых могилников, давно уже стали обязательными компонентами свадебного платья вайнахских девушек. Трудно согласить-

ся с тезисом Е. Н. Студенецкой о том, что «в отличие от других народов Северного Кавказа пояс не был необходимой принадлежностью женской одежды [22, с. 64]. Думается, что женский пояс имел охранительное значение и потому зачастую украшался полудрагоценными и драгоценными камнями.

Пояс играл важную роль и в мужском костюме. «Иза юкъ йи-хкина ву» — он повязал пояс — целиком отдался какому-либо серьезному делу. Опоясываться вайнахский юноша начинал, если он вел себя достойно и не имел физических и умственных недостатков, в 15 лет, а распоясывался в 65 лет (15—65 лет — возраст воина), после чего он уже не мог быть подвергнут кровной мести. Разумеется, у вайнахов, как и у других соседних горских и степных народов, с поясом были связаны какие-то ныне забытые магические обряды. Например, у славян (шире — индоевропейцев) существовал ряд верований о магической чудодейственной силе пояса, воспетой во многих русских былинах [23, с.234]. Показателен случай, сообщенный к. и. п. С. А. Хасиевым. Во время нахождения имама Шамиля в плену к нему явился посыльный с известием о рождении у Николая I наследника. Шамиль снял с себя пояс, на что никто не обратил внимания. Но когда Шамиля стали упрекать в том, что он якобы не обрадовался такому событию и не одарил гонца за радостную весть, он ответил, что разве мало обещания наследнику — быть союзником, а не врагом (снятый пояс, оказывается, и означал это).

В свадебной обрядности определенную роль играло приданое невесты, составной частью которого являлась одежда, а также постель и предметы домашнего обихода. Так, у ингушей одежда увозилась (да и сейчас увозится) в дом мужа вместе с невестой. Поверх приготовленных вещей специально клался отрез — «коч» (в прошлом это был отрез из шерсти «шал», подарок той, которая будет открывать сундук) наиболее уважаемой женщине или девушке со стороны жениха. Примечательно, что и у чеченцев, и у ингушей все вещи невесты внимательно рассматривались присутствующими — «нускалап бедаршка хъажар» — смотреть одежду невесты. Из них сестра мужа невесты или при ее отсутствии другие близкие родственницы могли выбрать любую вещь (платье, белье или же целый комплект одежды — «маьрийшас бедар харжара», «эцар, цхьа чкъор эцара» — выбор золовкой комплекта одежды) [17, 1987, карт. 4].

В настоящее время в большинстве случаев, особенно в городской среде, не берут одежду из вещей невесты, но тем не менее невеста добровольно выбирает наиболее подходящие вещи для одаривания родственниц мужа, что является «хорошим тоном» вайнахского этикета. Этим актом она как бы сближается, «роднится» с женщинами новой семьи, располагая их к себе. Если у мужа есть незамужняя сестра или дочь ее, то ей дарилось свадебное платье «Габали». Эти

обычай, как мы уже отмечали, сохранились у чеченцев и ингушей вплоть до настоящего времени.

Представляется, что с охранительной магией в прошлом отчасти была связана и частая смена одежды невестой. Одежда менялась в целях избежания порчи, дабы «отряхнуть» с себя напущенное колдовство. В настоящее время это забыто и информаторы говорят нам, «...чтобы невесту видели красивой, нарядной... нускал товш ду бедар сих сиха хуьйцаш хилча, Iедал ду иза». В течение первого года брака, т. е. до рождения ребенка, молодая женщина должна была постоянно менять одежду из своего приданого.

Вообще же до рождения первого ребенка невеста одевалась богато не только у вайнахов, но и у других народов Кавказа, например, у дагестанцев [24, с. 125].

Добавим, что у чеченцев и ингушей, как в прошлом, так и теперь считалось обязательным справить невесте комплект одежды «нускалан бедар хийца езара» — невесте необходимо было менять одежду. Видимо, это было связано также с магией предохранения, суть которой забыта, но сам обычай сохранился до настоящего времени. Какого-то определенного срока для приобретения одежды у вайнахов не было, хотя в первые годы замужества ее не приобретали. Возможно, в первое время замужества сохранялась «ритуальная» связь молодых со своими сверстниками по половозрастной группе: они постоянно бывали на вечеринках, свадьбах, участвовали в «белхи», оказывая всевозможные услуги парням и девушкам и т. д.

У ингушей подарки жениха для засватанной невесты состояли в основном из верхней одежды, обуви, украшений и др. Одаривали не только невесту, но и других членов ее семьи (мать, сестру) отрезами, украшениями, одеждой. Как мы уже говорили, большинство из подарков, видимо, имело не только практическое, но и символическое значение. Можно предположить, что обувь являлась символом привязанности будущей жены к дому мужа, посуда, которая должна была быть принесена обязательно невестой, у ингушей — символ изобилия и др. Важной составной частью приданого у вайнахов являлись постельные принадлежности, у ингушей обязательной была и обстановка для дома.

Важной составной частью головного убора невесты был шарф. платок «IаI шерa кортали» — из белого шелка. Согласно археологическим и другим материалам, у ингушек еще к началу XIX в. встречался особого рода головной убор — подобие изогнутого рога, суживающегося кверху и загибающегося спереди: сделан он из тонкого войлока, обтянут красной тканью, украшен перекрещивающейся перевязью и круглой выпуклой серебряной бляхой; старинное название такого убора «курхарс». У женщин волосы бывают заплетены в мелкие косы» [25, с. 51].

Видимо, в более ранний период одежда, как и головной убор «курхарс», являлись не только показателем социального и имущественного положения — «встречаются очень богато оформленные «курхарсы», из дорогих привозных тканей, с серебряными бляхами, серебряным и золотым шитьем, дорогими украшениями — осколками перламутра, яптарными бусинами, веточками кораллов, раковинами и другим, и в то же время откровенно бедные, покрытые сукном, и почти без излишеств» [26, с. 111], но и показателем ее семейного статуса.

Специальные головные уборы имели, как отмечали иностранные путешественники, вдовы [27, с. 84—117], которые отличались от головного убора других женщин (замужних или бывших замужем и желающих снова выйти замуж — «жеро»).

Следует подчеркнуть, что у вайнахов любой обряд, связанный со свадьбой или другими важными событиями семейной жизни, не совершался без головного убора (как у мужчин, так и у женщин). Поэтому потерять, например, шапку или платок считалось плохим предзнаменованием, а ношенный платок или шапка никогда не давались. Кстати, считалось плохой приметой, если молодая женщина или девушка теряла что-либо из нижнего белья, поскольку потерянное якобы могли использовать в обрядах вредоносной магии.

Как и все народы Кавказа (дагестанцы, кабардинцы, балкарцы и др.), вайнахи носили шапку постоянно, снимали ее только, когда ложились спать. Шапка являлась олицетворением мужского достоинства, покушение на нее, сбивание головного убора наземь вызывало непрощаемую обиду.

Кстати, у вайнахов считалось неприличным не выполнить просьбу мужчины или женщины, которые «нижайше» просили об этом, сняв платок или шапку. В то же время, к такой просьбе прибегали крайне редко (особенно мужчины), поскольку говорили: «мол, это сделано битьем шапки» — «кера куй тьохна динера и гIулкх». Известно, что женщина могла остановить ссору и даже кровомщение снятием с головы платка. Кроме того, старая уважаемая женщина селения или мужчина могли послать головной убор для медиаторской цели, и их просьба всегда удовлетворялась [28, с. 127].

Говоря об одежде, связанной со свадебной обрядностью, следует упомянуть и о ряженных на свадьбе. Это сложное явление, характерное для многих народов мира, требует специального исследования, что не входит в задачу данной статьи, но кратко остановиться на нем все же следует, поскольку оно частично связано с ритуальной функцией одежды. На свадьбе рядились, согласно нашим полевым материалам, обычно мужчины. Они надевали на себя вывернутые мехом наружу шубы — «кетар», ватные штаны — «аьхна хечеш», мазались сажей, красились и др. В свадебном ряжении соединились как игровые, развлекательные моменты, носившие бытовой

характер, так и древняя «языческая основа», видимо, восходящая к магии плодородия и культу предков.

Примечательно, что в настоящее время среди подавляющей части населения республики обычай ряжения на свадьбе не сохранился, хотя информаторы с интересом рассказывают о нем, помнят многие свадьбы, на которых бывал он, и др.

Разнообразные функции играл у чеченцев носовой платок. Он служил одним из распространенных видов залога, которым обменивались парень и девушка. Вайнахские девушки дарили его своим партнерам во время свадебного веселья, вечеринок, встреч у родника и др. А ингушские девушки преподносили его не только возлюбленным: в празднование уразы — «марханаш достуш» — любой мужчина, посетивший дом, в котором была девушка, получал в подарок носовой платок и кисет. У чеченцев невестка по возвращении из родительского дома — «ден цIеьера цIа еача» — также одаривала платками молодых людей. Это еще раз доказывает, что носовой платок играл в обрядности магическую роль соединения, расположения и др. [17, 1988, карт. 4,5].

Определенную функциональную направленность одежда носила в погребальной и поминальной обрядности вайнахов. Она отличалась характером покроя, способом изготовления, материалом, цветом и др. К предсмертным приготовлениям относилось собирание и изготовление смертной одежды при жизни, а также обычай выбирать место на кладбище, молиться о душе и «легкой» смерти. У нас нет материалов, свидетельствующих, с какого возраста начинались такие приготовления, информаторы этого не знают и считают, что чем больше человек думает о своей смерти, тем лучше [17, 1988, карт. 7, 8, 10].

По народной традиции каждая вайнахская женщина с приближением старости собирала «одежду на смерть» («кIай киса, бекIет» — белый материал, батист). В большинстве случаев этим занимались женщины, умеющие шить погребальные вещи: рубашку, ~~платочки~~, чулки и др. Шили такую одежду особыми приемами, покроем она отличалась покроем, швами, на ней не делали узлов, ~~покроем~~ ~~покроем~~ только полами иглами. До сих пор женщины старшего поколения говорят, что «если не приготовиться к смерти, односельчане скажут: моя, думала, что не умрет» — «цкIаа ша лийр яц моIтун мIлла кIуна». Обычай приготовления смертной одежды известен не только у народов Кавказа, но и у других, например русских [29, с. 70—74; 30, с. 85—93].

Материал для одежды и савана — «марчо» женщины приобретали на средства сына. Если умирала девушка, то на нее надевали свадебное платье — «ГIабали». Это имеет сходство с древнеславянским, а шире — индоевропейским обычаем «свадьба по смерти».

Головной убор покойника у вайнахов был похож на чалму. В

прошлом мужчину, убитого в бою, хоронили в той же одежде, в которой он погиб. При выносе умершего мужчины его тело накрывали буркой — «верти», а женщины — зеленым одеялом или же большим платком — «кӀинжа йиллина кортали».

Траурная одежда родственников покойного имела свои особенности. Так, для близких родственников она шилась из черной ткани, широкого покроя с длинными рукавами (качество материи зависело от состояния семьи). Жена, сестра, дочь обязательно надевали черный платок, снимали украшения, не делали прически и др. Для дальних родственников было допустимо ношение любого цвета помимо слишком яркой, цветной одежды. У мужчин не было специальной траурной одежды.

В рассматриваемое время у вайнахов приезжавшие на похороны мужчины должны были быть без оружия, распоясанными (о роли пояса говорилось выше), женщины снимали нагрудники и серебряные пояса.

В течение определенного времени (от 7 до 40 дней, иногда — до года) одежду умершего оставляли нетронутой на тех же местах, где его застигла смерть, затем ее собирали, стирали, чистили, если в этом была необходимость и раздавали. Лучшую дарили тем, кто готовил покойника или покойницу к погребению. Как правило, часть отдавали мулле и чтецам корана. Исключение составляли шапка и шуба — «куй кетар», которые не должны были попасть в сторонние руки.

Одежда и прическа вайнахов (особенно у женщин) являлись показателем половозрастной дифференциации, свидетельством семейного положения носителя. Обряды, связанные с переряживанием, являлись магическими способами трансформации человека в другой условный образ (при этом одежда играла ведущую роль), который приобретал иные функции и вместе с тем открывал возможность отступать от обычных норм поведения. Символика ряженья, которая в XIX — начале XX в. пошла в основном развлекательное действие, видимо, в прошлом была более многозначна; в его основе сочетались элементы продуцирующей, апотропеической и карногиической (изгнание духов) магии.

Существенна роль одежды, и заменяющих ее отрезков («коч») и в обрядах, которые относятся, как нам представляется, к контактной магии или магии соединения, при взаимообмене подарками на свадьбе и других взаимопосещениях. Видимо, с ней можно связать упомянутый выше обычай обязательного одаривания невестой сестры мужа («маьрийша») комплектом одежды. Помимо сестры или сестер мужа, невеста одаривала своими вещами и других близких родственников мужа. Исследователи отмечают, что подобная магия контакта бытовала в прошлом и у восточнославянских народов [30, с. 128]. Магия контакта у вайнахов проявлялась также и

аккуратной, красивой одежде. Видимо, кроме функции эстетического и престижного, а также охранительной магии, одежде была присуща и определенная символика плодородия, поскольку нарядностью и особыми чертами отличалась одежда невестки до рождения ребенка.

Вайнахские женщины (да и не только женщины) в первую очередь старались одеть детей при общественных и семейных праздниках, если не во все новое, то хотя бы платье для девочки и рубашку для мальчика. По мере возможности обязательно старались одеться во все новое при посещении свадьбы, на новый год «керла шо долалуш», при праздновании осенних или весенних праздников и др. Возможно, что в прошлом это имело охранительное значение, но впоследствии забылось, как забылась и сама охранительная магия. Нам представляется, что одевание новой чистой одежды в определенных случаях (свадьба, общественные праздники и др.) имело символическое значение и смысл и, безусловно, должно было соответствовать нравственной чистоте человека, необходимо было представлениям вайнахов, при выполнении ими некоторых обрядов (при посеве, пахоте и др.).

К сожалению, не все этнографические материалы дают нам толкование отдельных обрядов. Так, например, трудно понять функции ряженого в лохмотья человека, который появлялся на свадьбе (помимо его чисто развлекательного облика). Возможно, он олицетворял зло, которое побеждалось добром и становилось тем самым жалким, а возможно, за этим образом скрывалось какое-то забытое сакральное значение. В целом же материалы о роли символики одежды у чеченцев и ингушей показывают их большое сходство не только между собой, но и другими народами Кавказа.

Таким образом, подводя итог вышесказанному и обобщая данные наших полевых исследований и других материалов по XIX — нач. XX в., можно говорить об одежде со всеми сопровождающими ее аксессуарами и атрибутами, как о важной материальной части компонентов вайнахских обычаев и обрядов. Как видим, одежда выполняла главным образом экономические, социальные, а также эстетические функции: в обрядах же она имела еще и магико-символический смысл.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Норденштамм И. И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала. 1940.
- 2 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. 1973.
- 3 Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1933 гг. Грозный, 1963.
- 4 Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- 5 Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна//Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

6. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.
7. Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVII вв. Грозный, 1970. Рукопись канд. дисс. Архив ЧИНИИИЭСФ.
8. Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии//АО—1982, М., 1984.
9. Абдулвахабова Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю. Одежда чеченцев и ингушей в XVII—XVIII вв. Грозный, 1988.
10. Студенецкая Е. Н. Одежда чеченцев и ингушей в XIX—XX вв.//Новое и традиционное в культуре и быту Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
11. Калоев Б. А. Чеченцы. Народы Кавказа, I. М., 1960; Ингуши. М., 1960.
12. Семенов Н. Чеченцы. Этнографические очерки. Спб., 1881.
13. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, Спб., 1981.
14. Иваненков Н. С. Горные чеченцы//Терский сборник, вып. 6., Владикавказ, 1910.
15. Грабовский Н. Ф. Ингуши (Их жизнь и обычаи). Вып. 9, Владикавказ, 1876.
16. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.
17. Полевые материалы историко-этнографических экспедиций Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, проведенных автором в 1980—1988 гг. самостоятельно и совместно с историко-этнографическими экспедициями кафедры этнографии МГУ по разным районам Чечено-Ингушетии.
18. Хасбулатова З. И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом//Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
19. Начало подросткового периода наступало в среднем в Чечне и Ингушетии в 8—9 лет, а к 14—15 годам он завершался, т. е. дети становились совершеннолетними.
20. Гаджиева С. Ш. Кумыки, М., 1961.
21. Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
22. Студенецкая Е. Н. Одежда чеченцев и ингушей в XIX—XX вв.//Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
23. Древняя одежда народов Европы. М., 1986.
24. Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1984.
25. Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1974.
26. Виноградов В. Б., Абдулвахабова Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин (о парадном головном уборе «кур-харс») //СЭ, № 8, М., 1985.
27. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974.
28. Саидов И. М. Этнографические заметки (досоветский период)//Известия. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964.
29. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядной жизни русской общины в XIX—начале XX в. Л., 1988.
30. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX—начала XX в. М., 1984.

С. А. ХАСИЕВ

ОРУДИЯ ТРУДА В ПОЛЕВОДСТВЕ ВАЙНАХОВ (XIX — начало XX в.)

Как известно, преобладающее большинство населения дореволюционной Чечни и Ингушетии было занято в сельском хозяйстве,

в основном — в полеводстве. Поэтому изучение орудий труда, применявшихся в зерновом хозяйстве, как одной из сторон развития производительных сил обществ, имеет важное значение. При этом в основном рассматриваются орудия горной зоны, во-первых, из-за того, что там орудия сохранились в большей «чистоте», чем на плоскости, и, во-вторых, на этом фоне лучше прослеживается динамика новаций, происходивших в рассматриваемое время, особенно с 70—80-х гг. XIX в., с такой интенсивностью, как никогда раньше.

Неверно было бы останавливаться только на описании одних орудий труда, так как это не дало бы полного представления о процессе производства. Поэтому параллельно для полноты и ясности мы приводим приемы и методы их повседневного использования.

В связи с тем, что о пахотных и других орудиях воздействия на почву мы уже писали в ряде специальных статей, то представляется возможным опустить здесь историографический раздел, который там приводился достаточно подробно [1; 2; 3].

Следует отметить, что изучение вайнахских орудий труда и вообще вопросов хозяйства в прошлом — дело чрезвычайно сложное и трудное: отсутствует литература с подробными описаниями, их нет и в музейных фондах, а в повседневной жизни эти орудия давно не применяются, с переходом на механизацию сельскохозяйственных работ. Поэтому главным и единственным источником по восстановлению их остается полевой материал, собранный автором по всем районам республики в течение последних 20 лет.

Автор ставит перед собой задачу завершить настоящей публикацией изучение вайнахских орудий труда и средства производства в полеводстве XIX — начала XX в.

Орудия подсеки. Подсечное земледелие вайнахов за многие века своего существования выработало орудия различных видов, отличавшиеся своими конструктивными данными в зависимости от объектов применения [4, с. 43]:

- 1) топоры для подрезания коры;
- 2) топоры для рубки твердых пород деревьев;
- 3) топоры для рубки мягких пород деревьев;
- 4) орудия для рубки корней при раскорчевке;
- 5) маленькие топоры для подсобных работ, используемые при подсеке.

Первые четыре типа топоров, независимо от их конструктивных данных и объекта применения, назывались в пареде термином «диг», кроме одного вида, который именовался «хьаст». Последний пятый тип назывался «джоммарI».

Первый тип представляет собой орудие с пластинчатым лезвием с короткой или средней длины ручкой. Это серповидное орудие с

утолщенным концом и короткой ручкой* отличается от всех прочих тем, что им работали одной рукой, тогда как все остальные типы орудий приспособлены для работы обеими руками. К сожалению, дать размеры его мы не можем, так как данные информаторов различных районов разноречивы.

Разновидностью этого типа является орудие серповидной формы с деревянной ручкой и обухом («бюста»). Топорище «дага» средней длины. Известно, что начинали работу этим видом орудия только после весеннего равноденствия и работали до летнего солнцестояния, как выражаются в народе, «когда солнце растет». Есть еще одна разновидность, аналогию которой мы находим у черноморских шапсугов; но у последних она меньше размером. Этим орудием срезали кору на стоящих деревьях и срубали мелкую поросль.

Второй тип отличается своей массивностью, клиновидным лезвием и длинным, толстым топоричем. Ширина лезвия 10—16 см, при длине 16—17 см и более. Этот тип топоров приспособлен для работы с твердыми породами деревьев [6, с. 98].

Третий тип применялся в основном для рубки мягких пород деревьев (липа, тополь, ольха и др.). Лезвие у него широкое, пластинчатое. Длинное топориче слегка опускается вниз к концу, как и у второго типа.

Четвертый тип орудий хотя и представлен разными формами, но объединен нами по способу применения, т. е. подрубания откопанных кореньев. Данный тип подразделяется на три вида.

Первый вид «хьаст» представлял собой длинное узкое лезвие, насаженное на конец прямой ручки. Этим орудием подрубали нетолстые корни, расположенные под незначительным слоем почвы. Работали орудием как ломом, опуская «хьаст» с силой вниз на коренья.

Второй вид «диг» по внешним признакам напоминает разновидность топора второго типа. Отличает орудие характерная ручка, несколько приподнятая к концу вверх. Это диктовалось тем, что орудием подрубали корни, находившиеся в яме.

Третий вид, видимо, представлял собой некое подобие кирки, но вместо округленного конца «злок» у него было топовидное лезвие (рис. 1, 3). «Дикаберг»//«динаберг» — так называлось это орудие, сочетающее в себе мотыгу с топором (рис. 1, 4) [7, с. 12; 8, с. 44; 9, с. 113].

Пятый тип — «джоммагI» представлял собой легкое орудие, как бы игрушечный топорик, который использовался для подсобных работ: им делались зарубки на деревьях (отмечая участок под вырубку), срубали ветки на сваленных деревьях и др. «ДжоммагI» широко применялся в хозяйстве и быту.

* Рисунки воспроизведены на стр. 98 сборника сектора: Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии — Грозный, 1987.

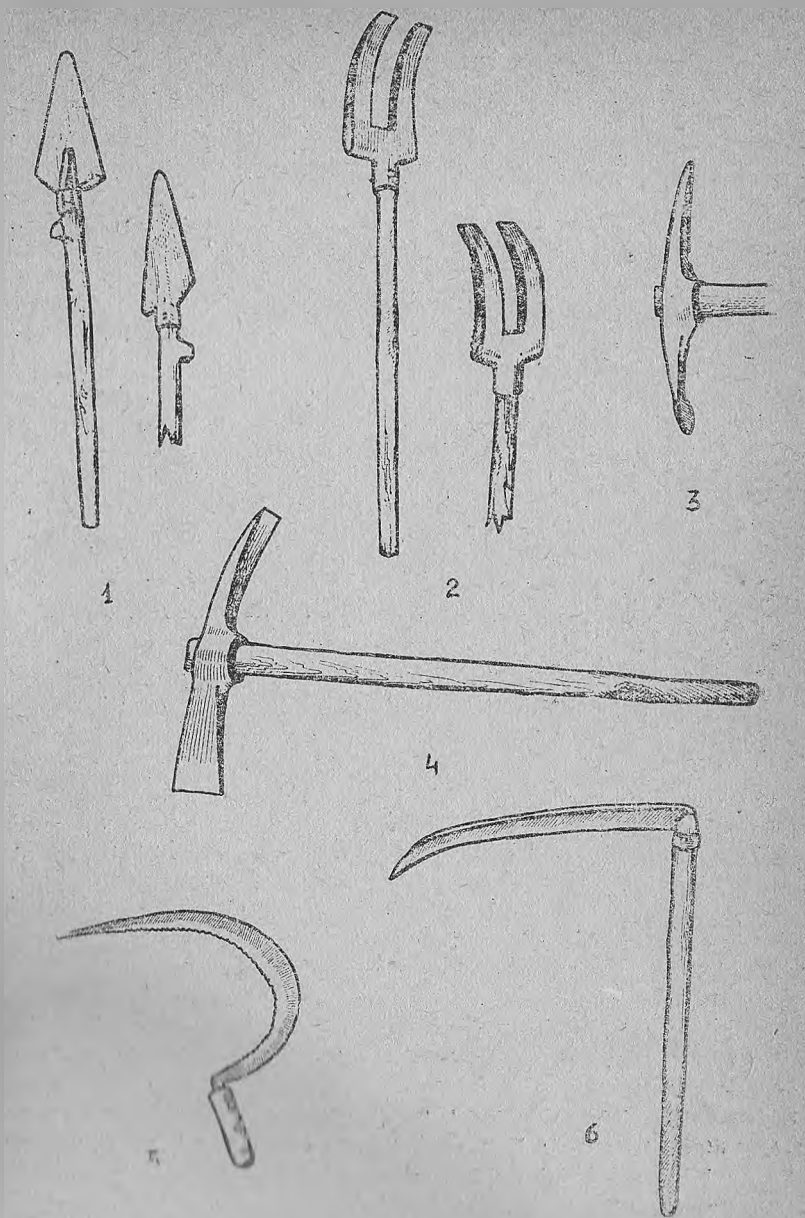

Рис. 1.

1 — бел (заступ с одним плечиком и опорной пяткой); 2 — шалго бел; 3 — зтокберг (кирка); 4 — дыкаберг (сочетание топора с мотыгой); 5 — марс (серп); 6 — мангал марс (коса для уборки хлеба)

К этой же категории орудий, использовавшихся в подсечной системе земледелия, следует отнести различного рода орудия, которыми обрабатывали почву вручную, сразу после очистки участка из-под леса. К таковым прежде всего относится массивный заступ с толстой ручкой и одним левым плечиком [10, с. 7; рис. 1, 1]. Его применяли на только что освобожденных от кустарников участках. Края его были чуть выгнуты вперед, тогда как вершина клинообразной рабочей части незначительно отогнута назад. Это помогало освободить заступ, если он застревал в корнях. При этом не приходилось тратить особые усилия на вытаскивание застрявшего лезвия, как это делалось с обычными орудиями. Работающий лишь сильнее, чем обычно, тянул ручку к себе, и орудие выскакивало из корней. У этого заступа, в отличие от других видов, над самой втулкой, куда входит ручка, отходило вправо и назад деревянное ответвление длиной 10—12 см. Оно заканчивалось утолщением, что помогало при вскапывании увеличить площадь опоры.

При работе заступ позволял укладывать пласты, переворачивая их как по горизонтали, так и по вертикали. Это удавалось благодаря рычажному действию ответвления и чуть заметному повороту ручки заступа вокруг своей оси вправо.

Еще одной разновидностью заступа был «бел», который имел два опорных отростка, расположенных выше плечика сзади.

Увидев впервые такой заступ, мы были удивлены, обнаружив у него опорную пятку. Оказалось, что этот заступ характерен для периода перехода с деревянного заступа на металлический.

Заступ, известный вайнахам под названием «шалго бел» (дословно — двойной, раздвоенный «бел»), состоит из двух массивных, выгнутых дугообразно вперед металлических лопастей (рис. 1, 2). Так же, как и предыдущий вид заступа, «шалго бел» применялся на свежерасчищенных из-под леса участках. Он зафиксирован нами в высокогорье, где тонкий плодородный слой почвы террасовых полей вперемешку с камнями трудно было обрабатывать другими видами орудий [11]. Благодаря ковшевидной выгнутости орудие не уходило далеко в почву, а только подхватывало ее сверху большими кусками. При работе на «ирзу» умышленно незаостренные концы лопастей скользили по корням, а наличие свободного пространства между ними давало орудию возможность перемещаться среди кореньев.

П. И. Знаменский отмечал, что при обработке почвы чеченцами там, где нельзя пустить плуг, «не изжита еще мотыга» [9, с. 113; 12, с. 67]. Ее использовали наряду с «бел», не только на расчищенных из-под леса участках, но и на крутых склонах гор или на слишком маленьких террасных участках, там, где не проходило пахотное орудие.

Одной из разновидностей мотыг была тяжелая узколезвийная,

распространенная в основном в горах. Ширина лезвия составляла 8—10 см, в зависимости от ее длины. Известна эта мотыга под двумя названиями — «берг» (досл. — копыто), «каза» — (досл. — коза).

Средства высева семян. Орудия или средства, которые использовались для высева семян, не отличаются многообразием и оригинальностью. Исходя из материала, они делятся на три вида: 1) деревянные 2) кожаные 3) матерчатые.

Ингуши Джерахского ущелья высевали из переметной сумы, а плоскостные — из продолговатой корзины с дощатым дном.

В горах Чечни орудием высева служила, по рассказам стариков, шкура черного козла или барана, снятая целой. Такую сумку носили, подвесив через правое плечо, обязательно головой и спиной вниз.

У горных чеченцев зафиксированы специальные переметные сумы с вырезом для головы — «качалг». Последнюю никто не должен был видеть пустой, так как это считалось плохим предвестником будущего урожая, тем более, если глянет на нее человек с «дурным» глазом. Иногда, чтобы подобный человек даже не думал, что в «качалге» нет семян, внутри делались косые дольки, где постоянно держались семена. Ее не могли дать в чужие руки — «беркат довр ду» (досл. — потеряется изобилие, достаток).

«Качалг» обязательно должен был быть с вышивкой цветными (желтыми или красными) нитками по зеленому или синему полю. Особенно выделялся огромный желтый диск «хьоккам» (досл. — хлеб, лепешка). По-видимому, здесь налицо культ солнца, так как сеяльщик с восходом солнца должен был становиться к нему левым боком, так чтобы лучи солнца смотрели на «качалг», и с молитвой бросать семена навстречу лучам.

Об орудиях ухода за посевами писали в одной из предыдущих статей [12], поэтому перейдем к орудиям следующего цикла посевных работ в зерновом хозяйстве.

Орудия уборки и средства доставки. Орудия жатвы не отличаются у вайнахов особым многообразием, но и в этих обычных для земледельческих народов мира орудиях найдены простые и эффективные решения.

Основным средством жатвы с древнейших времен был серп «шар» со скопом на лицевой стороне и односторонней насечкой «шархон» в сторону ручки (рис. 1, 5). Своим менее завернутым концом он несколько отличается от ныне распространенных заводских, которые стали проникать к вайнахским земледельцам в 70-е годы прошлого столетия и особенно распространение получили в последние десятилетия. Информаторы объясняют, что форма жатвенного орудия походил на ежом («зу»). Он имел вид кривого ножа наподобие длинного пера — «сакх» из петушиного хвоста [15; 9, с. 144].

Скос на лицевой стороне серпа, т. е. сверху, делался для того, чтобы лезвие не поднималось во время работы по соломе вверх и не резало пальцы жнецов. У осетин, например, употреблялись специальные напалечники из рогов животных [14, с. 79], что, естественно, снижало производительность труда.

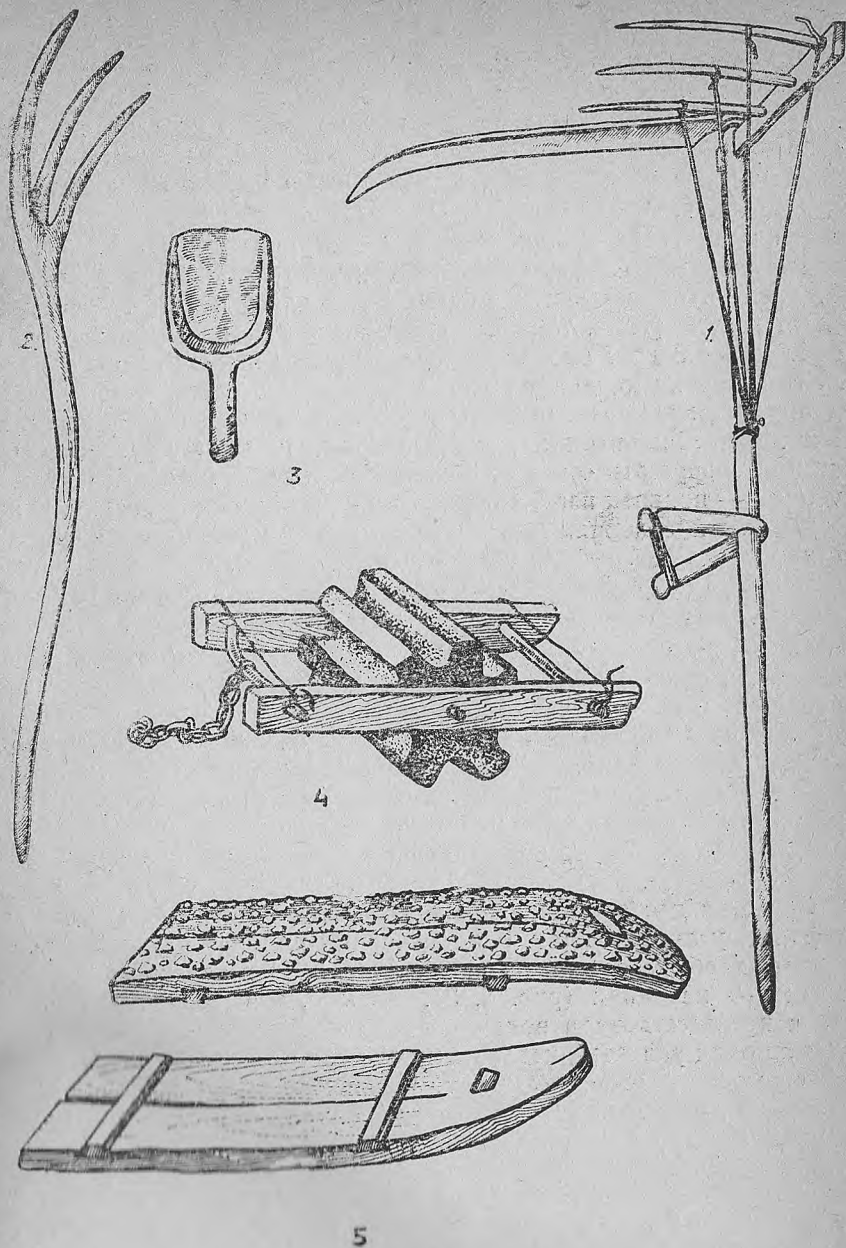
Особенно много порезов бывало у жнецов во время уборки кукурузы. Чеченцы нашли оригинальное решение этой проблемы — повернули винтообразно вниз лезвие серпа от ручки к длинному, менее загнутому концу серпа. Угол отклонения лезвия от основной плоскости серпа у ручки был меньше, чем на его конце, что давало возможность жнецам не опасаться за свои пальцы, так как острие серпа отклонялось от первичного среза на незначительное расстояние [15].

Большой интерес представляет орудие «шинакъа//чИнакъа», аналогии которому сохранились до нового времени только в Грузии (известен под термином «шнакви») и у басков на Пиринейском полуострове [16]. В рассматриваемое время у чеченцев оно использовалось для сбора семенного зерна. Орудие состояло из перегнутой вдвое метровой палки из белой лещины. На месте сгиба палка вырезалась на 3/4 толщины с таким расчетом, что получалось отверстие. Вдоль всей длины палки на месте соприкосновения с лицевой стороны делался желобок — «чхо». Сквозь соединенные вместе палки вырезали или выжигали по вертикали отверстия такого диаметра, чтобы через них проскальзывала отдельная соломина, а зерна с колосьев оставались в желобке. Внизу отверстия прикреплялся маленький матерчатый мешочек, куда собиралось зерно. В него помещалось три жмени или одна пригоршня зерна — «цхъа кана». Затем семена пересыпались в более емкий мешок. Работали орудием правой рукой, обязательно приподнимая концы. «ЧИнакъа» из сырого дерева, срезанного в зимний период «чилла», до полной готовности проходил целый цикл технологических операций, и в результате приобретал вид пружинных традиционных ножниц для стрижки овец.

Существовала в XIX — начале XX в. и другая разновидность серпа под названием «мангал-марс» (досл. — коса-серп). Как правило, это лезвие уже вышедшей из употребления косы, приспособленное для уборки хлебов. По своей форме оно напоминало косу, только уменьшенного размера (рис. 1, 6) и встречалось повсеместно [17, с. 54; 18, с. 29].

Вообще косить хлеб считалось делом предосудительным, и к нему прибегали лишь в том случае, если из-за погодных условий или разного рода болезней он недозревал и скашивался на корм скоту.

Заводская коса, так называемая литовка, известна вайнахам с конца прошлого столетия, но для жатвы хлебов, с приделанной стойкой для валка, ею стали пользоваться на равнинных полях с

5

Рис. 2.

1 — коса-литовка; 2 — шада (деревянные вилы); 3 — пешк (орудие для веяния зерна); 4 — тлю (молотильный каменный каток); 5 — балба (молотильная доска)

начала нашего века (рис. 2, 1). В то же время появились у отдельных зажиточных жителей и конные жатки.

Орудия жатвы, немногочисленные по своему составу, но с очевидными признаками этнических особенностей, различались приемами уборки не только между отдельными народами, но и внутри вайнахской среды.

В большинстве районов Чечни и Ингушетии после жатвы снопы на поле перекладывались по нескольку раз. Первая укладка, независимо от количества снопов, называлась «оьс», что созвучно с кумыкским [19, с. 75]. В различных районах в «оьс» насчитывалось от 3 до 7 снопов, но способ укладки был разный. Так, в с. Урус-Мартан на два уложенных на землю снопа «цЮов» третий укладывался поперек, причем колосовая часть всегда обращалась на юг. В сел. Гильны, Центорой, Валерик, Пседах и у ауховцев было принято сооружать «оьс» из 4 снопов — первый на землю, два следующих — поперек него, а последний — между ними сверху. В качкалыковских селениях «оьс» укладывался крестом — колосьями внутрь.

Через несколько дней просушки «оьс» собирали в «гIама». Как правило, он состоял из 21 снопа, тройками уложенных колосьями внутрь. В рассматриваемое время «гIама» в некоторых селениях имел вид стенки, из сложенных друг на друга снопов, длиной в 1,5 «пхьагIат» и высотой чуть выше человеческого роста.

Через некоторое время по три «гIама» свозились вместе и сооружалась копна «литта». Здесь снопы укладывались колосьями внутрь. Литта простаивала на поле до вывоза на молотьбу. Вывозилась она с поля за один раз. Если по какой-то причине задерживались с обмолотом, то рядом с током из трех «литта» сооружались стога — «хола».

Средства доставки сжатого хлеба были приспособлены к ландшафтным условиям края. В плоскостных районах сжатый и просушенный хлеб вывозился на арбах (рис. 3, 1) и телегах «хIурго», в горных — на саях (рис. 3, 3). Видимо, этим средствам вывоза хлеба предшествовала волокуша — «леза», так как вывозимый с поля за один раз хлеб, независимо от вида используемого транспорта, называется этим термином. Обязательным атрибутом «леза» был шест — «лезана гIуркх», которым сверху при помощи веревок и ремней придавливался вывозимый хлеб.

Вышеперечисленные средства доставки хлеба не были единственными в пределах края. Поля в некоторых горных районах располагались на таких кручах, куда не мог подняться даже осел с парой корзин. В таких случаях несколько снопов связывали вместе и на ремнях опускали вниз. Если же круча была слишком высока, то, связав несколько снопов, их скатывали вниз.

Самым древним способом молотьбы зерна было использование

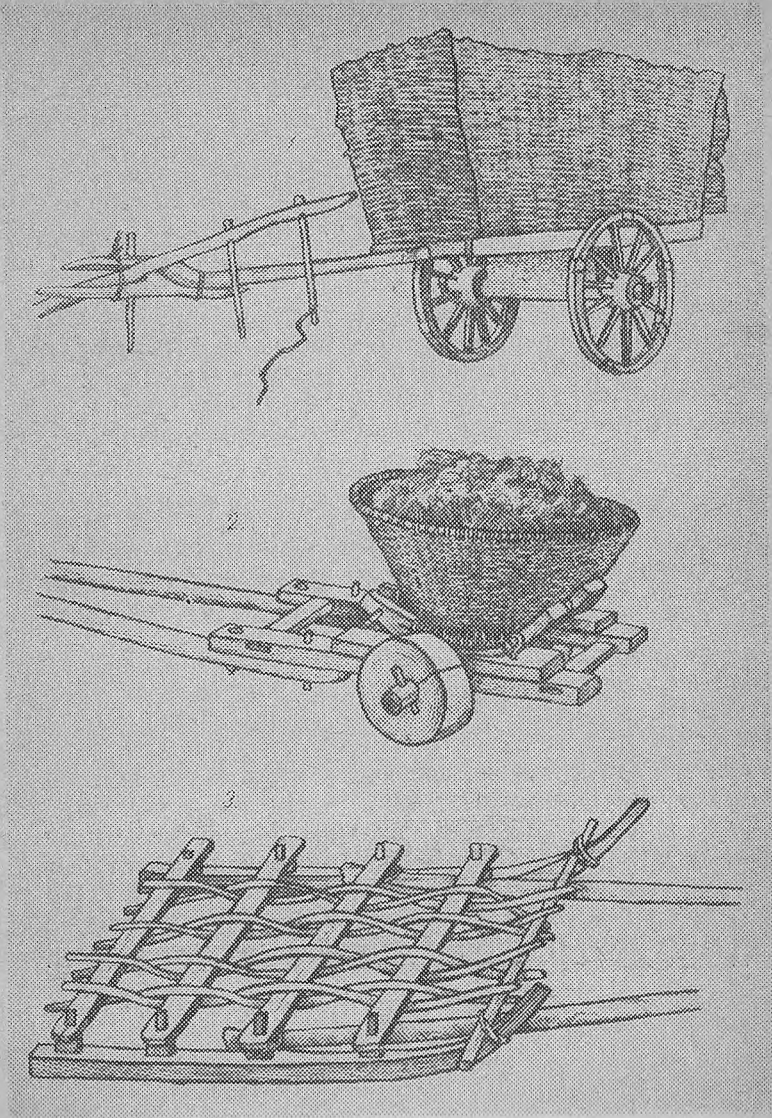

Рис. 3.

1 — варда (арба для вывозки сжатого хлеба); 2 — хьорка (транспортное средство для вывозки органических удобрений); 3 — салаз (горные сани для вывозки сжатого хлеба)

скота [20, с. 290; 21, с. 145, 204, 234, 246, 303]. Для этого прежде всего устраивался где-нибудь на ровной площади вблизи усадьбы ток — «хьаътта» [22, с. 43]. Сначала это место очищали мотыгами от травы, обильно полив, расстилали на нем толстый слой соломы от прошлогоднего урожая, и утрамбовывали, прогоняя в горах по нему несколько раз скот, а на плоскости — арбы с грузом, пока грунт не уплотнялся настолько, что налитая вода не оставалась на поверхности. Иногда после этого женщины готовили специальный глиняный раствор с обильной долей мякины — «кигаш» и обмазывали поверхность тока.

При использовании скота для обмолота — «эра» — в центре тока устанавливался крепкий столб — «хьокха». От 3 до 4 пар волов привязывались к нему при помощи веревок — «муш» или ремней — «аса», которые крепились к столбу так, чтобы они наматывались или разматывались на нем. Воле, которыми управлял погонщик «шед карахь ерг», сходились по спирали к центру и затем к краю тока.

Применялся и другой способ, когда веревка присоединялась к столбу с помощью скользящего на столбе кольца из лозы, при этом веревка не накручивалась на столб и каждое из животных выбивало зерно только на одной полосе. Это делало необходимым, как и в случаях использования нескольких пар волов под ярмом, «хьаъттаран дукъ», присутствие нескольких работников для перекалывания на току хлеба [24, с. 191].

Одним из свидетельств древности использования животных при обмолоте хлеба у вайнахов может служить существование у них специального сорта пшеницы «коган кIа», который вымолачивался только копытами животных.

В ряде чеченских обществ находило применение одно из древнейших, зафиксированных археологами, орудий молотьбы на Кавказе — молотильная доска — «балба» [21, сс. 422, 442, 470]. Обращает на себя внимание, что процесс обмолота хлеба от укладки снопов на току до сгребания с тока обмолоченного зерна по-чеченски называется «бал»*.

В Чеберлое молотильная доска известна под названием «эрдаран наI».

«Балба» имела вид широкой лыжи, с подбитыми снизу осколками кремня. Она могла быть составной из двух половинок по длине (рис. 2, 5). При работе, для увеличения веса, на нее становился человек вместо груза. Молотильную доску волокла пара волов.

Если хлеб был сырым, то в том же Чеберлое или у плоскостных

* Впрочем, под термином подразумевается полный цикл какого-либо действия в цепи повторения их. Так, например, в «синкьерам» чередуются «разговоры», мелодии, песни с танцами. Цикл танца, когда все присутствующие на «синкьерам» девушки поочередно танцуют, также называется «бал».

ауховцев, впереди на приподнимающейся части доски устанавливался нож, лезвием вперед. Как правило, для этой цели использовался обломок косы. Получающаяся после такого обмолота соломенная резка — «гIуqx» считалась хорошим, качественным кормом для скота, и ею дорожили, берегали для трудной поры весенних полевых работ.

В районах использования рассматриваемого орудия выращивалась специальная пшеница, вымолачиваемая лучше всего при помощи молотильной доски — «балбанан кIа». По словам наших информаторов, у гребенцов этот сорт был известен под наименованием «мильтура» [25, с. 158].

В некоторых притеречных населенных пунктах (например, в сел. Наур и Кень-Юрт) во второй половине прошлого столетия хлеб молотили при помощи загруженных арб и телег. В Чечен-Ауле к колесному передку телеги пристегивали волокушу из колючих кустарников — «дойзиган мекха» с наваленным грузом.

Как в горах, так и на равнине находили применение каменные каталки — «карчалог», «гIо», в том числе и граненые (рис. 2, 4). Старожилы Ичкерии отмечают, что у них раньше использовались катки из твердых пород дерева. Связку из двух катков в деревянной раме применяли при молотье с лошадиной тягой. При этом способе необходимо было домолачивать хлеб с помощью палок — «гIаж». Но уже с 70—80-х годов прошлого столетия на плоскости почти повсеместно палки были вытеснены заимствованными у русского населения края более эффективными в работе цепями.

Необходимо отметить, что этот период вообще считают переломным, вызвавшим в хозяйственных занятиях населения Северного Кавказа, в том числе и у вайнахов, заметные изменения, что было связано с развитием капитализма в крае, втягиванием его во всеобщий рынок, появлением больших масс иногородних переселенцев и принесло в земледельческое хозяйство местных жителей много инноваций [9, с. 32].

Для укладки хлеба, ворошения, убираания соломы вайнахи использовали 2—3-конечные деревянные вилы с обожженными концами (рис. 2, 2), или роговыми наконечниками. С конца XIX столетия эти традиционные орудия стали вытесняться покупными железными вилами. Для собирания на току зерна в кучи широкое применение находили большие деревянные лопаты — «баьхьа».

На рубеже XIX—XX столетий у отдельных зажиточных поселян на плоскости появились паровые молотилки, но они не получили широкого распространения из-за высоких цен. Однако их появление послужило за собой появление общественного тока, где хозяину машины выдавалась определенная доля обмолоченного хлеба.

Кукурузу, как правило, лущили руками, а если объем работ был значительным, то прибегали к «белхи».

Если же установленная на «белхи» очередность продвигалась медленно*, а кукурузное зерно было необходимо срочно, то на невысоких устойчивых четырех ножках плели корытообразную корзину с дном из более толстых и редких прутьев — «дзіам». Ее полностью засыпали кукурузой в кочанах и прикрывали старой мешковиной, чтобы зерно не разлеталось по помещению. Два молодых человека били по кукурузе палками «гложмаш». Зерно высыпалось вниз, а кочерыжки отваливались в сторону.

Различного рода металлические кукурузорешки проникли к вайнахам во второй половине прошлого столетия. Первоначально с ними познакомились жители плоскостных населенных пунктов, а к концу века они вошли в повседневный быт. В начале нашего века ими пользовались и в горах, там, где выращивалась кукуруза.

Орудия веяния и хранения. Для веяния зерна большинство населения использовало силу ветра: мужчины становились правой стороной, к ветру и большими деревянными лопатами — «біахъа» начинали подбрасывать зерно вверх. Если веянию подвергалось большое количество зерна, то к мужчинам присоединялись женщины и дети с различного рода подносами и тазиками [13, с. 303]. Каждый из работающих должен был стать так, чтобы не мешать друг другу и максимально использовать ветер. Видимо, поэтому кучи хлеба располагались на току разбросанно.

Для женщин изготавливалась специальная посуда, прямоугольная, в виде подноса или широкого совка, но без бортика с одной стороны — «пешк» (рис. 2, 3) [16, с. 162]. Изредка встречалась посуда, выдолбленная из одного цельного куска дерева.

«Веянием на ветру», — отмечал Г. К. Мартириан, — достигалась одновременно очистка и сортировка зерна [27, с. 98]. Растянувшееся узкой полоской зерно делилось на четыре части. Небольшую, начинающуюся от веятеля, долю по длине из образовавшейся кучи отбирали на семена. Она представляла собой неприкасаемую часть и хранилась отдельно. Следующая за ней значительная по длине часть отделялась для продажи. На пропитание семьи оставалась третья часть, которая поступала в распоряжение женщин. Зерно, выделенное на пропитание членов семьи в горной зоне, тщательно промывалось у ручья и просушивалось.

Много хлопот доставлял женщинам плевел — «шиш», от которого трудно было избавиться во время веяния, и помогала только промывка. У гребенцов хлеб, испеченный с добавкой плевел, назывался пьяным [38], так как он вызывал тошноту, рвоту, аналогичную алкогольному отравлению.

Оставшуюся четвертую часть — «обланан ціога» (досл. — хвост кучи) — недозрелое, неполновесное или подпорченное насекомыми

* Молодежь, как правило, растягивала для своего удовольствия этот период.

зерно шло на прокорм домашней птице, животным «дустош долу даьхни». Называлась эта часть «хЮь», но выделялась, разумеется, только при достатке хлеба.

В рассматриваемое время чеченцы и ингуши пользовались и различного рода решетками — «цаца» с сеткой из конского волоса — «мерз» и тонких крученых кожаных ремней — «маха». Решета ставились наклонно на специальный столик без верха. Считалось, что устанавливать подобные установки для веяния не было необходимости, если хлеба было меньше, чем на три дня работы.

Приблизительно после первой российской революции стали появляться у вайнахов металлические решетки различной калибровки (комплект из трех решет с ячейками различной величины). На них приходилось пропускать зерно трижды, но, несмотря на трудоемкость процесса, ими охотно пользовалось население. И даже брали в аренду с выплатой десятой доли от очищенного хлеба.

Отбор семенного зерна производился в горах, как мы упоминали выше, при помощи орудия «шинакъя» на еще несжатой ниве. В большинстве случаев в горной зоне селекционный отбор семян в рассматриваемое время производили с больших полновесных колосьев из снопов сжатого и уже привезенного к току хлеба. Правда, В. П. Христианович заметил по этому поводу, что чем ближе к плоскости, тем меньше интересуются жители этим вопросом [24, с. 190]. Внимание к отбору в высокогорных районах объяснимо, так как семена, взятые из нижележащей зоны, при посеве в горах не успевали, как правило, созреть. Вместе с тем, считалось, что семенное зерно, выращенное в горах, дает высокие урожаи на плоскости, поэтому его обменивали в пропорции 1 к 3.

Информаторы утверждают, что в далеком прошлом селекция у чеченцев была более развита. На плоскости в этом деле выделялись жители сел. Бачи-Юрт, Чечен-Аул, Гехи. Семена их производства обменивались на хлеб в соотношении 1 к 9. Однако для высокогорной зоны они были малопригодны. Информаторы утверждают, что для того, чтобы семена, выращенные на плоскости, дали урожай на полях высокогорной зоны, их необходимо было возделывать в каждой следующей по вертикали зоне от 1 до 3 лет.

У вайнахов бытовали своеобразные представления о селекции. Так, у чеченцев считалось, что семенная делянка должна отличаться худшими почвенными и световыми условиями. Утверждалось, что если что-то там выросло, то пересаженное в более благоприятные условия, например, на делянку второй («юкъяра кхаж») и первой категорий («хьалхара кхаж») зерно даст более высокие урожаи.

До сих пор продолжает существовать убеждение, что всхожесть семян, добытых встряхиванием снопов, их урожайность гораздо выше, чем у отобранных после обмолота. Показателен отбор семен-

ного зерна кукурузы, который начинался с отбора кочанов кукурузы в поле при их ломке. Внимание обращалось на количество полновесных кочанов на стебле, их величину и рост стебля. Затем шел отбор по качеству самого зерна, по количеству рядов на початке, заполненности и др. Отбраковывались кочаны, в которых зерно («буэртиг») хотя и крупное, но с прорехами, не соблюдена рядность, верхний конец без зерна — «тхьамаран юьхьиг» и др. На отобранных на семена кочанах оставлялось по несколько листьев «ллуэдиг», при помощи которых они сплетались вместе в 9-кратные гроздья — «курс», которые подвешивались где-нибудь под навесом и сохранялись в таком виде до предпосевного времени.

Лущение кукурузы на семена при помощи каких-либо орудий не допускалось. Оно производилось пожилыми людьми, предпочтительно отдавалось женщинам. Зерна с верхнего конца («тхьамаран юьхьиг») на три пальца отбраковывались, т. е. оставлялись на кочане, как, впрочем, на один палец шириной и на основании кочана («тхьамаран бух»).

Средства хранения. Хранилища хлеба в XIX — начале XX в. были разнообразны по материалу, величине и месту расположения. Особый интерес представляют ямы для хранения зерна [29, с. 67], известные вайнахам под различными терминами. По сведениям информаторов, яму с узким лазом, расширяющимся ко дну, рыли еще летом, обмазывали различными средствами и давали высохнуть. Если же яма рылась по какой-то причине зимой, ранней весной или поздней осенью, то перед использованием ее хорошо обжигали. В Джерахском ущелье яма для зерна, обложенная камнем и обмазанная цементирующим раствором, называлась «ларма», а с обожженными стенками — «кирк». В Галанчожском обществе яму для хранения зерна обкладывали скрученной соломой. В сел. Алкун, Пениг, бывшего Галашкинского района, любую яму, используемую под хранение зерна, также называли «ларма». В плоскостных чеченских районах подобную яму именовали «куьрк».

В поселениях по среднему и нижнему течением р. Сунжи, в приречных районах для хранения зерна в доме отгораживалась часть, которая называлась «гизла/гилза».

Во второй половине XIX столетия широко бытовало сооружение отдельных помещений из деревянного бруса типа амбара. Происхождение этой традиции не совсем ясно.

Во время военных действий кукурузные гроздья хранились подвешенными на деревья в лесных чащобах [30], что давало возможность населению сохранить какую-то часть хлеба в условиях различных перипетий.

Как и у многих народов Северного Кавказа, у чеченцев и ингушей широкое распространение получают обмазанные глиной (рис. 4, 3) или необмазанные (рис. 4, 5) плетенки — саетки. От реки

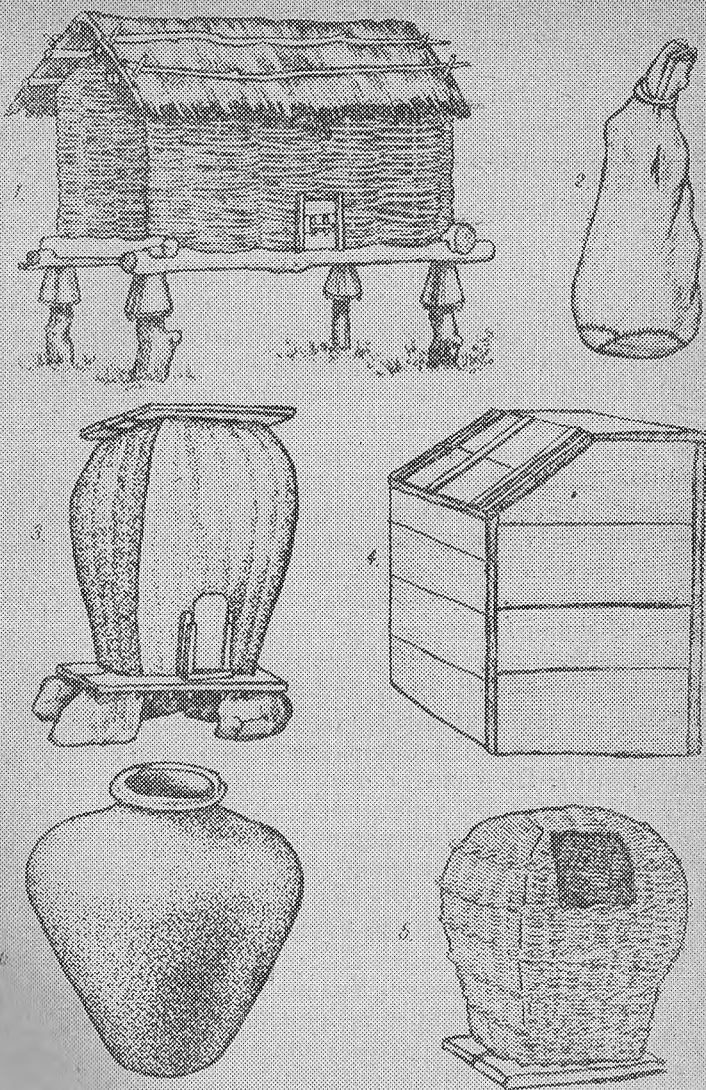

Рис. 4.

1 — до (хранилище кукурузных початков); 2 — гали (емкость из цельной шкуры); 3, 5 — сайра, тайра (хранилище зерна); 4 — чюль (ящик для хранения зерна и муки); 6 — кхаба (сосуд для хранения зерна)

Мартан на запад обмазанная сапетка [35, с. 12] известна под названием — «сайра», а на востоке — «тайра». Жители сел. Урус-Мартан, Энгиной, Галанчожского и Чеберловского обществ под терминами «сайра», «сера», «тайра», «стайра» подразумевали деревянный ящик. В Ингушетии, например, в населенных пунктах Алкун, Ольгеты, Сагопш аналогичное хранилище до сих пор именуют «кира», а в горной полосе от селения Шарой до р. Терек (в том числе и в с. Ольгеты) называют «кIе». Маастинцы этим наименованием обозначали аналогичную емкость для муки, но сам термин свидетельствует о ее использовании первоначально для хранения зерна, причем пшеницы. По словам старожилов сел. Истису, Наур, общества Чеберлой, ящик для хранения зерна под тем же наименованием использовался для хранения продуктов переработки зерна.

Фиксируется интересное и оригинальное средство хранения зерна и муки в специально приспособленном дупле из толстого дерева «хара». Известен он и под другим термином — «чIом».

Особо следует отметить широкое бытование и распространение со второй половины прошлого столетия специальных больших сапеток для хранения кукурузы в кочанах под открытым небом (рис. 4, 1). Языковед А. Н. Генко сближает вайнахское его название «до» с осетинским [19, с. 717; 35, с. 12].

Разного рода сапетки, деревянные ящики (рис. 4, 4), ямы для зерна зафиксированы в горной Ингушетии В. П. Христиановичем, но, к сожалению, им не приводится связанная с ними терминология, что усложняет работу по их дифференциации [24, с. 190].

Для хранения зерна чеченцами верховий речки Таллинг некогда использовались большие керамические сосуды на 7—9 ведер — «хула» (рис. 4, 6). Производство их гончарными мастерами в рассматриваемый период не зафиксировано. Бытовали также широко среди вайнахов своеобразные мешки — «гали» (рис. 4, 2) из цельной шкуры вола, подшитой сзади. Существовала емкость для зерна из двух аналогичных шкур — «машти». Эти два термина бытуют до сегодняшнего дня в качестве меры веса и емкости зерна и его продуктов.

Средства вывоза удобрений. Унавоживание пашен, как одно из действенных мер поддержки плодородия почвы полей, с древнейших времен было одним из важнейших звеньев в технологической цепочке полеводства вайнахов. Достаточно отметить, что навоз является предметом купли и продажи, будучи товаром весьма дефицитным даже для второй половины XIX — начала XX в., когда зона террасного земледелия вайнахов эксплуатировалась не столь интенсивно и плотность населения снизилась за счет переселения на плоскостные земли. Были выработаны нормативы необходимого органического удобрения на единицу возделываемой пашни, кото-

рые варьировали в зависимости от высеваемой культуры и срока длительности непрерывного использования поля [21, с. 57].

Орудия труда, которым пользовались чеченцы и ингуши для вывоза удобрений на поля, зависели от многих факторов, но главным из них был ландшафтный. В зависимости от удаленности пашни от жилья, наличия подходов и крутизны дорог, зона унавоживания пашен подразделялась на 5—4 ярусов. Это: а) первый ярус — пашни, расположенные на ближних подступах или же примыкающие к жилью. Тут пользовались орудием наподобие носилок для одного человека — «бекха//эка»; б) второй ярус обслуживался, вне зависимости от расположения террас ниже или выше населенных пунктов, средствами вывоза с помощью животных (в основном волов); в) третий ярус располагается, как правило, дальше и выше населенных пунктов. Склоны, в своем большинстве, отличались большей крутизной, поэтому рассматриваемые средства, с использованием волов, базировались на полозной основе; г) четвертый ярус террасных полей был расположен по вертикали в таких местах, куда невозможен был доступ средствам с использованием запряженных волов. В таком случае применялись вьючные животные, в основном ослы и мулы; д) на самых верхних пределах выращивания злаков в Чечено-Ингушетии (2000 и более метров над уровнем моря) основную роль доставки удобрений на поля брал на себя человек — мужчина, с той только разницей, что на сей раз он пользовался заплечной корзиной.

Таким образом, всю зону унавоживания пашен можно подразделить на три категории по принципу тягловой силы: а) человека; б) волов; в) вьючных животных. Следует отметить, что эталоном меры веса для вывозимой на поля органики оставалось орудие «бекха», в котором использовалась сила человека.

Это орудие было распространено среди населения всей зоны, но на западе от реки Фортанги оно называлось — «эка», а на востоке — «бекха».

«Бекха» представлял собой ручные носилки для одного человека с корзиной для навоза в 3—4 пуда весом [32, с. 129]. Для его изготовления брали две жерди в 1,5—5 сажен длиной («пхьагIат») с широкообразно загнутыми концами. Эти концы снизу отесывались, чтобы они лучше скользили по поверхности почвы и увеличилась площадь соприкосновения, тогда полозья не утопали в почве. Плечевую корзину устанавливали таким образом, чтобы она находилась в отдалении от человека, тянущего это орудие на $\frac{2}{3}$ длины жердей, что, естественно, увеличивало давление груза не на человека, а на полозья (рис. 5, 2).

Существовала и заплечная конусообразная корзина «тускар», которой мужчина выносил удобрения на террасу самого верхнего

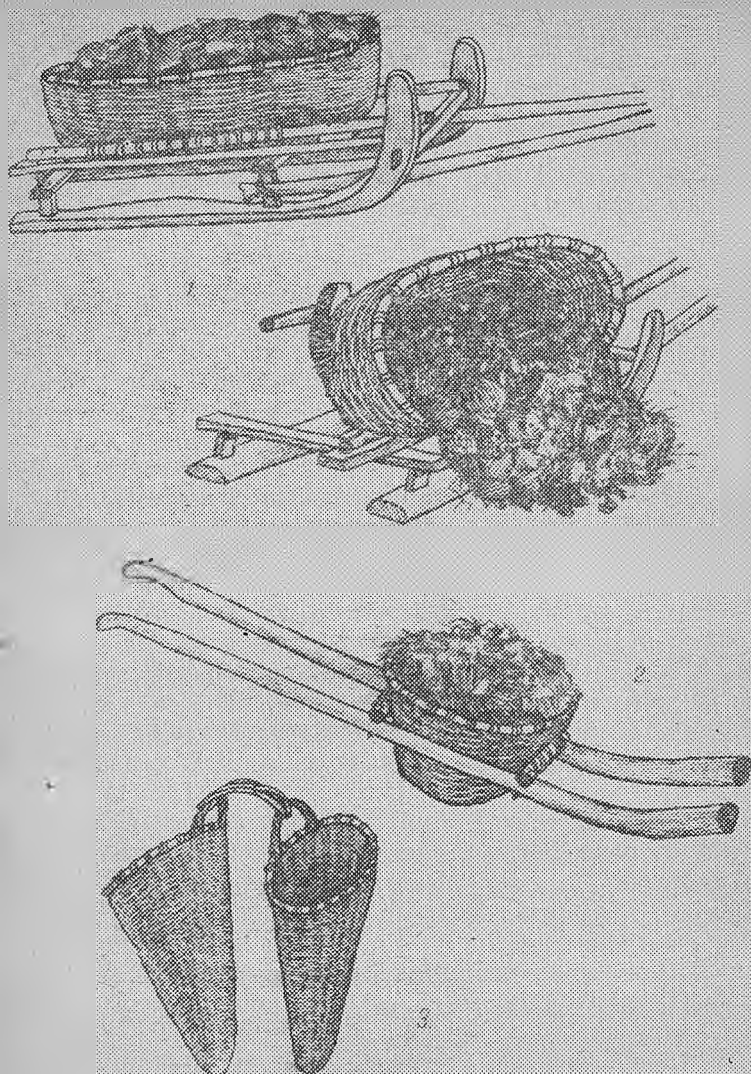

Рис. 5.

1 — дзім (транспортное средство на полозной основе с опрокидывающимся кузовом для вывоза органических удобрений); 2 — бекха (ручное приспособление для вывоза органических удобрений); 3 — тускарш (переметные корзины для выючных животных для вывоза органических удобрений)

яруса, куда невозможно было добраться даже на вьючных животных. Емкость корзины составляла половину «бекха».

Следует сказать, что общая площадь пашни, т. е. террасы, на которые навоз доставлялся человеком, была незначительной. На террасные поля повсеместно удобрения доставлялись с помощью «харукниш» — устройства с дисковидными обрубками ствола со сквозными отверстиями в центре, которые крепились в арбоподобном верхе, в виде колес. Правда, здесь, в отличие от аробного кузова, «вордапа цIа» применялась конусовидная с усеченным дном плетеная кошелка из прутьев, называемая «дзIум» (рис. 3, 2) [32, с. 122].

В различных районах зоны это средство отличалось друг от друга теми или иными деталями. Так, например, у ингушей Джерахского ущелья арбовидная основа делалась более широкой и на ней крепилась округлая кошелка.

По сведениям Н. С. Иваненкова, жители горного Акки, Галанчожа и восточнее «харкуниш» (колеса) делали меньшего диаметра — пять вершков и более широкими, чем джераховцы. Этим они достигали большей устойчивости орудия на ходу [32, с. 122].

Встречались среди вышеописанных средств вывоза удобрений и разновидности с опрокидывающимися кузовами, что значительно увеличивало производительность труда. Сейчас трудно определить, насколько глубоко в века уходит это изобретение. Откидывающуюся кошелку на «харкуниш» ставили на полудужья «тогIа» или же из толстых досок сколачивали полуколеса и крепили ее намертво. Чтобы кошелка не опрокидывалась назад, полудужья связывали с основой при помощи специальных петель из крученой лозы или деревянных планок. В момент опрокидывания кошелки задвижку — «гIоз» следовало вынуть и за специальный ремень, привязанный к передней части кузова, потянуть ее назад (рис. 3, 2).

На полях, находившихся на самых верхних ярусах, применялись средства вывоза удобрений, сконструированные на полозной основе. Аналогия подобных орудий встречалась у южных и северных осетин [33, с. 210; 23, с. 55], а также в Дагестане [34, с. 213]. Информаторы считают его удобным из-за большей устойчивости по сравнению с теми, которые применялись в нижнем ярусе. Интересно, что в 1973 году нам удалось сфотографировать такую кошелку на одном из заброшенных хуторов Шатойского района. Она была не округлой, а продолговатой, почти четырехугольной.

Это орудие труда повсеместно известно у чеченцев под названием «дзIум». Оно также делалось с опрокидывающимся кузовом, правда, здесь полукружья, на которых крепился плетеный кошель, ставились не спереди основы, а поперек, чтобы навоз опрокидывался не назад, как в предыдущем варианте, а на одну из сторон. Поэтому задвижек «гIоз» здесь было две — по сторонам, которые

необходимо было вынимать в зависимости от стороны опрокидывания кузова (рис. 5, 1).

Для накладки, загрузки и разбрасывания удобрений пользовались деревянными вилами «шада» с двумя — тремя обожженными наконечниками. Железных было крайне мало. Только в конце прошлого столетия в горах стали появляться металлические вилы, покупные, но они не полностью вытеснили деревянные.

Доступ упряжных средств на следующий ярус террасных полей из-за бездорожья был затруднен. Поэтому здесь для доставки органических удобрений использовались вьючные животные. Для доставки навоза на террасы плелись специальные уплощенные конические корзины по две в связке (рис. 5, 3), в которые загружалось навоза по 1/2 «бекха».

Как мы уже упоминали выше, на самый высший ярус органика доставлялась мужчинами в заплечной ранцевидной корзине. Вместимость корзины определялась 0,5 «бекха» [23, с. 55].

В горной Ингушетии в качестве удобрений использовался сухой голубиный помет, скапливающийся в заброшенных башнях. Удобрялись пашни вразброс, как при посеве, для чего применялись специальные неглубокие корзины в виде подноса с донышком из тонкой доски, высушенной липовой или тополиной коры, а также старые мешковины, приспособленные по размерам к торбе — «говран-Тормиг» [9, 72].

Ирригация. Весьма оригинальные инструменты и средства применялись вайнахами для орошения полей. Орошение — один из технологических приемов в местном полеводстве, уходящий своими корнями в бронзовый век [35], фиксируется письменными источниками на плоскости края с начала XVII в. В Чечено-Ингушетии существовала широко разветвленная оросительная система, особенно, как свидетельствуют информаторы, в таких районах, как Джейрах, общество Галгай, район Чанты и Шаро-Аргуна и др. [24, с. 40; 24, с. 57].

Подведение воды для полива полей в различных местах сопряжено было с различного рода трудностями. Необходим был не только физический труд, но и определенные знания, навыки и опыт. Особые затруднения встречали полеводы в тех случаях, когда воду надо было поднимать на вторую или третью террасы и тогда, когда между отводом из реки и пашнями встречались отвесные скальные стены.

В первом случае, по рассказам старожил, для проведения трассы канала, в течение нескольких дней осла держали без пищи. Затем, при помощи двух жердей сооружали перед ним нечто в виде подноса, на который насыпалось зерно, к которому осел дотягивался только отчасти. На него грузили поклажу, но так, чтобы его все время отклоняло в сторону. Завязывали ему глаза и отпускали в

сторону, где должна быть прорыта канава. Животное, гонимое голодом, медленно поднималось по склону. По его следам и прорывался канал [25, с. 45].

У вышеописанного «прибора» встречается вариант, в котором задействован сам человек. Для этого на гладкий поднос с невысокими бортиками, который держал юноша перед собой на вытянутых руках, ставилось из медного тонкого листа полушарие с длинной палкой, закрепленной в центре. В таком виде палка держалась в строго вертикальном положении. Перед тем, как начать работу по определению места будущего канала, на вертикальный стержень устанавливалась перекладина с таким расчетом, чтобы вертикаль отклонялась в сторону склона. Для того, чтобы перекладина не свалилась с подноса, юноше, как правило, все время приходилось подниматься по склону вверх. По следу и прорывали канал. Канал рыли в зависимости от плотности и состава грунта разными орудиями. На галечниках, сцементированных глиной, использовались кирка — «злок-берг» (лом, как таковой, вайнахами не применялся до нового времени). На тяжелых глинистых почвах использовали тяжелые мотыги — «каза», те же, что и в подсечном земледелии. Более мягкие почвы снимались при помощи лопат-заступов. В отличие от среднеазиатских народов, которые применяли кетмень-мотыгу и для копки, и для выбрасывания земли, вайнахи первые два вида орудий использовали только для рыхления, а землю выбрасывали лопатами — «бел».

Интересно, что у чеченцев от магистрального канала отводы делались до полей при помощи специального громоздкого пахотного орудия, в которое впрягалось до 40 пар волов. Это орудие, из-за громоздкости и сложности управления им, до сих пор остается синонимом сложности, затянутости — «татин гота».

В заключение хотелось бы отметить, что развитие земледелия у вайнахов происходило в русле общих тенденций эволюции этой отрасли хозяйства северокавказских народов при наличии известных локальных (этнических) особенностей [9]. При этом установлено, что на определенном этапе развития, в эпоху позднего средневековья, горное земледелие находилось у значительной части населения региона на более высоком уровне развития, чем плоскостное, это подтверждается и нашими наблюдениями применительно к Чечено-Ингушетии. Вместе с тем, если процесс выдвижения на передний план равнинного земледелия в рамках всего Северного Кавказа относят к 70—80 годам XIX в., то в Чечне это явление обобщалось значительно раньше. В этом важную роль сыграл процесс интенсивного переселения вайнахов с гор на равнину в XVIII в. Поэтому есть основания полагать, что в основе позднейшего высокоэффективного развития земледелия у вайнахов лежал

традиционный опыт, выработанный предшествующими поколениями еще в горах и бережно сохраненный горцами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хасиев С. А. Об основных типах вайнахских пахотных орудий//Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году — М., 1972.
2. Хасиев С. А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX—начале XX века//СЭ, 1973, № 1.
3. Хасиев С. А. О роли ручных орудий в становлении пахотных орудий/по вайнахским этнографическим материалам//Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии антропологических и этнографических наук. Сухуми, 1988.
4. Алибердов Д. Т. Из истории земледелия у адыгов в XIX в.//Ученые записки Адыгейского НИИ. Т. VIII. Майкоп, 1968.
5. Гарданов В. К. Земледелие у адыгов в XVII — половине XIX века//СЭ, 1965, № 4.
6. Хасиев С. А. О столярном инструментарии у вайнахов второй половины XIX — начала XX века//Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.
7. Лавров Л. И. Этнографический очерк убыхов//Ученые записки Адыгейского НИИ. Т. VII. Майкоп, 1968.
8. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
9. Манасеин И. Происхождение земледелия. Л., 1927.
10. Аналогичное орудие с двумя штырями, но меньших размеров, экспонировалось в 1970 г. в Сочинском краеведческом музее.
11. Знаменский П. И. Физико-экономический очерк Чеченской автономной области. Грозный, 1929.
12. Баканиев Абу-Бакар. 20 лет. (1972 г.) с. Гехи Урус-Мартановского района.
13. Калоев Б. А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). Издание 2, исправленное и дополненное. М., 1971.
14. Сведения об этой оригинальной конструкции серпа сообщены жителями села Бачи-Юрт Шалинского района.
15. Народы Кавказа. Т. 2. М., 19...
16. Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973.
17. Гаджиева С. Ш., Османов В. О., Пащяева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
18. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей//Записки коллегии востоковедов. Вып. 5. Л., 1930.
19. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в 1 трети XIX века. М., 1960.
20. Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.
21. Данилова Е. Н. Абазини/Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации XIX века. М., 1984.
22. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968.
23. Христианович В. П. Горная Ингушия (к материалам по экономике альпийского ландшафта). Ростов-на-Дону, 1928.
24. Архив ЧИНИИЭСФ, фонд диссертаций. Хасиев С. А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX — первой четверти XX века. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). М., 1973.
25. Закс А. Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936—1937 гг.//Сборник статей из истории СССР XIX века, вып. 15. М., 1941.
26. Мартиросян Г. Н. Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк. Владикавказ, 1928.

27. Ходжаев С. Каталог коллекций КОСХ. Тифлис, 1875.
28. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант//Свод археологических источников. Вып. В2—5. М., 1977.
29. Беляев С. 10 месяцев в плену у чеченцев. СПб, 1859.
30. Берг В. Полеводство и полевые культуры горной Чечни. (Полевые культуры северных склонов Кавказа). Ч. II. Ростов-на-Дону, 1930.
31. Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование чеченского района Нагорной полосы Терской области.//Терский сборник. Вып. 7, Владикавказ, 1910.
32. Гаглыева З. Д. Земледельческие орудия у южных осетин//Известия ЮСНИИ. Вып. VIII. Сталинири, 1957.
33. Агларов М. Очерк этнографии земледелия южного Дагестана//Дагестанский этнографический сборник. Вып. I. Махачкала, 1974.
34. Яковлев Н. Ингуши. М.—Л., 1925.
35. ЦГАДА, ф. 115, д. 3, л. 2 об.
36. Саидов И. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII—XIX веках. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1861—1940). Т. IV, вып. I. История. Грозный, 1964.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛВАХАБОВА Берлант Борз-Алиевна — учительница СШ № 2 сел. Толстой-Юрт ЧИАССР, соискатель по кафедре истории народов Северного Кавказа ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

ДАУТОВА Резеда Абдулмуслимовна — научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ.

МАДАЕВА Зухра Абдурашидовна — зав. сектором археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ, кандидат исторических наук.

МАМАЕВ Хамид Магомедович — ученый секретарь ЧИНИИИЭСФ, кандидат исторических наук.

МУЖУХОЕВ Макшарип Баудинович — зав. кафедрой истории СССР досоветского периода ЧИГУ им. Л. Н. Толстого, доктор исторических наук.

НАРОЖНЫЙ Евгений Иванович — научный сотрудник археологической лаборатории, соискатель по кафедре истории народов Северного Кавказа ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

ХАСБУЛАТОВА Зулай Имрановна — старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ, кандидат исторических наук.

ХАСИЕВ Саид-Магомед Адамович — старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ, кандидат исторических наук.

ЧАХКИЕВ Джабраил Юрьевич — и. о. зав. сектором археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ, кандидат исторических наук.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АЭС	— Археолого-этнографический сборник
ВГМГ	— Вестник государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДЧИ	— Древности Чечено-Ингушетии
ИНИИК	— Ингушский научно-исследовательский институт краеведения
КСИА	— Краткие сообщения института археологии Академии наук СССР
КСИМК	— Краткие сообщения института истории материальной культуры
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СКНЦВШ	— Северо-Кавказский научный центр высшей школы
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
ССТО	— Сборник сведений о Терской области
СЭ	— Советская этнография
ЧИИИСФ	— Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии
ЧИННИИЯЛ	— Чечено-Ингушский научно-исследователь- ский институт истории, языка и литера- туры
ЮОНИИ	— Юго-Осетинский научно-исследовательский институт

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
Мужухоев М. Б. Предметы традиционной материальной культуры из средневекового Кийского (Келийского) могильника в горной Ингушетии	
Даутова Р. А., Мамаев Х. М., Нарожный Е. И., Чаккиев Д. Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (по результатам раскопок Шуанского могильника)	
Чаккиев Д. Ю. Огнестрельное оружие позднесредневековых вайнахов	
Даутова Р. А. Склеп с поминальной камерой у сел. Эрзи	
Абдулвахабова Б. Б.-А., Мадаева З. А. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии в XVII—XVIII вв.	
Хасбулатова З. И. Одежда в традициях и обычаях чеченцев и ингушей в XIX — нач. XX в.	
Хасиев С.-М. А. Орудия труда в полеводстве вайнахов (XIX — начало XX в.)	
Краткие сведения об авторах	
Список используемых сокращений	

8

6

15

71

86

103

112

124

148

149

ТРАДИЦИОННАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Редактор Е. А. Куприянова.
Художник В. Е. Помазанов.
Технический редактор А. П. Демидова.
Корректоры: Н. П. Арустамова, В. И. Чебоксарова.

Сдано в набор 19.05.1989 г. Подписано к печати 20.12.1989 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 9,75.
Уч.-изд. л. 10,34. Тираж 800. Заказ № 4750. Цена 1 р. 55 к.

Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга»
Государственного комитета Чечено-Ингушской АССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 364907, Грозный, ул. Субботников, 35.

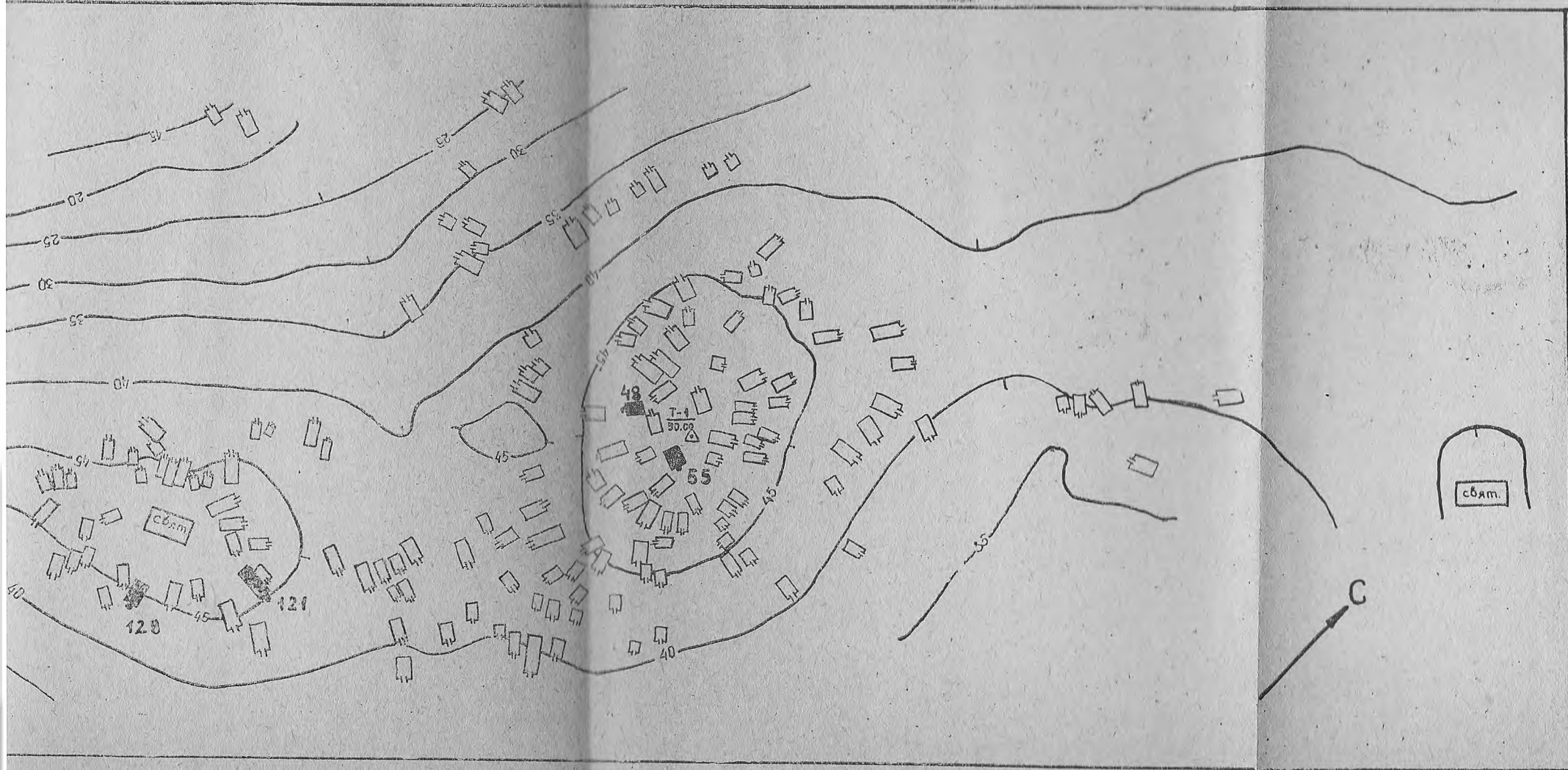

Рис. 1.

План Шуанского склепового могильника (48, 55, 121, 128 — номера раскопанных склепов).

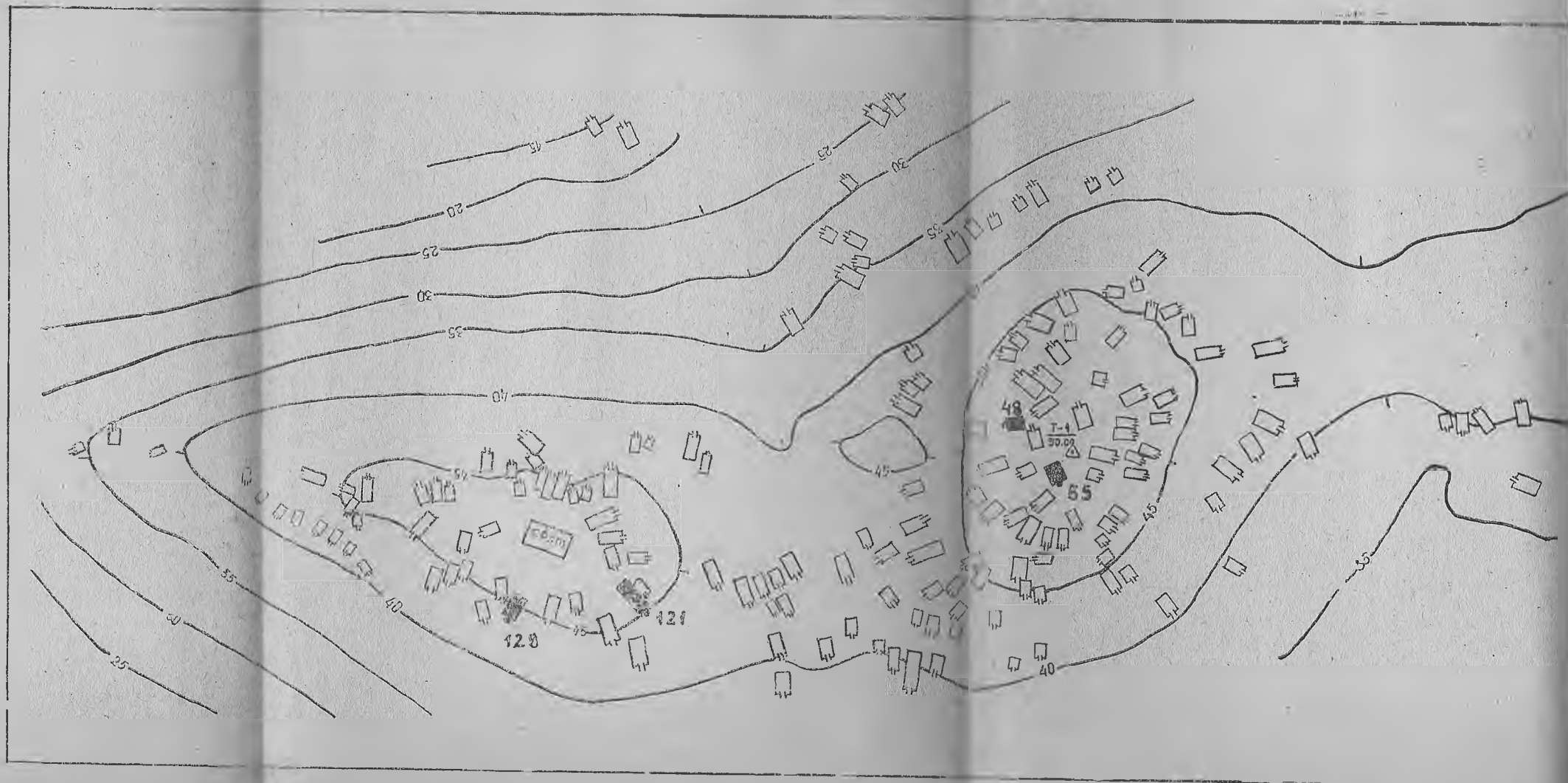
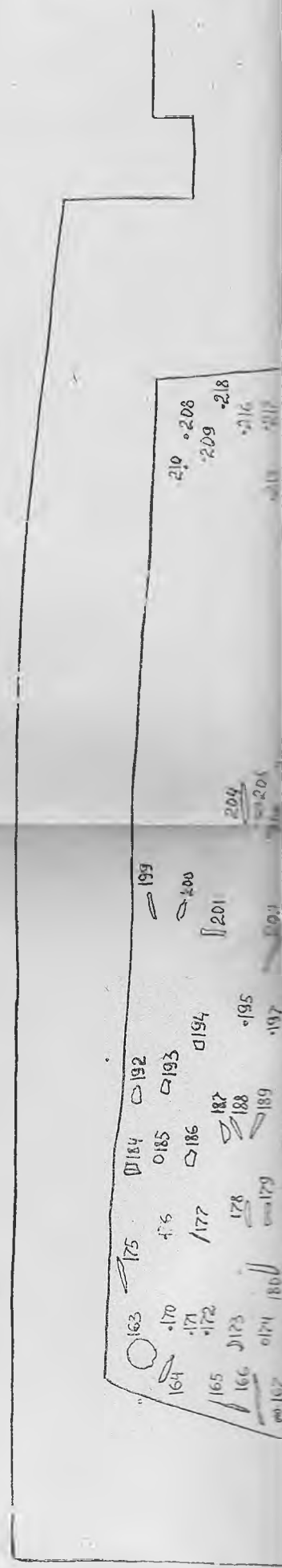
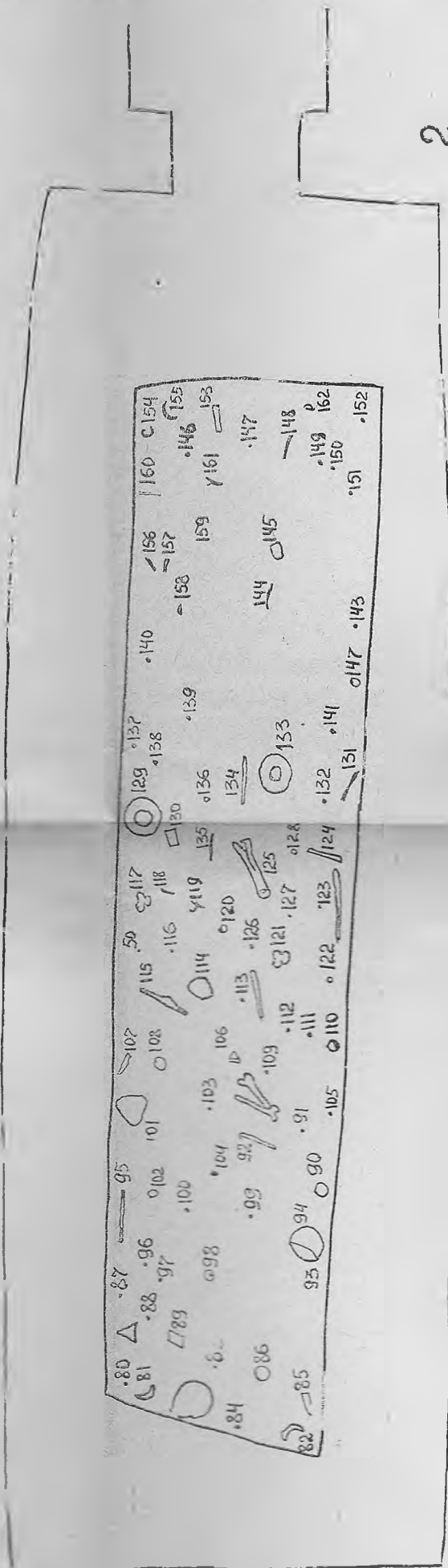
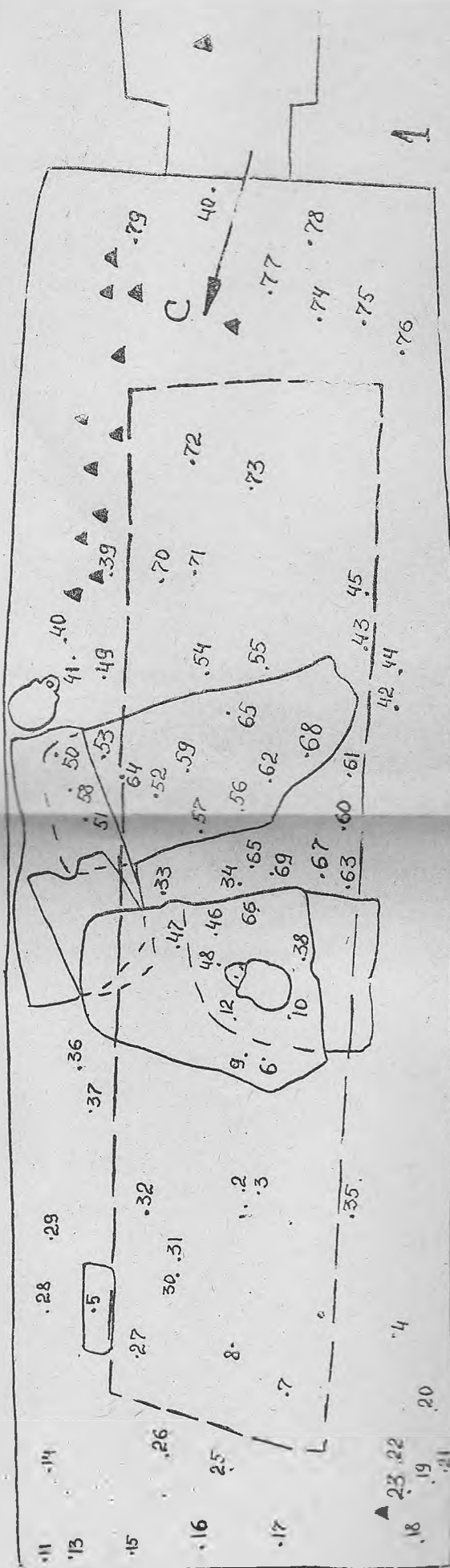
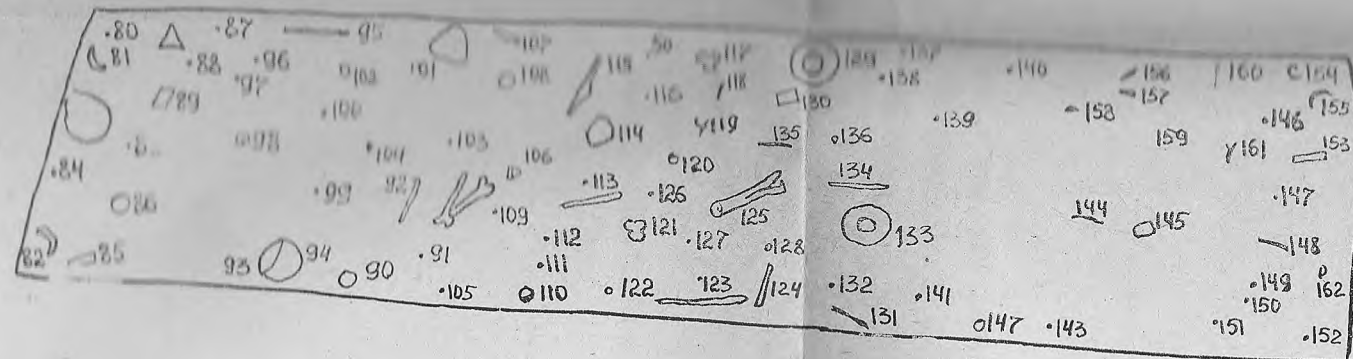

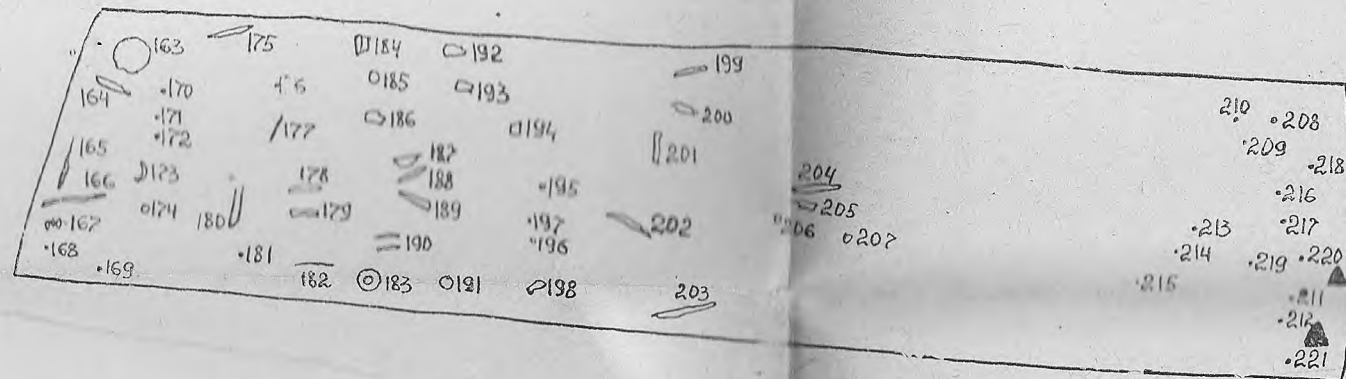
Рис. 1.

План Шуанского склепового могильника (40, 55, 121, 128 — номера раскопанных склепов).

2

3

0 20

Рис. 19.

Планы размещения находок в склепе 128 Шуанского могильника 1 — слой 1; 2 — слой 2; 3 — слой 3.